

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербургский государственный университет
Греческий институт в Санкт-Петербурге

МЕСТОИМЕННЫЕ
КЛИТИКИ
В
«ЛУГЕ ДУХОВНОМ»
ИОАННА
МОСХА

М. А. КИСИЛИЕР

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011

УДК 811.14"06
ББК 83.3(0)321
К 44

К 44 М. Л. Кисиллер. Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха. СПб.: Нестор-История, 2011. — 218 с.

ISBN 978-5-98187-616-5

Немногие из современных языков обладают столь длительной письменной традицией, как греческий. Один из интереснейших переходных периодов в его истории приходится на так называемое позднее койне (IV–X/XII вв.), когда на смену древнегреческому языку постепенно приходит новогреческий. Особенно ярко изменения заметны на просодическом уровне, проявляясь, в частности, в принципах расстановки местоименных энклитик в предложении. Описанию этих принципов и посвящена настоящая монография. Материалом для исследования стал один из наиболее знаменитых текстов того времени — патерик «Луг Духовный», написанный в начале VII в. византийским монахом Иоанном Мосхом по рассказам, якобы услышанным автором во время путешествий по монастырям Ближнего Востока, Кипра и Самоса. Вероятно, в связи с тем, что основными читателями (слушателями) историй Мосха должны были стать простые носители языка, по большей части далекие от книжной традиции, автор «Луга Духовного» создает особую языковую модель, во многом соответствующую языку обрцованного духовенства того времени.

Описание местоименных клитик предпринимается с нескольких сторон: прежде всего, в контексте изучения общих принципов расстановки словоформ и с точки зрения закона Вакернагеля. Кроме этого, в книге отмечаются наиболее характерные морфологические особенности «Луга Духовного». Монография рассчитана на неозеллинистов, специалистов-типологов и на читателей, интересующихся историей греческого языка.

Рецензенты: д. ф. н. Ю. А. Клейнер и к. ф. н. Н. Л. Сухачёв.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Научной программы СПбНЦ РАН.

Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ МК-1849.2011.6 и в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации (2009–2011 гг.)»

ISBN 978-5-98187-616-5

© Максим Кисиллер, 2011

Потому что нет ничего,
более удивительного, чем жизнь.
Кроме слова.
Кроме утешительного слова.

Орхан Памук. Черная книга
Перевод Веры Феоновой

От автора

В статье «Les enclitiques slaves», написанной в 1935 г. по материалам доклада в Риме, Р.О.Якобсон замечает: «Позиция энклитик¹ в предложении — это один из ключевых вопросов, связанных с порядком слов».² С тех пор прошло более семи десятилетий, вышло много блестящих работ, посвященных клитикам и в общетеоретическом плане, и на материале конкретных языков, однако до сих пор эта тема остается одной из наиболее интересных и важных для понимания структуры предложения и его правильной интерпретации.

Эта книга представляет собой переработанный и сокращенный вариант кандидатской диссертации, защищенной в 2003 г. на Филологическом факультете СПбГУ. Работа над диссертаци-

¹ **Клитики** (от древнегреческого глагола κλίνω ‘наклонять’) — это слова, лишенные собственного ударения и поэтому образующие интонационно-просодическое единство со словом, имеющим собственное ударение. Клитики могут оказываться как перед ударным словом (их тогда называют **проклитики**), так и после него (**энклитики**). В древнегреческом языке и койне проклитиками были предлоги и союзы, а энклитиками становились частицы, традиционно оформлявшиеся как ударные, подробное описание которых см. в [DENNISTON 1954], и слабые формы местоимений.

² «La position des enclitiques dans la phrase constitue une des questions fondamentales concernant l'ordre de mots» (цит. по [ЯКОБСОН 1971:22]).

ей пришлось как раз на тот момент, когда тема греческих местоименных клитик¹ была в моде: после знаменитых статей Питера Макриджа [MACKRIDGE 1993; 1994; 2000] и Марка Йансе [JANSE 2000] казалось, что вопрос о клитиках в истории греческого языка уже почти снят. Впрочем, как показала диссертация Панайотиса Паппаса [PAPPAS 2001], позже изданная в [PAPPAS 2004], эти исследования поставили вопросов больше, чем смогли решить. Особенность настоящей книги состоит, наверное, в том, что в ней не предпринимается попытка ответить на поставленные прежде вопросы: она, конечно, по возможности учитывает удачи и неудачи предыдущих исследований, но лишь настолько, насколько это важно для рассматриваемого материала, который ограничен одним греческим текстом начала VII в. — «Лугом Духовным» Иоанна Мосха (см. § 7 и сл.). Продуктивность подобного подхода подтвердило исследование А. А. Зализняка, ориентированное на язык новгородских берестяных грамот [ЗАЛИЗНЯК 1993]. Как показал опыт А. А. Зализняка, выводы, сделанные на материале одного текста (или набора однотипных текстов), с одной стороны, могут быть релевантными и для других текстов на том же языке [ЗАЛИЗНЯК 2004:45–72; 2008], а с другой стороны, задают типологические параметры для описания аналогичных явлений на материале других языков [ЦИММЕРЛИНГ 2002:72–77; 2009:269]. Аппарат, предложенный А. А. Зализняком, в несколько переработанном виде использован и в этом исследовании (см. § 67–76).

Настоящая книга не появилась бы без совета и помощи многих людей. Важные замечания и предложения на стадии написания диссертации внесли Ф. А. Елоева, Н. Н. Казанский, В. П. Казанскене и А. Ю. Русаков. Особенно автор благодарен А. В. Циммерлингу, подготовившему отзыв от ведущей организации, и оппонентам: Т. В. Цивьян и С. А. Иванову. Большое значение имели комментарии, высказанные по статьям и докладам, также легшим в основу настоящей книги. Здесь хочется упомянуть как отечественных исследователей — В. А. Плунгяна, Ю. А. Клейнера, А. С. Мухина, так и зарубежных — Питера Макриджа, Брайана Джозефа, Дитера Райнша, Марка Лаукстема-

¹ Здесь и далее **местоименными клитиками** называются только слабые формы **личных** местоимений.

на, Марьолин Йансен, Марка Йансе, Ганса Айденайера, Хосе Симона Палмера, Панайотиса Паппаса и Пахомиоса (Роберта) Пенкетта. Многие из них оказали помощь не только советами, но и поделились необходимой литературой. На конечной стадии доработки книги Н. Л. Сухачев, Ю. А. Клейнер и В. В. Федченко прочли текст и высказали важные соображения по его доступности для читателя и удачности формулировок, за что автор им очень благодарен. Следует признать, что не все замечания по разным причинам были учтены и недостатки окончательного варианта книги лежат исключительно на совести автора. Автор также благодарен И. А. Магину, подготовившему оригинал-макет, и Ал. Вл. Андрееву, И. Э. Васильевой и Арно Бикару за помощь в исправлении ошибок.

Список сокращений и условных обозначений

<i>AB</i>	акцентное выделение
англ.	английский язык
букв.	буквально
досл.	дословно
др.-греч.	древнегреческий язык
итал.	итальянский язык
новогреч.	новогреческий язык
нем.	немецкий язык
просторечн.	просторечная форма
понт.	понтийский диалект новогреческого языка
русск.	русский язык
франц.	французский язык
<i>ФУ</i>	фразовое ударение
ACC	винительный падеж
ACT	активный залог
ADV	обстоятельство, наречие
AOR	аорист
ART	артикуль
Car.	carut
cod.	codex
CL	(эн)клитика (обычно сентенциальная)
CNJ	союз
CONJ	сослагательное наклонение
DAT	дательный падеж
DET	определение
ed.	edidit
<i>f.</i>	folium
FEM	женский род
FUT	будущее время
GEN	родительный падеж
<i>Hbc.</i>	Nabacuc
<i>Hdt.</i>	Herodotus, <i>Historia</i>

<i>Hom. Ep.</i>	Homeri Epigrammata
<i>Il.</i>	Homeri Ilias
IND	изъявительное наклонение
IPF	имперфект
<i>Laus.</i>	Historia Lausiaca
libel.	libellum
<i>Mark</i>	эмфаза, показатель маркированности
MASC	мужской род
<i>Mc.</i>	Sec. Marcum
<i>Mt.</i>	Sec. Matthaeum
N	имя существительное
NEUTR	средний род
NOM	именительный падеж
NP	именная группа
O	дополнение, объект
Od	прямое дополнение
Oi	косвенное допoление
Op	местоименная клитика в функции дополнения
Op*	сильная форма местоимения в функции дополнения
<i>Od.</i>	Homeri Odyssea
OPT	оптатив
PERF	перфект
<i>PG</i>	Patrologia Graeca = [MIGNE 1857–1866]
PL	множественное число
PRAES	настоящее время
PREP	предлог
<i>Prot.</i>	Prothagoras Platonis
<i>Ps.</i>	Psalmi
<i>Ptoch.</i>	Ptochoprodromos
<i>Ran.</i>	Ranae Aristophani
<i>Rom.</i>	Ad Romanos
S	подлежащее, субъект
SG	единственное число
V	глагольная форма
Vdic	глагол речевой деятельности
Vfin	личная форма глагола
Vimp	глагольная форма в повелительном наклонении
Vinf	глагольная форма в инфинитиве

Vmod	модальный глагол
Vprt	причастие
Vvid	глагол зрительного и чувственного восприятия
VL	Variae Lectiones (в <i>PG</i>)
VOC	звательный падеж
VP	глагольная группа
vs.	versus
W	полноударное слово
∅	пустой (нулевой) объект (дополнение)
{...}	границы синтаксических или интонационно-просодических групп
[...]	элемент добавлен для лучшего понимания

Введение

§ 1—5. Общие положения (9) • § 6. Иоанн Мосх (16) • § 7. Общие сведения о «Луге Духовном» (19) • § 8—9. Литературные и художественные особенности (20) • § 10. Рукописи и первые издания (27) • § 11—19. Текстологические разночтения (30) • § 20. Издания «Луга Духовного» (35) • § 21. Правила нумерации строк (35)

§1. «Граматики конкретных языков описывают эти языки, общее языкознание описывает, как сопоставить грамматики» — так определяет В. Б. Касевич одну из основных задач общего языкознания [КАСЕВИЧ 1977:3]. Однако все более ярко проявляющаяся тенденция поставить языкознание в один ряд с естественными и точными науками постепенно приводит к тому, что целью обобщений становится уже не столько выработка универсальных правил для описания **разных** языков, сколько разработка обобщенной исследовательской модели или даже, скорее, свода общих правил, позволяющих производить правильные морфосинтаксические структуры путем простой подстановки соответствующих лексических элементов,¹ независимо от их языковой принадлежности, что, с одной стороны, позволяет типологически взглянуть на такие ключевые вопросы, как проблема лингвистического описания морфологической и семантической зависимости [MEL'ČUK INTERNET (= 2003)], определения фокуса [VAN VALIN JR. 1999; LÓPEZ, WINKLER 2000], предикацию [BRANDT 2001] и проч., а с другой — нередко ведет к тому, что за подобными описаниями несколько теряется сам язык, а приводимые примеры, соответствуя разработанной формуле, вступают в противоречие с нормами живого языка [PHILLIPAKI-WARBURTON 1992]. Приходится признать, что метод универсального (формульного) описания языковых реалий, давая возможность по-новому взглянуть на многие

¹ Подразумевается создание универсальной модели описания всех уровней языка; см., напр., [RUSSELL 1999].

вопросы морфологии, синтаксиса и семантики, заметно затрудняет анализ конкретных примеров. Причиной этому, вероятно, оказывается невнимание к контексту, неизменно сопутствующее любому обобщению. Вместе с тем, наличие контекста является наиболее существенным фактором для правильного понимания высказывания, во многом определяя его семантико-синтаксическую интерпретацию.¹ В архиве С. Д. Кацнельсона сохранилось немало набросков, посвященных критике идей Ноама Хомского. В заметке «Слепой синтаксис и слепая лексика (из беседы с Ю. С. Масловым)» встречается замечание о том, что «Хомского подвело математико-логическое разграничение синтаксиса и семантики, при котором синтаксис понимается как чисто формальное построение, противоположное семантике» [КАЦНЕЛЬСОН 2001:668]. Представляется, что понимание семантики синтаксиса как явления, выходящего за рамки отдельного предложения и приближающегося к анализу текста в целом, дает возможность подойти к рассмотрению синтаксических явлений с точки зрения прагматики.²

¹ Данное утверждение зачастую верно и для фонологической интерпретации высказывания. Рассматривая вопрос о **нейтрализации**, В. Б. Касевич отмечает, что «условием нейтрализации является **двусторонность** (выделение — ВК) нейтрализуемых единиц» [КАСЕВИЧ 1986:6]. В качестве примера приводятся три омонима *лук*₁ (растение), *лук*₂ (оружие) и *луг*. В первых двух случаях представлена так называемая **постоянная** омонимия, и разграничение разных лексических единиц происходит только благодаря «сохраняющейся противопоставленности означаемых» (*там же*), что может быть выявлено только из лексического контекста (примеры В. Б. Касевича):

- (i) *На грядке растет зеленый лук*₁
- (ii) *Всадник выстрелил из лука*₂

В последнем примере теоретически возможна сильная позиция, формально снимающая омонимию (*луг-а* ~ *лук-а*), однако очевидно, что не наличие сильной позиции помогает слушающему правильно оценить смысл высказывания, а именно присутствие широкого контекста.

² Показательно, что, рассматривая вопрос о месте фокуса, Роберт Ван Валин Мл. практически никогда не выбирает в качестве примера отдельную фразу, и это позволяет сразу определить место фокуса [VAN VALIN JR. 1999:512]:

- (i) **Q[uestion]:** How's your car? **A[nswer]:** My car/it broke **DOWN**
- (ii) **Q:** What happened? **A:** My **CAR** broke down

§2. Признание необходимости изучения контекста при проведении лингвистического описания ставит, по крайней мере, два вопроса, актуальных для настоящей книги:

1. **Как соотносятся изучение контекста и термин 'закон' в языкознании?** Если в естественных науках этот термин используется для описания **универсальных** и **циклических** процессов, то в языке, даже в случае обязательности, процессы всегда имеют временную ограниченность. Высокой степенью обязательности, более или менее сопоставимой с естественными науками, обладают только те единицы языка, которые подвергаются качественным изменениям, то есть единицы фонетического уровня.¹ Употребление термина 'закон' при исследовании процессов, где функционируют двухсторонние единицы, выглядит иногда настолько странно, что многие современные лингвисты при анализе морфологических и синтаксических закономерностей, традиционно называемых законами, в основном стремятся использовать более «лингвистические» термины или делают определенные оговорки. Так, Стивен Андерсон, рассматривая известный закон Ваккернагеля² с современных позиций, либо вообще не использует слово «закон» [ANDERSON 1995; 1996], либо употребляет такие выражения, как «основное наблюдение Ваккернагеля» („Wackernagel's central observation“), «принцип упорядочения Ваккернагеля» („Wackernagel's ordering principle“) или «позиция Ваккернагеля» („Wackernagel's position“) [ANDERSON 1993:69, 70, 72]. В статьях Марка Йансе, напротив, часто встречается термин 'закон Ваккернагеля', однако бельгийский исследователь неоднократно подчеркивает тот факт, что это лишь тенденция, которая, хотя и во многом определяла порядок слов в предложении, имеет многочисленные исключения [JANSE 2000:232ff].³ Впрочем, здесь,

¹ Едва ли удастся найти хоть один случай того, чтобы какой-либо фонетический закон действовал на протяжении всего развития языка. Например, в древнегреческом, как и во многих других индоевропейских языках, были обязательны фонетические изменения, известные, как закон Грассмана и закон Остгофа (их функционирование в древнегреческом описывается в [LEJEUNE 1972:56–58, 219–220]), которые, однако, начинают терять свою силу уже в позднюю классическую эпоху.

² Предварительно закон Ваккернагеля можно сформулировать так: в тех языках, где он действует, энклитики (см. сн. 1 на с. 3) обычно занимают второе место в предложении после первого полноударного слова; подробнее см. § 66 и сл.

³ Предваряя библиографию, созданную им к столетию закона Ваккернагеля, Марк Йансе отмечает: «Кажется, что Ваккернагель сам несколько сомневался в том,

по-видимому, на первый план выходит не методический вопрос о правильной терминологии, который не имеет столь большого научного значения, а проблема **метода** исследования, связанная с бесперспективностью изучения языковых закономерностей без привлечения всестороннего лингвистического и филологического комментария, выполненного на современном уровне.

2. Какие требования должны сегодня предъявляться к «историческим грамматикам»? Среди работ, посвященных истории греческого языка, можно особо выделить [BROWNING 1983; ТОННЕТ 1993; HORROCKS 1997]. Если два первых исследования представляют собой сжатое описание основных тенденций развития греческого языка, то последнее претендует на разносторонний анализ с привлечением современных методов лингвистического описания. При всех многочисленных и несомненных достоинствах отдельные аспекты в книге Джеффри Хоррокса могут вызвать недоумение. Так, в библиографии практически отсутствуют работы, посвященные лингвистическому описанию отдельных литературных памятников византийского времени.¹ При этом соб-

что его наблюдения действительно являются законом, и это подтверждается использованием таких слов и выражений, как '(позиционное) правило', 'склонность', 'позиционный обычай', 'тенденция', 'предпочтение', 'регулярная позиция', 'древнее правило' и 'традиционная позиция', наравне с термином '(позиционный) закон'; однако использование термина 'закон', скорее всего, было признаком хорошего тона в лингвистических работах девятнадцатого столетия, посвященных истории языка» [JANSE 1994a: 391] («Wackernagel himself seemed to be somewhat doubtful about the true *Gesetzmäßigkeit* of his observations, witness his use of the terms „(Stellungs)regel“ [WACKERNAGEL 1892:335, 337, 351, 352, 366, 367, 371, 378, 380, 396, 402], „Drang“ [WACKERNAGEL 1892:336], „Stellungsgewohnheit“ [WACKERNAGEL 1892:337], „Tendenz“ [WACKERNAGEL 1892:341], „Vorliebe“ [WACKERNAGEL 1892:342], „regelmässige Stellung“ [WACKERNAGEL 1892:351], „alte Regel“ [WACKERNAGEL 1892:352] and „traditionelle Stellung“ [WACKERNAGEL 1892:393] next to „(Stellungs)gesetz“ [WACKERNAGEL 1892:340, 351, 361, 363, 364, 366, 367, 402, 427], but the term „Gesetz“ must have been *bon ton* in the historically oriented linguistics of the nineteenth century»; здесь и далее перевод мой — МК). Ср. с замечанием о законе развития языка в [ЯРЦЕВА 1990:159], где говорится, что это «понятие, нередко встречающееся в лингвистической литературе, не определено достаточно четко».

¹ Вероятно, это связано с тем, что почти все немногочисленные описания средневековых греческих текстов, напр., [ТАВАСНОВИЦ 1943; МИНЕВЉ-ГАВРОВЕЉ 1960; МАТИНО 1977], ограничиваются приведением примеров и, в лучшем случае, проводят стилистический анализ, что, конечно, не удовлетворяет современным требованиям. Кроме того, большинство описаний базируется на очень старых изданиях, не имеющих хорошего критического аппарата.

ственные наблюдения Дж. Хоррокса иногда опускают отдельные детали, имеющие важное значение для истории греческого языка. Этот недостаток объясняется тем, что при составлении исторической грамматики автор не может самостоятельно анализировать все тексты, на которые он опирается, поэтому крайне необходимы работы, посвященные лингвистическому описанию отдельных литературных памятников, которое бы соответствовало современным требованиям. К сожалению, у Дж. Хоррокса не всегда были в распоряжении подобные исследования, что, с одной стороны, значительно усложнило его задачу, а с другой — поставило вопрос о целесообразности написания исторической грамматики языка при отсутствии работ, описывающих базовые тексты.

§3. Настоящая книга посвящена выявлению факторов, влияющих на позицию слабых форм местоимения в функции дополнения в греческом языке. В большинстве исследований, где этот вопрос рассматривается на греческом материале [HORROCKS 1990; 1991; PAPAS 2001; 2004], проводится диахронический анализ клитик для выявления формальных критериев, определяющих позицию местоименной клитики относительно управляющего глагола.¹ Практически во всех работах говорится о **грамматикализации**, под которой понимается появление синтаксических или морфологических «правил», определяющих местоположение слабой местоименной формы. При этом почему-то часто остается в тени «другая сторона» данного процесса — «стирание» прагматических факторов, определяющих позицию слова в предложении. Поэтому, чтобы проследить процесс грамматикализации полностью, необходимо, во-первых, рассмотреть проблему постановки клитик в контексте рассмотрения порядка слов в целом, а во-вторых, выбрать в качестве отправной точки диахронического исследования такой текст (или группу текстов), где максимально проявляется прагматическая обусловленность постановки местоименных клитик, а потом использовать этот текст в качестве своеобразного «эталоны» для сравнения с более поздними. В большинстве случаев исследование выглядит иначе: либо проводится беглая попытка сопоставления древнегреческой, ранне-

¹ В англоязычной литературе его принято называть *host* ('хозяин'), см. сн. 2 на с. 105.

новогреческой¹ и современной новогреческой ситуации, что обречено на провал в связи с коренным различием принципов исчисления порядка слов и статуса местоименных клитик в разные периоды истории греческого языка, либо исследование ведется на материале ранних новогреческих текстов, где исследователь сталкивается с уже сформировавшейся системой.

§4. Текст-«эталон» (иначе базовый текст) должен отвечать следующим требованиям:

1. Он должен быть создан между IV и X вв., то есть в период так называемого **позднего койне**, когда язык отказывался от древнегреческих норм, постепенно превращаясь в новогреческий.
2. В связи с развитием **диглоссии**, существовавшей еще в койне [FRÖSÉN 1974], выбранный текст должен хотя бы частично отражать действительное состояние языка.

На основании этих критериев для исследования был выбран текст «**Луга Духовного**», созданный византийским монахом **Иоанном Мосхом** (ок. 550–619/34) на рубеже VI–VII вв. (см. §6 и сл.). В предисловии к своей работе, посвященной этому патерику, Эрика Михевч-Габровеч отмечает: «„Луг Духовный“ представляет собой необычайно ценный памятник для изучения греческого в Средние века и исследования развития греческого языка в целом. Это важный источник, без данных которого не сможет обойтись будущая историческая грамматика греческого языка».² Лингвистическую ценность этого литературного памят-

¹ Нередко в работах по истории греческого языка появляется термин ‘**среднегреческий язык**’ для описания переходного периода от древнегреческого к новогреческому. Этот термин представляется не совсем удачным с методологической точки зрения, поскольку объединяет две сосуществовавшие, но абсолютно противоположные языковые традиции: с одной стороны, это ранние новогреческие тексты, а с другой — произведения, ориентирующиеся на язык Библии и античной литературы. Поэтому в данной работе термин ‘среднегреческий язык’ не употребляется, а вместо этого предлагается говорить о раннем новогреческом, который начал складываться уже к X в.; см. также [EIDENEIER 1972; 2004:26; 2005a; 2005b; KARLANIS 2002].

² «Pour l'étude du grec médiéval et du développement de la langue grecque en général, *Pratum spirituale* représente un document très précieux. C'est une source riche que la future grammaire historique du grec moderne ne pourra pas négliger» [МИНЕВЧ-ГАБРОВЕЧ 1960:4].

ника очень точно определила Роса Агилар: «Язык Иоанна Мосха является частью христианской литературной традиции, восходящей к новозаветному койне. Стиль Мосха в целом простой и разговорный, однако в то же время он соответствует языку высокообразованного человека, например, монаха».¹ Итак, произведение Мосха оказывается практически единственным памятником позднего койне, где наравне с традиционными архаическими формами проявляются факты живого языка. Чтобы данное утверждение не выглядело голословным, глава 1 настоящей книги посвящена описанию основных особенностей именной и глагольной систем «Луга Духовного», а проблематика, связанная с порядком слов, включая влияние нарративных стратегий, процедур эмфазы и действия закона Ваккернагеля, рассматривается в главе 2. Собственно вопрос о позиции местоименных дополнений, центральный для книги, поднимается только в главе 3, после того как читатель ознакомится с основными морфологическими и синтаксическими особенностями текста.

§5. При описании морфологии и принципов исчисления порядка слов неизбежно приводится значительное количество примеров, представляющих собой словосочетания, а иногда и целые предложения. В американских работах по истории греческого языка принято глоссировать такие примеры [RAPPAS 2004], однако европейские исследователи традиционно обходятся без глосс,² разумно полагая, что греческая морфология и синтаксис ясны при адекватном переводе. Данная книга следует европейским традициям, тем более что структура предложений «Луга Духовного» прозрачна. Все примеры снабжены переводом, очень близким к оригиналу, в том числе в плане порядка слов, иногда даже в ущерб хорошему стилю. Если правила русского языка не позволяют дать буквальный перевод, он приводится рядом в скобках с пометами букв. или досл.: ‘О нем (. . .) многие много удивительного (**досл.** многое и удивительное) рассказали нам’ (пример 2.7).

¹ «La lengua de Juan Mosco se inserta en una tradición literaria cristiana que parte de la *koiné* neotestamentaria. En general su estilo es familiar, coloquial, pero también responde a una lengua más culta como propia de un monje» [AGUILAR 1983–1984:336].

² То, что делает Дж. Хоррокс в своем исследовании [HORROCKS 1997], нельзя в полной мере назвать глоссированием. Скорее, это практически дословный подстрочный перевод с элементами грамматического комментария.

Элементы, отсутствующие в оригинале, но необходимые для понимания, даются в переводе в квадратных скобках, например, при восстановлении местоименного подлежащего, как в примере 1.12: 'Ως οὖν ἐμελλον ἐξέρχεσθαι. . . 'Когда [я] уже собирался выйти. . .'. Помимо этого, в самих примерах широко используются грамматические пометы:¹ Ο πατέρας_S μου διαβάζει_V Καζαντζάκη_O (2.1), благодаря которым, в частности, понятно, что πατέρας — это подлежащее (S), Καζαντζάκη — дополнение (O), а διαβάζει — глагольное сказуемое (V). Если при одном элементе надо поставить несколько грамматических помет, менее важная ставится в скобки: χάγώ_{(S)Mark} (2.44), то есть подлежащее χάγώ (S) является маркированным (*Mark*). Показатель маркированности в данном случае представляется более релевантным, поэтому показатель подлежащего стоит в скобках.

Для обозначения границ синтаксических или интонационно-просодических единств используются знаки { . . . } : ἤρξάμεθα {μεταφέρειν τὰ σκεύη} (2.17). Если после закрывающего знака } стоит грамматический показатель, он относится ко всему единству: {Ὁ ἀββᾶς Πολυχρόνιος}_S διηγῆσατο. . . (2.23), то есть подлежащим (S) является вся именная группа Ὁ ἀββᾶς Πολυχρόνιος. Иногда одно синтаксическое единство включено в другое единство. Тогда они обозначаются цифровыми индексами, отражающими иерархию, причем включаемое единство имеет более высокий индекс, чем включающее: {₁{₂ὁ ἀββᾶς Ἡλίας}_{2S} {₃ὁ βοσκός}_{3DET}}_{1NP} (2.32); словосочетание ὁ ἀββᾶς Ἡλίας ὁ βοσκόс целиком представляет собой именную группу (NP), начальная и конечная граница которой помечены цифровым индексом 1; в именную группу включены подлежащее ὁ ἀββᾶς Ἡλίας (S), помеченное как единство 2, и (несогласованное) определение ὁ βοσκόс (DET — единство с индексом 3).

§6. Об авторе «Луга Духовного». Традиционно изучение памятников ранней византийской агиографии характеризуется тем, что об авторе практически ничего неизвестно, кроме имени. В этом отношении автор «Луга Духовного» Иоанн Мосх оказал-

¹ Подробнее см. список сокращений и условных обозначений (с. 6).

ся счастливым исключением.¹ На сегодняшний день имеется три источника, которые позволяют узнать о его жизни:

- (а) анонимное предисловие к «Лугу Духовному»;²
- (б) заметка патриарха Фотия (*Bibliotheca*, cod. 199), где кратко воспроизводятся сведения из анонимного предисловия;³
- (с) текст «Луга Духовного».

Скорее всего, Мосх родился около 550 г. [PATTENDEN 1988:140] либо в Дамаске [VAUGHN 1902:108], либо в г. Эгея в Киликии [PATTENDEN 1975:41 (сн. 1); 1988:140].⁴ Не вполне ясно, как правильно звучало имя Иоанна Мосха: Ἰωάννης ὁ Μόσχος или Ἰωάννης τοῦ Μόσχοῦ, поскольку целиком имя встречается лишь в родительном падеже (в названии произведения). Если верен второй вариант, непонятно, значит ли это, что он сын некоего Мосха⁵ или же родом из мест с таким названием.⁶

¹ Еще в 10-е гг. XX в. М. И. Хитров в предисловии ко второму изданию своего перевода «Луга Духовного» писал о Мосхе (цит. в современной орфографии): «Нам не известны ни его родина, ни год рождения, ни то, где он получил образование» [Хитров 1915:XV].

² Опубликовано в [USENER 1907:91–93]. Анонимное предисловие, по-видимому, было написано вскоре после смерти писателя, на что указывают особенности стиля и языка. Его автором мог быть кто-то из близких Мосху людей: возможно, Георгий, настоятель монастыря св. Феодосия [PATTENDEN 1988:141], но нельзя исключать и друга Мосха, патриарха иерусалимского Софрония [PATTENDEN 1989:49]. Несмотря на то, что анонимное предисловие стилистически очень близко к «Лугу Духовному», едва ли есть основания предполагать, что Мосх сам написал свою биографию. Перевод анонимного предисловия приводится в Приложении I (с. 182).

³ Ср. с замечанием в [SIMÓN PALMER 1993a: 42]: «... una breve noticia de Focio, que en realidad no aporta nada nuevo a la información del prólogo».

⁴ В [SNAWICK 1974:56] отмечается, что многие аскеты, персонажи «Луга Духовного», родом из Киликии. На основании этого выдвигается предположение о том, что и сам Иоанн Мосх мог родиться где-то в тех же местах.

⁵ Интересно, что в тексте «Луга Духовного» (гл. CLXXXVI) встречается персонаж по имени Мосх (тирский купец).

⁶ Ш. И. Нуцубидзе высказал предположение о грузинском происхождении имени Мосха; по его мнению, имя *Мосх* свидетельствует о том, что его носитель из племени месхетинцев. По версии Ш. И. Нуцубидзе, Мосх был писателем-билингвом, то есть писал как на греческом, так и на грузинском, на котором он написал «Варлаам и Йоасаф» [Нуцубидзе 1960]. Эти предположения не нашли среди византинистов широкого признания.

Вероятно, Мосх принял монашество в монастыре св. Феодосия в Иудейской пустыне, откуда перебрался в Новую лавру св. Саввы, а потом в лавру Фаран, где провел десять лет. В начале царствования Тиверия Константина (578–582) Иоанн Мосх отправился в Египет по поручению своего монастыря, а по возвращении в течение десяти лет оставался в Илиотской лавре на Синае (о монастырях Палестины и Египта см. [СНИТТУ 1977]). После смерти императора Маврикия (602 г.) и вторжения персов в Византийскую империю (603 г.) Мосх оказался в Антиохии, а затем (по-видимому, около 608 г.) в связи с продвижением персов переезжает в Александрию. Можно предположить, что Иоанн Мосх и верный товарищ всех его путешествий Софроний (о нем см. [VON SCHÖNBORN 1972]) были доверенными лицами александрийского патриарха Иоанна III Милостивого (609–619). Автор анонимного предисловия добавляет, что после захвата Иерусалима персами (614 г.) Иоанн Мосх и Софроний плывут «в великий город ромеев» (ἐπὶ τῆν τῶν Ῥωμαίων μεγάλην πόλιν), посещая на пути разные острова, в частности, Кипр и Самос, как свидетельствуют главы XXX и CVIII «Луга Духовного».

Последние годы жизни Иоанна Мосха остаются тайной. Известно, что перед самой смертью он завещал Софронию отвезти свое тело на Синай или, если этому помешает нашествие варваров, в монастырь св. Феодосия, где началась монашеская жизнь Мосха. Софроний выполнил это пожелание: когда Мосха не стало, он вместе с двенадцатью товарищами (учениками Мосха?) привез тело в Аскалон. Нашествие арабов закрыло путь на Синай, и Софроний отправился в Иерусалим, где встретил Георгия, настоятеля монастыря св. Феодосия, вместе с которым они отвезли останки Мосха в монастырь и похоронили в пещере Волхвов. Не вполне ясно, в каком именно году оборвалась жизнь Иоанна Мосха: согласно анонимному предисловию, его не стало в сентябре или начале октября восьмого индикта. В первой половине VII в. восьмым индиктом мог быть как 619, так и 634 г.¹ У каждого из этих вариантов, как ярко продемонстрировано в [CHADWICK 1974:49ff.], есть свои «за» и «против».

¹ Филипп Паттенден на основании изучения текстологии предлагает также 628 г. [PATTENDEN 1988:141], однако эта версия представляется наименее вероятной.

Нельзя также однозначно сказать, в каком городе закончилась жизнь Мосха. С одной стороны, в анонимном предисловии и в записке патриарха Фотия вроде бы говорится о Риме. С другой стороны, Кеетье Роземонд считает, что Мосх провел остаток жизни в *новом* Риме, то есть в Константинополе, где его и не стало [ROZEMOND 1977].¹ Кроме того, она выдвинула предположение, согласно которому Иоанн Мосх был иерусалимским патриархом в изгнании. Хотя некоторые исследователи и согласились с К. Роземонд [FOLLIERI 1988], в целом ее гипотеза не была поддержана [LOUTH 1998].

Известно, что Мосх написал «Луг Духовный» незадолго до своей смерти, видимо, уже в Риме или Константинополе.

§7. Произведение Мосха обычно называют «Луг Духовный» или по-латински: «Pratum Spirituale». В рукописях встречаются три варианта названия: Λεῦζών ‘Луг’ (иногда с добавлением прилагательного πνευματικός ‘духовный’), деминутив Λεῦζονάριον (досл. ‘лужок’, отсюда возникло порой встречающееся в отечественной литературе название «Лимонарь», которое кажется не вполне удачным) и Νέος παράδεισος ‘Новый сад’.

«Луг Духовный» быстро стал невероятно популярен; если пользоваться современной терминологией, он, несомненно, был бестселлером. Об этом, во-первых, свидетельствует огромное количество сохранившихся рукописей (145 sic!), содержащих текст полностью или частично, а во-вторых — множество переводов «Луга Духовного» на другие языки,² некоторые из которых появились вскоре после появления оригинала. Одной из наиболее

¹ Интересно, что в Константинополе монахини ухаживали за могилой, где, по их уверениям, был похоронен Мосх [DALRYMPLE 1997:391].

² Ниже приводится неполный список наиболее известных переводов: **английский** — [WORTLEY 1992], также готовится [PATENDEN, IN PROGRESS]; **арабская** версия «Луга Духовного» [GVARAMIA 1965] относится, вероятно, к VIII в., подробнее см. [LEVI DELLA VIDA 1939–1940; 1940–1941; 1946]; с **грузинским** переводом, датированным началом VIII в., можно ознакомиться по изданию [ABULADZE 1960], см. также [GARITTE 1964; 1966]; **датская** версия представлена в [HESSELING 1916]; один из первых переводов на **испанский** (XVI в.) был сделан Хуаном Базилио Санторо (Juan Basilio Santoro. El Prado espiritual. Zaragoza, 1578, подробнее см. [SIMÓN PALMER 1993a: 65–68]), к новейшим переводам относится [SIMÓN PALMER 1999]; на **итальянский** первым перевел «Луг Духовный» Фео Белькари в 1475 г., а из переводов, предпринятых в XX в. следует выделить [MAISANO 1982a]; **немецкие** переводы — [HUBER 1913; FELDMANN 1967]; **новогре-**

ранних стала старославянская версия, известная как «Синайский патерик» [Гольштенко, Дубровина 1967], составленная не позднее X в.¹ Она представляет собой нечто среднее между переводом и пересказом и добавляет к оригиналу тридцать глав. Не исключено, что на Русь произведение Мосха попало не напрямую из Византии, а через Болгарию, и «Синайский патерик» является переводом (или пересказом) не греческого текста, а болгарского варианта [VAN WIJK 1933a; 1933b], который, следовательно, должен был появиться даже ранее X в.

Популярность «Луга Духовного», несомненно, связана, помимо всего прочего, с рядом использованных в нем литературных приемов и особенностями стиля.

§8. Литературные и художественные особенности «Луга Духовного». Имя Иоанна Мосха часто упоминается в работах, связанных с историей византийской литературы. «Лугу Духовному» посвящен небольшой параграф у Карла Крумбахера, где приводятся отдельные сведения об авторе и рукописной традиции и отмечается, что основная ценность труда Мосха заключается в описании жизни монастырей и указании их названий.² Ганс-Георг Бек также неоднократно упоминает труд Мосха, то говоря об аскетических идеалах, господствовавших в византийской

чешские — [SPERANTSAS 1960; STAURONIKITIANOS 1983]; **французские** — [HESSELING 1931; ROUËT DE JOURNAL 1946]; **эфиопский** — [ARRAS 1967].

«Луг Духовный» неоднократно переводился и на русский язык. Согласно [Хитров 1915:XXXVIII], первый русский перевод появился в Киеве в 1628 г., однако о нем ничего неизвестно: таким образом, первым сохранившимся русским переводом следует считать перевод Филарета Черниговского [Черниговский 1848], в котором ряд глав пропущен. В 1896 г. появился перевод М. И. Хитрова, сделанный по греческой патрологии [MIGNE 1857–1866] (далее *PG*; об издании см. § 20) и переизданный в [Хитров 1915] (репринтные издания появились в 1991 и 2002 гг.). Подробнее об этих переводах см. [SIMÓN PALMER 1994:316–319]. В 1908 г. великая княжна Милица Николаевна перевела несколько историй из «Луга Духовного» [SIMÓN PALMER 1994:318]. Сейчас эти переводы доступны по [Фрейберг 1968:231–236] без указания имени переводчика. Отдельные отрывки переводились и в конце XX в.: [Полякова 1994:46–52] — главы LI, LX, LXIV, LXXV, LXXVIII, CVII, CLXXXV и [Аверинцев 1994:261–275] — главы VII, XX, XXIV, XLV, XLVII, LXX, LXXXVII, LXXX, XCIV, CVII, CXLIV, CLIII, CLVI, CLXI, CLXXXIX, CXCIII, CCIV, CCXVII. Таким образом, лишь у М. И. Хитрова «Луг Духовный» представлен целиком.

¹ Рукопись Синодального собрания № 345 датируется X в.

² «Der Wert des Ganzen liegt für uns in der Zeichnung des Klosterlebens und in den vielen Namen von Klöstern, die Johannes nennt» [KRUMBACHER 1897:187–88].

церковной литературе, то подчеркивая антологический характер многих литературных памятников [ВЕСК 1959:270, 274]. Литературные особенности «Луга Духовного», прежде всего, определяются тем, что это типичный патерик, то есть собрание рассказов о деяниях святых. Выбор такого жанра предоставляет автору значительную свободу. Рассказ может представлять собой краткую историю о старце или святом,¹ о замечательном событии² или

¹ Такой, в частности, является глава LIV:

«Пришли мы (Мосх и Софроний — МК) в Теренифу к авве Феodosию Александрийскому, и старец стал нам рассказывать: „Естественным образом, чада, монахи скита, как и предсказывали старцы, смягчили суровый уклад жизни. Ибо поверьте мне, чада, старику, что монахам скита была присуща великая любовь и суровая аскеза, а также рассудительность. А я застал там еще старцев, которые вообще не принимали пищу, если к ним никто не приходил посторонний. Среди них был старец по имени Аммоний, живший недалеко от меня. Зная его воздержание, я навещал его по субботам, чтобы он принял пищу из-за меня. Ибо все они соблюдали следующее: стоило кому-нибудь к ним прийти в какое угодно время сотворить молитву, пока тот совершал молитву, старцы готовили стол, а после принимали пищу“».

² Ярким примером служит известная история об авве Герасиме и льве Иордане (гл. CVII), на основе которой Н. С. Лесков впоследствии написал рассказ «Лев старца Герасима»:

«Примерно в одной миле от реки святой Иордан есть лавра, называемая лаврой святого аввы Герасима. Когда мы (Мосх и Софроний — МК) туда прибыли, живущие там Отцы рассказали нам об этом святом. Однажды, когда он шел по берегу святого Иордана, ему повстречался лев, громко ревуший из-за боли в лапе, ибо воткнулась в нее тростниковая заноза, и из-за этого распухла у льва лапа и наполнилась гноем. И вот, как только лев заметил старца, то подошел к нему и показал ему лапу, в которой была заноза, плача по-своему и прося оказать ему помощь. Увидев льва в такой беде, старец сел, взял его за лапу и, разрезав ее, извлек занозу вместе с большим количеством гноя, затем, хорошенько очистив рану и перевязав ее тряпкой, отпустил льва. Вылечившись, лев не только не покинул старца, но, словно настоящий ученик, следовал за ним, куда бы тот ни шел, так что старец удивлялся столь сильной признательности зверя. И с этого времени старец кормил льва, давая ему хлеб и моченые бобы.

В лавре держали осла, чтобы возить воду старцам. Ибо они пили воду из святого Иордана, а лавра находилась на расстоянии одной мили от реки. Отцы имели обыкновение препоручать осла льву, чтобы тот пас его на берегу святого Иордана. Однажды, когда осёл пасся, он отошел от льва на значительное расстояние. И вот погонщики верблюдов, шедшие из Аравии, нашли осла и, забрав его, ушли восвояси. Лев же, потеряв осла, пришел в лавру к авве Герасиму печальным и угрюмым. Авва решил, что лев съел осла, и говорит ему:

— Где осёл?

Тот же, будто человек, стоял молча и склонив вниз голову.

— Ты съел его? Благословен Господь. То, что до сих пор делал осёл, теперь ты будешь делать с сегодняшнего дня.

даже путевую заметку.¹ Как можно заметить из приведенных

И с тех пор по приказанию старца лев стал таскать выючное седло с четырьмя кувшинами и приносил воду.

Однажды к старцу пришел воин помолиться и, увидев, как лев таскает воду, и узнав причину, сжалился над ним. Достав три номисмы, воин отдал их старцам, чтобы они купили осла возить воду и освободили льва от этой обязанности. Спустя некоторое время после освобождения льва погонщик верблюдов, тот, что забрал осла, опять шел продавать хлеб в святом городе (Иерусалиме — МК), и тот осёл был при нем. Когда погонщик перешел через святой Иордан, ему случайно повстречался лев. Погонщик, увидев льва, бросил верблюдов и убежал. Лев же, узнав осла, подбежал к нему и, по обыкновению прихватив его зубами, потащил за недоуздок, а вместе с ним трех верблюдов. Радуюсь и одновременно рыча, поскольку потерял, которого потерял, пришел к старцу. Ибо старец считал, лев съел осла. Тогда-то и узнал старец, что на льва навели напраслину. И нарек он льва именем Иордан. И зажил лев вместе со старцем в лавре, в течение пяти лет находясь при нем неотлучно.

Когда же авва Герасим отошел к Господу, и отцы похоронили его, по промыслу Божию льва в лавре не оказалось. Через некоторое время лев пришел и стал искать старца. Ученик старца и авва Савватий, увидев его, говорят ему:

— Иордан, старец наш оставил нас сырыми и отошел к Господу. Давай сюда, поешь.

Лев же есть не захотел, но постоянно вращал глазами то туда, то сюда, чтобы увидеть старца, громко рыча и не вынося разлуки с ним. Авва Савватий и другие отцы, увидев это, потрепали ему холку и стали говорить ему:

— Отошел наш старец к Господу, покинув нас.

И хотя они так говорили, не могли прекратить никак его рычания и воплей. И чем больше пытались они словами излечить его и утешить, тем сильнее он рычал, голосом, мордой и глазами показывая горе оттого, что не видит старца. Тогда говорит ему авва Савватий:

— Давай за мной, раз уж не веришь нам. Я покажу тебе, где поконится наш старец.

И взяв льва, он отвел его, где похоронили старца. А находилось это место в полумиле от церкви. И встав над могилой аввы Герасима, авва Савватий говорит льву:

— Вот наш старец.

И преклонил колена авва Савватий. Когда же лев увидел, как тот бьет поклоны, склонив голову, сильно ударил ею о землю и, зарывав, тотчас умер на могиле старца.

Все это произошло не потому, что у льва была разумная душа, но оттого, что Бог пожелал прославить славящих его, и не только при их жизни, но и после смерти, а также показать, в каком подчинении у Адама были звери перед тем, как он ослушался Божией заповеди и лишился блаженства Рая».

¹ В качестве примера подобной «путевой заметки» можно привести главу LXXVII:

«Однажды пришли мы с господином Софронием в дом мудреца Стефана для занятий. Был полдень. Жил он рядом с церковью Пресвятой Богородицы, называемой *Дорофеей*, которую воздвиг блаженный папа Евлогий. Когда мы постучались в дом философа, выглянула девушка и сказала:

— Он спит, но вы немного подождите.

примеров, рассказы Мосха просты и доступны и часто производят впечатление бытовых историй. И даже несмотря на то, что они изобилуют библейскими цитатами,¹ аллюзиями и бродячими

Тогда говорю я господину Софронию:

— Пойдем на Тетрапил (храм, состоящий из четырех рядов колонн — МК), и там побудем.

Местность Тетрапила весьма почитаема александрийцами, ибо рассказывают, что основатель города Александр, забрав из Египта останки пророка Иеремии, там их похоронил. Придя на это место, мы никого не обнаружили, кроме трех слепцов, поскольку был полдень. Бесшумно и не говоря ни слова, мы подошли к слепцам и уселись рядом с ними, держа свои книги. Слепцы беседовали между собой, и вот один из них говорит другому:

— Вот ты как стал слепым?

Тот ответил:

— В молодости я был моряком. Как-то разплыли мы из Африки, и у меня заболели глаза, да так, что я даже не мог ходить, на глазах выскочили бельма, и я ослеп.

Тогда тот же слепец обращается к другому:

— А как ты ослеп?

И тот сказал в ответ:

— Я по профессии был стекольщиком, и мне в оба глаза попали брызги из костра. Так я и ослеп.

Наконец, слепцы обратились к спрашивавшему:

— А ты как потерял зрение?

Он ответил:

— Честно говоря, в молодые годы я испытывал сильное отвращение к труду. К тому же я был склонен к мотовству. Когда стало нечего есть, я начал воровать. Однажды, уже совершив немало гнусных дел, я стоял на рыночной площади и заметил, как выносят богато одетого покойника. Я последовал за похоронной процессией, чтобы узнать, где его собираются похоронить. Процессия обошла церковь святого Иоанна, покойника положили в склеп, и все разошлись. Увидев, что люди ушли, я вошел в склеп и снял с умершего все, что на нем было, оставив только саван. Когда я, забрав много вещей, уже собирался выйти из склепа, дурная мысль шепнула мне: возьми-ка и его саван, ибо он хорош. Я и вернулся себе на беду. Лишь только я снял с него саван, полностью его обнажив, он вдруг сел передо мной, протянув ко мне руки, пальцами ощупал мне лицо и вырвал у меня оба глаза. Тогда я, несчастный, выбросив все, в горе и ужасе вышел из склепа. Вот я и рассказал вам, как стал слепым.

Как только мы это услышали, господин Софроний кивнул мне, и мы отошли от слепцов. И он сказал мне:

— Господин авва! Право, не будем заниматься сегодня, потому что уже многому научились.

Научившись сами, мы записали, чтобы и вы, услышав это, извлекли для себя пользу. Ибо, воистину, никто, творя дурное, не укроется от Господа. А эту историю мы лично услышали из уст пострадавшего». Краткое описание языковых особенностей этой главы представлено в [Норрокс 1997:186–187].

¹ Удалось обнаружить шестнадцать точных цитат и двадцать одну неточную.

сюжетами,¹ происходящие в них чудеса представляются чем-то вполне обыденным и естественным (о чудесах в «Луге Духовном» см. [ROUGÉ 1968; КНАРР 1971]). Причина этого кроется не в кажущейся на первый взгляд примитивности историй, а, прежде всего, в композиции рассказов и особой языковой модели.

Рассматривая композицию историй из «Луга Духовного», Риккардо Майзано предлагает разделить их на четыре типа [MAISANO 1984:3–5]:

1. история заключается собственно в рассказе о святом или ярком эпизоде из его жизни (гл. I, II, VII–IX и проч.);
2. Мосх и Софроний слушают рассказ от участника или очевидца (гл. III–V, XIV, XXXVI и проч.);
3. рассказчик истории не является очевидцем и пересказывает услышанное им от кого-то другого (гл. VI, XX, XXXIX и проч.);
4. Мосх оказывается активным действующим лицом (гл. XL, LXXVII, CL, CXXXIV, CLXXII и проч.).

Основным различием между выделенными типами является степень авторского присутствия (в качестве персонажа) в описываемых событиях; это может рассматриваться как одно из средств достижения наибольшей достоверности рассказа. Показательным примером может служить глава XL, где повествуется об авве Косме. Сначала эта история, скорее, соответствует типу 2: пресвитер Византийского (Авраамиева) монастыря (в Иерусалиме), авва Василий, рассказывает Мосху и Софронию два эпизода, связанных с аввой Космой и свидетельствующих о последнем как о необычайной личности — даже гробница его обладала целительными свойствами. Кажется, на этом можно было бы и закончить, но совершенно неожиданно Мосх говорит, что он сам встретился с

¹ Так, глава CLXXXV представляет христианский вариант истории о Поликратовом перстне [OPELT 1964]; в главе CXCVII повторяется рассказ Руфина (ок. 345–410) о жизни святого Афанасия (Ruffinus. *Historia I*. Cap. 14); в главе CCXII приводится история из «Apud Pelagium» (libell. XVI, n. 15) о старце, которого ограбили разбойники и который догнал их, чтобы отдать еще и то, что разбойники не заметили у него.

аввой Космой в лавре Фаран, и далее делится собственными воспоминаниями. Благодаря неожиданному включению автора главный герой истории словно оживает в глазах читателя. Тем не менее, такой прием «прямого подхвата» истории, услышанной от другого, нехарактерен для «Луга Духовного». В основной части историй, которые Р. Майзано отнес к типу 4, автор активно выпадает с самого начала.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что стремление к достоверности было осознанной стратегией автора. Например, в начале главы CLXXII, по сути представляющей собой блестящее эссе о Косме-схоластике, Мосх говорит буквально следующее: «Об этом господине Косме-схоластике многие нам рассказали очень многое: одни — одно, другие — другое. [Мы] же запишем на пользу читателям то, чему были сами свидетелями, и то, что наверняка проверили».¹

§9. Создавая «Луг Духовный», Мосх сознательно разрабатывает **языковую модель**, в основе которой лежит разговорная речь современного ему образованного духовенства. При этом вводная глава изобилует метафорами, отличается довольно специфической морфологией и сложным синтаксисом² и, вероятно,

¹ Περί τούτου δὲ κυροῦ Κοσμᾶ τοῦ σχολαστικοῦ, πολλοὶ μὲν πολλὰ, ἄλλοι δὲ ἄλλα, καὶ πλείστοι πλείστα ἡμῖν διηγῆσαντο. Ὡν δὲ ἡμεῖς αὐτόπται ἦμεν, καὶ οἷς ἀκριβῶς παρηκολοῦθήσαμεν, ταῦτα γράφομεν, πρὸς τὴν τῶν ἐντυγχάνοντων ὠφέλειαν (PG 3040C2–6). О принципе нумерации строк в PG см. § 21.

² Например, в этой небольшой главе дважды встречается т. н. Pluralis poeticus (см. также § 28 и сл.):

- (i) Διὸ καὶ τὸ παρὸν τοῦτο τὸ πόνημα Λειμῶνα ἀπεκαλέσαμεν, διὰ τὴν ἐν αὐτῷ τέρψιν τε καὶ εὐωδίαν, καὶ ὠφέλειαν τοῖς ἐντυγχάνουσιν 'По этой причине [мы] и назвали этот труд «Лугом» — любой может найти в нем наслаждение, благоухание и пользу' (PG 2852B9–11)
- (ii) Διὸ πρὸς τὸ παρὸν ἐλήλακα σύνταγμα, πληροφορῶν τὴν ὑμετέραν, τέκνον, ἀγάπην, ὡς πολλὴν καὶ ἀληθῆ συλλογὴν ἐποιήσαμην 'Из-за этого [я] принял за сей труд во исполнение **вашей** (= **твоей**) любви, чадо, чтобы создать полное и истинное собрание цветов. . . ' (PG 2852B15–C2)

Предложения отличаются «развернутостью» и сложной структурой, что нехарактерно для текста Мосха:

- (iii) Τῶν ἑαρινῶν λειμῶνων τὴν θεάν, ἀγαπητέ, πολλῆς εὐρίσκω τέρψεως γέμουσαν, ἣν ἡ παντοδαπῆς τῶν ἀνθέων βλάστη τοῖς θεωμένοις παρέχεται: κατέχουσα τοὺς παριόντας, καὶ ἐστιῶσα ποικίλως αὐτούς: κατὰ τι μὲν τοὺς ὀφθαλμοὺς φαῖδρύνουσα, κατὰ τι δὲ νῦν τὴν ὄσφρησιν ἡδύνουσα

могла быть доступной не всем читателям. В ней Мосх объясняет, что именно читатель должен найти в его произведении, однако роль вводной главы не сводится к формулировке поставленных автором задач, которые в данном случае не выходят за рамки избранного жанра. Скорее всего, Мосх преследует здесь другую цель — ориентируясь, прежде всего, на не очень образованного читателя, он, тем не менее, сам не желает выглядеть необразованным и демонстрирует свое знакомство с традицией аттицизма. Так он, с одной стороны, открывает свое произведение и для образованного читателя, а с другой — учитывает важный психологический фактор: часто плохо образованные люди считают простоту языка признаком необразованности, следовательно, если автор хочет, чтобы к его труду отнеслись с уважением и доверием, его язык ни в коем случае не должен напоминать разговорный язык простых людей.

Архаичные формы и конструкции (например, Genitivus absolutus, причастия перфекта и пассивного аориста) периодически встречаются и в историях, где представляют собой не просто влияние литературной традиции или результат того, что автор хочет блеснуть образованностью, а играют роль своеобразных маркеров, привлекающих внимание читателя к наиболее важной части рассказа (обычно выводам):

(0.1) Ταῦτα ἀκουσάντων ἡμῶν, νεύει μοι ὁ κύριος Σωφρόνιος. Καὶ ἀνεχώρησάμεν ἐξ αὐτῶν. Καὶ λέγει μοι: Ὅντως σοι, κύρι ἀββᾶ, μὴ πράξωμεν σήμερον. Μεγάλως γὰρ ὠφελήθημεν.

‘Возлюбленный, [мне] кажется, что вид весеннего луга, где взгляду открываются разнообразные только появившиеся цветы, преисполнен особой прелести, заставляя прохожих остановиться и всячески привлекая их своим праздничным обликом, теша глаз и услаждая обоняние’ (PG 2852A1–6)

В вводной главе синтаксически связанные слова, в основном, разделены другими членами предложения, при этом глагол-сказуемое располагается после дополнения (также дистантно), а несогласованные определения занимают позицию перед определяемыми словами. Стоит отметить, что «пунктирность» порядка слов и распространенность предложения, обычно избегаемые Мосхом в повествовании, практически никогда не приводят к несогласованности и анаколуфу, и, таким образом, вводная глава может служить убедительным доводом против утверждения, предложенного в [ΜΙΝΕΥČ-GAVROVEČ 1960:4], о том, что Мосх избегает сложных предложений, боясь анаколуфа. Среди прочих особенностей вводной главы следует указать на частое употребление различных форм причастий и глагола ὕπαρχω в значении ‘быть’.

Ἦφελθέντες οὖν γεγραφήκαμεν, ἵνα καὶ ὑμεῖς ἀκούοντες ταῦτα ὠφελθῆτε. Ἀληθῶς γάρ, ὅτι οὐδεὶς ποιῶν κακὸν, λανθάνει Θεόν· καὶ τοῦ μὲν διηγήματος τούτου ἡμεῖς αὐτήχοι παρὰ τοῦ πεπονθότος γεγόναμεν

‘Как только мы это услышали, господин Софроний кивнул мне, и [мы] отошли от слепцов. И [он] сказал мне: «Господин авва! Право, не будем заниматься сегодня, потому что уже многому научились». Научившись сами, [мы] записали, чтобы и вы, услышав это, извлекли для себя пользу. Ибо, воистину, никто, творя дурное, не укроется от Господа. А эту историю мы лично услышали из уст пострадавшего’ (PG 2932C10–17)

§10. Рукописи и издания «Луга Духовного». Текст «Луга Духовного», как уже упоминалось, имеет богатую рукописную традицию, что затрудняет создание критического издания; над таким изданием сейчас трудится крупнейший специалист в области текстологии «Луга Духовного» Филипп Паттенден, однако его работа еще не завершена.

Одно из первых упоминаний о рукописях «Луга Духовного» связано с именем Анастасия Библиотекаря (Anastasios Bibliothecarius), вероятно, первого переводчика этого произведения на латинский язык (перевод сохранился лишь фрагментарно¹). Следующий известный латинский перевод был предпринят Иоанном Монахом (Johannes Monachus) в XI в. и дошел под названием «Liber de Miraculis» [HUBER 1913].

В 1421 г. некто Амброджио Траверсари получает с Крита рукопись XII в., сейчас известную как *Florentianus Mediceus-Laurentianus, Plut. X, 3²* и переводит ее на латынь, после чего «Луг Духовный» приобретает известность в западном мире как

¹ Отрывки перевода цитирует Иоанн Диакон в написанном им в IX в. житии Папы Григория Великого.

² Копии этой рукописи находятся в Библиотеке Ватикана (*Vatic. lat. 1212, 1213 и 1214*). Представленный в ней текст «Луга Духовного» делится на 301 историю (анонимного предисловия в ней нет), и Траверсари сохраняет это деление. Флорентийская рукопись оказывается одной из самых авторитетных, однако приходится признать, что, вероятно, в ней есть отрывки, не принадлежащие самому Мосху: так, патриарх Фотий уже в IX в. знал о двух версиях «Луга Духовного», одна из них состояла из 304 историй, а другая — из 342 (Photius. *Bibliotheca*, Cod. 199), поэтому практически невозможно определить, на сколько историй делился текст изначально и какие из современных глав являются позднейшими вставками.

«Pratum Spirituale» [МЮНИ 1950]. Важной вехой в истории текста стал 1558 г., когда Алоизий Лепоманн (Aloysius Lepomannus) издал латинский перевод, где разделил текст на 219 глав — деление, сохранившееся до сих пор.¹

В 1624 г. Фронтон дю Дюк, библиотекарь иезуитского колледжа Клермон (Clermont) в Париже, издает текст «Луга Духовного» в «*Bibliotheca Veterum Patrum*».² В основу издания легла рукопись *Berolinensis Graecus 221* (XIV в. = *Phillippicus 1624*). Как указывает Дюк в составленном им списке авторов³ в начале издания «*Bibliotheca Veterum Patrum*», другие использованные рукописи⁴ происходили из Рима. В издание Дюка вошли 115 глав⁵ и анонимное предисловие (см. сн. 2 на с. 17) с параллельным латинским вариантом Розвейда (см. сн. 1 на этой странице); в нем есть истории, не встречающиеся ни в ватиканской, ни в клермонской рукописях. Главы из издания Дюка, которые либо отсутствуют в этих двух рукописях, либо значительно отличаются от них текстологически, имеют поразительное сходство с Туринским кодексом (*Taurinensis Graecus B-II-10*), в целом очень близким к рукописи из Клермона, но не всегда идентичным ей. По-видимому, Дюк работал примерно следующим образом: он читал греческие рукописи, сверяя их с латинским переводом. В результате, возникали ошибки. Например, многие истории, имевшие одинаковое начало, исключались из издания как идентичные. Не совсем понятно, почему Дюк отдавал предпочтение рукописи из Антверпена, несмотря на то, что латинский перевод во многих случаях был ближе к греческому тексту рукописи из Клермона. Говоря об издании Дюка, Филипп Паттенден не может удержаться от таких слов, как «неточность» (*inaccisagasy*) и «неопределенность» (*vagueness*) [ПАТТЕНДЕН 1984:16]. Причиной этих недостатков могла быть поспешность, отличавшая всю дея-

¹ Этот латинский вариант неоднократно переиздавался, последний раз это сделал Герберт Розвейд (Heribertus Rosweyd) в 1615 г. или 1617 г. в «*Vitae Patrum*» и снабдил текст комментариями [ПАТТЕНДЕН 1975:38; 1984:17]. Описание ранних изданий «Луга Духовного» приводится в [СНАДВИК 1974:41].

² Fronto Duceus. *Bibliotheca Veterum Patrum*. Paris, 1624. P. 1055–1162.

³ IOANNIS MOSCHI, *Pratum Spirituale*, Ambrosio Camaldulensi interprete ex mss. Summi Pontificis Vaticanis & Regis Christianissimi.

⁴ Скорее всего, имеется в виду *Vaticanus Graecus 738* (XII в.).

⁵ Генри Чэдвик почему-то говорит о 107 [СНАДВИК 1974:42].

тельность Дюка (подробнее об ошибках и неточностях Дюка см. [PATTENDEN 1975:46f]).

Через несколько десятилетий после того, как появилась «*Bibliotheca Veterum Patrum*» Дюка, Жан-Батист Котельер, занимаясь подготовкой к изданию «*Ecclesiae Graecae Monumenta*», наткнулся на текст «Луга Духовного» и решил издать и его. В основном, Котельер использовал рукопись *Parisinus Graecus 1599*, ту самую, по которой он издал тексты «*Arophthegmata Patrum*». Котельер дошел по ней до разрыва на *f.* 198^v, рассматривая только те главы, которые не вошли в издание Дюка, и используя данные им в рукописи названия (они не попали в *PG*). Следовательно, он перестал пользоваться рукописью на главе *LI*^b.

При работе над «*Arophthegmata Patrum*» Котельер также использовал рукопись *Parisinus Graecus 916* (Colbert 2500, XI в.), первую из трех рукописей Колбера. Сейчас состояние этой рукописи значительно усложняет ее чтение, и, судя по конъектурам Котельера, в его время положение было ненамного лучше. Кроме этого, к работе привлекались рукописи *Parisinus Graecus 914* (Colbert 694, XII в.), повторяющая ее *Parisinus Graecus 917* (Colbert 5096; XII в.), которая содержит больше историй, а также *Parisinus Graecus 1115* (1026 в каталоге Риго (Rigault) от 1628 г.), где содержатся иконопочитательские тексты. Из последней рукописи, по-видимому, были взяты главы *CXLVII* и *CLXXX* [PATTENDEN 1984:16]. Остальные главы, встречающиеся здесь, уже были изданы Дюком, хотя и по другой рукописи, поэтому Котельер их никак не использовал. Удивительно, что ни Дюк, ни Котельер не попытались найти флорентийскую рукопись, использованную Траверсари, хотя во многом ориентировались на его перевод. Тем не менее, кажется, что Котельер был намного аккуратнее, чем Дюк, и даже привел в своем издании список разночтений (= *VL*).¹ Эти разночтения не являются однотипными; среди них условно выделяются шесть групп.²

¹ Всего 192; список разночтений приводится в Приложении II (с. 185).

² Отдельные разночтения могут одновременно входить в несколько групп: например, *VL 11 εἰσήμευγεν αὐτὸν εἰς τὸ πυργίον αὐτοῦ us. ἐν τῷ κελίῳ* (*PG 2860A9*), относящееся и к лексическим (варьируется существительное), и к синтаксическим разночтениям; см., также сн. 4 на с. 33.

§11. Информативные разночтения добавляют или меняют фактические сведения, содержащиеся в тексте. Вот некоторые примеры:¹

- (0.2) ἀλλὰ τοῦτο τὸ ἔργον τῶν μεγάλων ἐστὶ Πατέρων *us.* ἀλλὰ τοῦτο τὸ ἔργον τῶν μεγάλων ἐστὶ Πατέρων **καὶ Θεοφόρων** (VL 8, PG 2857C2–3)
- (0.3) τοῦτο τὸ ἔργον τῶν μεγάλων ἐστὶ Πατέρων, τῶν περὶ τὸν ἄββᾶν Ἄντωνιον *us.* τοῦτο τὸ ἔργον τῶν μεγάλων ἐστὶ Πατέρων, τῶν περὶ τὸν ἄββᾶν Παχώμιον **καὶ Θεόδωρον τὸν ἡγιασμένον** (VL 9, PG 2857C2–3)

§12. Фонетические и графические разночтения. Этот тип разночтений отражает (а) различия в ударении: Μαυριτιάνων *us.* Μαυριτιανῶν (VL 19, PG 2868A6–7), Φαρῶν *us.* Φαρῶν (VL 124, PG 2896D2), Σινά *us.* Σινᾶ (VL 149, PG 2957D9; сюда относятся VL 56, 105, 120, 124, 133, 139, 142, 148, 172) и (б) в написании слов как греческих: παλίον *us.* παλλίον (VL 18, PG 2865A11), πανίον *us.* πανν[ίον] (VL 35, PG 2873C11), Καλχηρόνι *us.* Χαλχηρόνι (VL 170, PG 3048D3; см. также VL 89, 113, 133, 139, 141, 145, 146, 160, 175, 181), так и заимствованных: Χωζιβᾶ *us.* Χουζιβᾶ (VL 24, PG 2869B1), Τάδα *us.* Δάδα или Δαδαί (VL 56, PG 2877B1), Κομιτῶ *us.* Κομητῷ (VL 65, PG 2880C7; сюда относятся также VL 26, 105, 115, 120, 134, 142, 143, 148). Появление вариантов может быть вызвано влиянием фонетического окружения: τὸ ἴδιον *us.* τὸν ἴδιον (VL 12, PG 2860A12; ср. с VL 131), ἐσφόγγισεν τὸν *us.* ἐσπόγγισε τὸν (VL 146, PG 2949B12–13).

Если разночтения и метатезы в заимствованных словах служат примером тому, как непросто чужие слова приживаются в языке, то остальные случаи во многом иллюстрируют фонетические процессы, проходившие в койне. Так, в последнем примере встречается колебание $\sigma^{\varphi}/\sigma_{\pi}$, характерное не только для койне, но и новогреческого [BLASS, DEBRUNNER 1971:18]; разночтение

¹ К информативным можно также отнести VL 1, 16, 17, 20, 23, 31–34, 37, 38, 40–43, 47, 53, 64, 72, 73, 75, 80, 83, 86, 87, 103, 104, 106, 110, 111, 114, 126, 127, 135, 136, 150, 151, 154, 164, 166, 168, 177, 182, 185 (здесь и далее номера VL приводятся по Приложению 2).

σχνίφας *us.* σχνίπας (VL 160, PG 3004B11) отражает колебание φ/π, распространенное не только в аттическом греческом койне [TEODORSSON 1978:49, 84], но и ближневосточном [TEODORSSON 1977:172–173, 238]; различие Θαλαίλειος *us.* Θαλέλαιος (VL 141, PG 2948C15) представляет собой фонетическую или графическую ошибку (замена αι на ε и наоборот), типичную для койне и вызванную исчезновением противопоставления между долгими и краткими гласными, с одной стороны, и открытыми и закрытыми — с другой. Следует отдельно выделить различие ὄρισθεν *us.* ῥηθεν (VL 181, PG 3108B10), очевидно, вызванное близостью звучания.

§13. Стилистические различия. Некоторые из относимых в эту группу различий связаны с пересмотром формы устойчивых выражений: в ὄντως σὺ *us.* σοι (VL 4, PG 2857A3) наблюдается процесс демотивации выражения, когда оно уже перестает восприниматься как эллиптическая производная известного выражения ὄντως σοι λέγω; подобное встречается в менее выраженном виде и в VL 30 (PG 2872B9), где одни рукописи сохраняют только VOC Kῶρι, а другие добавляют перед ним ὄντως; это свидетельствует о том, что ὄντως, выступающее как часть эллиптической конструкции, является не полноинформативным элементом, а маркером, выделяющим обращение.¹

Другими стилистическими различиями являются текстологические варианты, отражающие характерную для «Луга Духовного» тенденцию избегать эллиптичность путем заполнения пустующих валентностей (см., например, § 98 и сл.). В ряде случаев добавление новых элементов можно рассматривать как стилистическое средство, предотвращающее столкновение двух глагольных форм. Мосх нередко использует местоименные дополнения в качестве подобных разделителей (см. § 103). В отдельных рукописях эта тенденция отражена более ярко, что видно из различий: καὶ ἀρπάσαν ἀνέφερεν *us.* καὶ ἀρπάσαν αὐτὸν ἀνέφερεν (VL 21, PG 2868C7), ἀνανήψας, ἐξῆλθεν *us.* ἀνανήψας, εὐθέως ἐξῆλθεν (VL 102, PG 2892C8–9, ср. с VL 54). Иногда стилистические различия, связанные с добавлением новых элементов, демонстрируют существование различий в эмоционально-экспрес-

¹ Так же, вероятно, следует рассматривать VL 91. К различиям, связанным с пересмотром формы устойчивых выражений, можно отнести VL 72, 83, 85, 138.

сивной окрашенности высказывания в зависимости от рукописной традиции (см. VL 7, 36, 58, 61, 62, 78, 81, 93, 94, 96, 99, 112, 125).

§14. К лексическим разночтениям¹ относятся случаи замены в некоторых рукописях лексических единиц синонимами или близкими по смыслу словами: ἀνεπάη vs. ἀπέθανεν или ἔχοιμήθη (VL 2, PG 2856D2), πιάσας vs. κρατήσας (VL 10, PG 2860A8), ἀπολιμπανόμενος vs. ἀφιστάμενος или ἐξερχόμενος (VL 22, PG 2869A6), τριάκοντα μιλίων vs. σταδίων (VL 48, PG 2876C1). К прочим лексическим разночтениям относятся VL 39, 50, 51, 55, 67, 68, 77, 84, 90, 97, 100, 101, 109, 116, 147, 153, 155, 156, 159, 161, 163, 165, 167, 173, 178, 187.

§15. Морфологические и словообразовательные разночтения. Объединенные в эту группу разночтения, с одной стороны, затрагивают собственно форму слова: во-первых, в разных рукописях словоформы могут образовываться от одной основы при помощи различных аффиксов: ὠδεύσαμεν vs. διωδεύσαμεν (VL 14, PG 2864B11), ἀπήρχετο vs. ἀνήρχετο (VL 27, PG 2869B11), κλειδίον vs. κλειδῶμα (VL 46, PG 2876B7; см. также VL 76, 144, 190); во-вторых, иногда варьируется вид словоформы или аффикса: γομάριον vs. γομάριον² (VL 28, PG 2869B14 = VL 29, PG 2869C3), καυχίου vs. καυχάλιου (VL 128, PG 2908A3); в-третьих, различие между рукописями проявляется и в ступени глагольной основы при образовании форм ἔσπειρεν vs. ἔσπερεν (VL 25, PG 2869B8).

С другой стороны, в эту группу отнесены разночтения, связанные с употреблением падежей, грамматического числа и рода:³ αὐτὸν καμάραν ποιεῖν vs. καμάρας (VL 119, PG 2893C14),

¹ Несмотря на очевидную близость между лексическими и стилистическими разночтениями (выбор синонима обычно обусловлен именно стилистическими соображениями), имеет смысл выделять лексические разночтения в отдельную группу, поскольку здесь рассматривается, прежде всего, само разночтение, а не причина, повлиявшая на его появление.

² Интересно, что на одной странице с γομάριον встречается γομάρια (PG 2869C2), PL от γομάριον, без указания на наличие разночтения.

³ В основном, речь идет об употреблении дательного или его замене другими падежами: в VL 44 имеет место изменение в управлении глагола: δηλοῖ αὐτόν (PG 2876B2) — винительный падеж наравне с классическим дательным αὐτῷ; в VL 45 представлена замена дательного предложной конструкцией с винительным паде-

σακκομάχιον *vs.* σακκομάχην (*VL* 132, *PG* 2925C15), διηγῆσατο δὲ ἡμῖν ἢ αὐτῇ ἀμμὰ Δαμιανῆ καὶ τοῦτο, **λέγων** *vs.* λέγουσα (*VL* 157, *PG* 2989D1–2; ср. с *VL* 152; сюда также относятся *VL* 160, 172 и 176), глагольных (и отглагольных) форм, времен, наклонений и залогов: εἰσίν *vs.* ἦσαν (*VL* 49, *PG* 2876C2), ἠνεγινώσχετο *vs.* ἀνεγινώσχεν (*VL* 66, *PG* 2880C10–11), μὴ ψεύδου *vs.* μὴ με ψεύση (*VL* 95, *PG* 2892C3), ὡς φονεὺς **κρινόμενος** *vs.* κριθήση (*VL* 98, *PG* 2892C5; см., кроме того, *VL* 107, 137, 140, 179),¹ а также изменяемостью/неизменяемостью заимствованных слов: εἰς τὴν **Ῥαῖθουῦν** *vs.* Ῥαῖθουῦ (*VL* 13, *PG* 2864A4), τοῦ μακαρίου **Ἐφραιμίου** *vs.* Ἐφραίμ (*VL* 71, *PG* 2884C10, ср. с *VL* 74) и переосмыслением предложно-падежных словосочетаний: δάκρυα πάμπολλα **καθ’ ἐκάστης** ἐκχέοντα τῆς ἡμέρας *vs.* καθεκάστην (*VL* 121, *PG* 2896B3–4).

§16. Синтаксические разночтения. Собранные в эту группу разночтения связаны либо с употреблением союзов: ἔστιν δὲ **ὅτι** *vs.* ὅτε (*VL* 123, *PG* 2896B14, ср. с *VL* 158),² либо со структурной фразы в целом: μετὰ τὸ καθελεῖν Εὐφῆμιον καὶ Μακεδόσιον τοὺς πατριάρχας Κωνσταντινουπόλεως **ἐξώρισεν** *vs.* καὶ ἐξορίσαι (*VL* 88, *PG* 2888D2–2889A1), καὶ **αὐτοὶ εἶπον** *vs.* τῶν δὲ εἰπόντων³ (*VL* 117, *PG* 2893C5).⁴

жом: ποιήσον **λόγῳ** τῶν ἀδελφῶν *vs.* εἰς λόγον (*PG* 2876B4–5) в зависимости от рукописной традиции; *VL* 52 аналогично *VL* 44, см. также *VL* 188. Не исключено, что в *VL* 118 ἐπερωτήσα: **αὐτῷ** *vs.* αὐτόν (*PG* 2893C10) имеет место гиперкоррекция. Колебание между родительным и винительным падежами встречается в *VL* 129 οὐκ ἀκούω **σέ** *vs.* σοῦ (*PG* 2916A2), ср. с *VL* 183. Об особенностях рода, числа и падежей в «Луге Духовном» см. §27–39.

¹ Особо следует выделить *VL* 130, где в некоторых рукописях имеет место замена конъюнктива перифрастической конструкцией с модальным глаголом: τίποτ’ οὖν **εἶπει** *vs.* ἤθελεν εἶπεν (*PG* 2917C6).

² Сюда же с некоторыми оговорками можно отнести *VL* 82 διὰ τοῦτο *vs.* δι’ αὐτοῦ или διὰ τοῦτου (*PG* 2885D5), где, в сущности, варьируются местоимения, позже превратившиеся в союз в результате грамматикализации, и *VL* 162 ὅ τι *vs.* εἰ (*PG* 3012B7) с заменой местоимения на союз.

³ Наличие/отсутствие независимого причастного оборота.

⁴ См. также разночтения 132, 186, 192. В *VL* 191 (*PG* 3109C12) вариант с винительным падежом συνοῖδα **ἐμαυτόν**_{ACC} τι τοιοῦτον **ποιήσαντα**_{ACC} (вместо ожидаемого дательного), скорее всего, объясняется влиянием другой конструкции, употребляемой в том случае, когда субъект не тождествен объекту. Тогда наравне с συνοῖδα σοι_{DAT} **ποιήσαντι**_{DAT}, возможен вариант συνοῖδα **σε**_{ACC} **ποιήσαντα**_{ACC}, а иногда даже и συνοῖδα σοι_{DAT} **ποιήσαντα**_{ACC}. Если же

§17. Прочие разночтения можно отнести к ошибкам или редакциям переписчиков: именно так, например, следует интерпретировать *VL 69*: ἔνα τῶν τευχῶν τοῦ πύργου vs. πύργων τοῦ τεύχους (*PG 2881A11–12*).

§18. Далеко не всегда варианты, предлагаемые разными рукописными традициями, выглядят одинаково убедительно, что можно проиллюстрировать на двух **морфологических** разночтениях: в *VL 129* Котельер предпочитает чтение οὐκ ἀχοῶ **σε** вместо σου (*PG 2916A2*), однако глагол ἀχοῶ традиционно управляет родительным падежом, к тому же в других местах «Луга Духовного», где употребляется этот глагол, он управляет именно родительным: ἀχοῶ σου (*PG 2892B10*);¹ в *VL 74* (*PG 2885A2*) разночтение заключается в выборе между Ἐφραίμιος и Ἐφραίμ, то есть изменяемой и неизменяемой формой. На той же странице, только на пять строчек ниже (*PG 2885A7*) встречается Ἐφραίμιος, причем указание на наличие разночтений в данном месте отсутствует, поэтому выбор Котельера в пользу Ἐφραίμιος представляется обоснованным.

§19. Знакомство с разночтениями, несомненно, открывает исследователю новые особенности текста Мосха. Тем не менее, необходимо признать, что фонетические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и стилистические разночтения прекрасно вписываются в существующие представления о языковых процессах, развивавшихся в позднем койне, и не могут коренным образом повлиять на анализ текста, что позволяет приступить к анализу «Луга Духовного», не дожидаясь появления критического издания Филиппа Паттендена.

субъект и объект совпадают, то возможны две конструкции: συνοῖδα μοι_{DAT} ποιήσαντι_{DAT} или συνοῖδα μοι_{DAT} ποιήσας_{NOM} [ΜΙΝΕΥΣ-GABROVEČ 1960:23]; ср. с *VL 188, 189*. К синтаксическим разночтениям следует отнести и *VL 11* εἰσῆνεγεν αὐτὸν εἰς τὸ πυργίον αὐτοῦ vs. ἐν τῷ κελίῳ (*PG 2860A9*), где разночтение связано с характерным для позднего койне (IV–X/XII в.) употреблением предлога ἐν (+ DAT) для указания направления, то есть в той функции, в которой в древнегреческом употреблялся предлог εἰς (+ ACC).

¹ Единственным объяснением появления винительного падежа, кроме, естественно, ошибки переписчика, является наличие отрицания перед глаголом, которое могло влиять на управление.

§20. Итак, в 1681 г. Котельер издал почти все главы, отсутствовавшие у Дюка, но имевшиеся в латинском переводе у Траверсари, снабдив их собственным переводом. Поэтому Жак-Полю Миню оставалось только объединить издания Дюка и Котельера и прибавить второе издание латинского перевода Розвейда 1628 г. (см. сн. 1 на с. 28), в который Розвейд внес исправления с учетом греческого текста, изданного Дюком.¹ Таким образом все ошибки, бывшие у Дюка и Котельера, плавно перетекли в *PG*.

В XX в. неоднократно предпринимались попытки издания дополнений и исправлений к изданию Миня: [HESSELING 1931; LACKNER 1982; MIONI 1971:83–94; NISSEN 1938; PATTENDEN 1975:49–54; SIMÓN PALMER 1993a: 57–62]. Они, по возможности, учитывались в настоящем исследовании.

§21. Правила нумерации строк. В *PG* отсутствует нумерация строк, поэтому в разных работах, посвященных «Лугу Духовному», номера строк греческого текста могут различаться. В данном исследовании строки нумеруются по следующим правилам:

1. Названия и номера глав не считаются за строки. При указании на колонку не учитывается тот факт, что иногда греческий текст выходит в колонку для латинского. В таких случаях указывается номер колонки основного греческого текста. Если латинский текст попадает на греческую колонку, эти строки не считаются.
2. Если латинская буква стоит прямо напротив строки, то эта строка считается первой:

D Δύο φιλόσοφοι παρέβalon γέροντι, καὶ ἐπερώτησαν (3024D1)
αὐτὸν εἶπεῖν αὐτοῖς λόγον ὠφελεῖας. Ὁ δὲ γέρων (3024D2)

3. Если латинская буква оказывается между двух строк, то первой считается нижняя:

C ἀπολύομεν αὐτόν. Εἰ διὰ λογαρῆν οὐκ ἀπολύετε αὐ- (3024B15)
τόν; Δότε μοι αὐτόν, καὶ ὑπάγων ἐπέτω, καὶ φέρω (3024C1)

¹ Результатом этих исправлений стали регулярно проявляющиеся несоответствия между оригинальным текстом и латинским вариантом в издании Миня [PATTENDEN 1975:39].

Общие сведения о языке Иоанна Мосха

§ 22–24. «Луг Духовный» и позднее койне (36) •
§ 25–39. Имя существительное (41) • § 40–48. Глагол (56)

§22. Как уже отмечалось, лингвистические особенности «Луга Духовного», прежде всего, интересны, поскольку этот текст был создан на так называемом позднем койне, и, следовательно, в нем должны быть отражены основные процессы языкового изменения, характерные для данного периода. Эти изменения, затронувшие практически все языковые уровни, настолько значительны, что иногда древнегреческий и новогреческий кажутся не разными диахроническими этапами одного языка, а различными языками.

Утверждение о том, что наиболее быстрым и значительным изменениям подвергается лексика, справедливо с некоторыми оговорками и для греческого. В «Луге Духовном» — при всем его явном тяготении к древнегреческой лексике — используются также и «новые» слова:

1. В главе CLXXXV — христианском варианте истории о Поликратовом перстне — для обозначения рыбы используется не древнегреческое слово ἰχθύς, а диалектное ὀψάριον (PG 3060D6), позднее перешедшее в новогреческое ψάρι.
2. Под влиянием христианской традиции термины πατήρ 'отец', ἀδελφός 'брат', γέρον 'старец' и прочие приобрели новые оттенки значения [MAISANO 1982b].
3. Мосх заимствует из ближневосточного койне термин ἄββᾶς 'авва' (*Ibid.*).

4. В языке «Луга Духовного» имеются широкие пласты лексики,¹ заимствованной из латинского языка. Хосе Симону Палмеру в своем исследовании [SIMÓN PALMER 1993b] удалось продемонстрировать, что лексику латинского происхождения, представленную в произведении Иоанна Мосха, можно разделить на следующие группы:

- Церковная терминология
- Администрация и управление
- Военное дело
- Единицы измерения и монеты
- Архитектура
- Мебель и домашняя утварь
- Одежда
- Род деятельности и проч.

Указанные группы слов соответствуют тем сферам жизни и деятельности, где влияние западной (римской) культуры было особенно сильным, и вписываются в общую схему латинских заимствований. Впрочем, несмотря на сравнительно большое количество классов, выделенных Х. Симоном Палмером, число слов латинского происхождения невелико: в списке испанского исследователя их не более сотни.

§23. Значительно больший интерес представляют процессы, затронувшие другие уровни языка, тем более что койне может служить ярким примером того, как изменение одного языкового элемента оказывает влияние на развитие всей системы языка. Известно, что в фонетике греческого языка в эпоху койне исчезает противопоставление между открытыми и закрытыми, а также долгими и краткими гласными, что приводит к сужению

¹ Лексические особенности «Луга Духовного» до сих пор остаются малоизученными. Небольшой комментарий имеется в [HESSELING 1931; DUFFY, VIKAN 1985], отдельные лексические единицы описаны в [SOPHRONIOU 1989], а также краткий анализ значения глаголов и глагольных сочетаний приводится в [MIŃEVČ-GABROVEČ 1957].

Таблица 1.1. Фонетические изменения и глагол.

P R A E S A C T			
	IND	CONJ	OPT
SG 1.	λέγω /légo/	λέγω /légo/	λέγοιμι /légimi/
2.	λέγεις /légis/	λέγῃς /légis/	λέγοις /légis/
3.	λέγει /légi/	λέγῃ /légi/	λέγοι /légi/
PL 1.	λέγομεν /légomen/	λέγομεν /légomen/	λέγομεν /légimen/
2.	λέγετε /légete/	λέγητε /légite/	λέγοιτε /légite/
3.	λέγουσι /légusi/	λέγωσι /légosi/	λέγοιεν /légien/

ряда гласных (так называемому **итацизму**). Эти процессы, с одной стороны, оказались тесно связанными с исчезновением мелодического ударения в греческом, а это, в свою очередь, повлекло за собой не только изменение просодики, но и синтаксиса, где, в отличие от прежних периодов развития языка, фонетические единства начинают совпадать с синтаксическими: по мнению Т. М. Николаевой, греческий язык этого периода представляет собой третий этап просодической эволюции — пост-словный, то есть «когда фразово-просодической единицей оказывается фрагмент, больший, чем слово, а мелодические контуры становятся все более четко очерченными и глобальными» [НИКОЛАЕВА 1996:15]. С другой стороны, вышеуказанные фонетические изменения оказывали значительное влияние и на морфологию, приводя к частичной, а иногда и полной омофонии парадигм. Это ярко демонстрирует в своей незаконченной диссертации Палома Ортис Гарсиа на примере глагольной морфологии [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:12–13]; см. табл. 1.1.

Из приведенных выше парадигм видно, что 2SG и 3SG, наиболее частотные формы, полностью омофоничны во всех трех наклонениях. Не имеют омофонических пар только 1SG OPT, 1PL

Таблица 1.2. Фонетические изменения и глагол (продолжение).

	FUT IND ACT	AOR CONJ ACT
SG 1.	λύσω /líso/	λύσω /líso/
2.	λύσεις /lísis/	λύσῃς /lísis/
3.	λύσει /lísí/	λύσῃ /lísí/
PL 1.	λύσομεν /lísomen/	λύσωμεν /lísomen/
2.	λύσετε /lísete/	λύσητε /lísíte/
3.	λύσουσι /lísusi/	λύσωσι /lísosi/

OPT, 2PL IND и 3PL во всех наклонениях. Вероятно, появление омофонии могло оказать свое влияние на исчезновение желательного наклонения и возникновение новых форм сослагательного, тем более что подобная омофония затрагивала не только настоящее время, как это продемонстрировано в [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:13]; см. табл. 1.2.

Все формы парадигм (за исключением 2PL и 3PL), имеют омофонические пары.¹ Подобная омофония появляется и в именной парадигме, где, прежде всего, связана с формами дательного падежа, которые в результате произошедших фонетических изменений постепенно совпадают с другими падежами (табл. 1.3, с. 40).

Указанные парадигмы отражают далеко не все типы склонения, однако они представляются одними из наиболее распространенных. Видна фактически полная унификация парадигмы, где единственными «исключениями» оказываются именительный падеж мужского рода и, частично из-за артикля, женского. Показательно, что эти «исключения» подчеркивают противопоставлен-

¹ Возможно, что омофония стала одной из косвенных причин исчезновения инфинитива: П. Ортис Гарсиа (*Ibid.*) справедливо сопоставляет окончание инфинитива *-ειν* /in/ с часто встречающимся окончанием существительных NEUTR *-ιον* > *-iv*.

Таблица 1.3. Фонетические изменения и имя существительное.

	MASC	FEM	NEUTR
NOM	ὁ βίος /o víos/	ἡ γῆ /i gi/	τὸ τέκνο(ν) /to tékno/
DAT	τῷ βίῳ /to vío/	τῇ γῆ /ti gi/	τῷ τέκνῳ /to tékno/
ACC	τὸ βίον /to vío/	τῆ(ν) γῆ(ν) /ti gi/	τὸ τέκνο(ν) /to tékno/

ность между субъектом и объектом, но никак не прямым и косвенным дополнением, что оказывается фонетической базой для исчезновения дательного падежа.¹

§24. Языковые изменения, происходившие в койне и последующие периоды нашли свое отражение в эпиграфических памятниках и сохранившейся переписке [GIGNAC 1976; 1981; HORROCKS 1997:32–196]. Однако авторы литературных памятников позднего койне, в основном, демонстрируют блестящее владение древнегреческим. Во Введении были приведены высказывания Э. Михевч-Габровеч (сн. 2 на с. 14) и Р. Агилар (сн. 1 на с. 15) о том, что язык Иоанна Мосха отражает многие языковые особенности его времени. В то же время вспоминается мнение Дж. Хоррокса, который отмечает, что морфология «Луга Духовного» практически не отражает изменения морфологической системы, произошедшие еще в койне, и языковые процессы, современные Мосху [HORROCKS 1997:187]. Так, почти на каждой странице можно встретить многочисленные факты употребления

¹ Подчеркивая непосредственное влияние фонетических изменений на другие языковые уровни, П. Ортис Гарсиа приводит также пример с личными местоимениями, где возникшая омофония приводит к изменению форм [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:12]. Не исключено, что именно под влиянием подобной омофонии в новогреческом языке имеются местоимения *εμεῖς* и *εσεῖς* соответственно, где на морфологическом уровне, помимо установившегося параллелизма *εγώ* (*με, ἐμένα*) ↔ *εμεῖς* (*μας, ἐμάς*), также появляется и *εσύ* (*σε, ἐσένα*) ↔ *εσεῖς* (*σας, εσάς*).

	1PL	2PL
NOM	ἡμεῖς /imís/	ὕμεῖς /imís/
GEN	ἡμῶν /imón/	ὕμῶν /imón/
DAT	ἡμῖν /imín/	ὕμῖν /imín/
ACC	ἡμᾶς /imás/	ὕμᾶς /imás/

дательного падежа, который, скорее всего, в это время уже давно не использовался в разговорном языке. Очевидно, Дж. Хоррокс, говоря о морфологии, имеет в виду, скорее, «учение о форме», а не современное ее понимание как анализ слова «во всех его релевантных аспектах» [Мельчук 1997:30], когда предметом исследования оказываются также частично вопросы, традиционно относимые к синтаксису [Плунгян 2000:12–18]. Об этом, в частности, свидетельствует пример, приведенный самим Дж. Хорроксом [HORROCKS 1997:188]:

(1.1) ἔξεσέν μου_{GEN} τὴν ὄψιν
 ‘... [умерший] ощупал **мне** лицо’ (PG 2932C6),

где местоимение в родительном падеже (μου), традиционно выполнявшее функции притяжательного местоимения и формально служащее определением к прямому дополнению (τὴν ὄψιν), неожиданно занимает несвойственное ему место перед артиклем определяемого слова (μου τὴν ὄψιν) сразу после управляющего глагола, что позволяет считать это местоимение личным в функции косвенного объекта. Однако в древнегреческом языке падежом косвенного дополнения, за исключением случаев, связанных с особенностями управления у ряда глаголов, был дательный, и здесь следовало бы ожидать не μου, а μοι.¹ В то же время в «Луке Духовном» встречается немало «аномалий» и с точки зрения морфологии (в собственном смысле слова), некоторые из которых будут описаны ниже.

§25. Имя существительное. Артикль. В древнегреческом языке и в койне артикль выступает, с одной стороны, в функции формального маркера имени существительного, а с другой — как показатель определенности [BLASS, DEBRUNNER 1971:131–132]. В качестве маркера имени существительного артикль приобретает также функцию показателя субстантивации инфинитивов,

¹ В [HESSELING 1931:51] приводятся два примера, когда притяжательное местоимение оказывается перед артиклем определяемого слова: αὐτῶν_{GEN} ὁ ἡγούμενος ('их игумен' PG 2857B9), μου_{GEN} ὁ δεσπότης ('мой господин' PG 3076B9–10). Показательно, что в них, как и в примере 1.1, местоимение следует непосредственно после личной формы глагола и может восприниматься как косвенное дополнение.

имен прилагательных, а иногда и целых синтаксических оборотов. Примеры субстантивации неоднократно встречаются и у Мосха: ей подвергается инфинитив (ἅμα τῷ ἀναπτύξαι ‘... как только [авва Иринаей] **раскрыл** [книгу]’ PG 2909B8),¹ причастие (λέγει δὲ τῷ φανέντι αὐτῷ ‘говорит же [старец] **появившемуся** перед ним’ PG 2853A8) и синтаксические обороты, например, Accusativus cum infinitivo: διὰ τὸ μὴ ἐπιδέχεσθαι τὸν τρόπον ‘... поскольку **не позволял закон**’ (PG 2853D11–12). Э. Михевч-Габровеч, рассматривая субстантивацию в «Луге Духовном», отмечает несколько удивительных случаев, когда причастия с четко выраженной семантикой существительного не имеют артикля [MINEVČ-GABROVEČ 1960:8]:

(1.2) μέγας ἔπαινος καὶ μεγάλη δόξα, καὶ βασιλεία
 ἀποτασσομένῳ καὶ γενομένῳ μοναχῷ
 ‘... великая хвала, и великая слава, и царство Божие
отрекшемуся от мира и ставшему монахом’ (PG 3020B13–14)

(1.3) εἰ δύναται βαπτισθῆναι μήτε πιστεύων κατὰ τὴν πίστιν τῶν
 Χριστιανῶν
 ‘... может ли быть крещен и **неверующий** в веру Христиан’
 (PG 3085C7–8)

В обоих примерах и перед ἀποτασσομένῳ (... γενομένῳ), и перед πιστεύων следовало бы ожидать артикль.²

¹ В основном перед субстантивированным инфинитивом стоят предлоги ἅμα ‘вместе с’, διά ‘из-за того, что’, εἰς ‘чтобы’, ἐκ ‘по причине того, что’, ἐν ‘вместе с’, ἐπί ‘чтобы’, μετά ‘после того, как’, πρό ‘перед тем, как’, πρόσ ‘чтобы’ [ORTIZ GARCÍA 1994]; об инфинитиве у Мосха см. также сн. 2 на с. 70.

² Впрочем, отсутствие артикля, по крайней мере, в этих случаях объяснимо. В примере 1.2 ощущается сильная связь между двумя однородными причастиями ἀποτασσομένῳ καὶ γενομένῳ, однако если субстантивация первого из них не вызывает сомнений, то со вторым ситуация обстоит намного сложнее. Глагол γίγνομαι в значении ‘быть, становиться’ обычно требует именительного падежа; например, предложение [я] *становлюсь монахом* будет выглядеть по-гречески γίγνομαι μοναχός (эллиптический Nominativus duplex), поэтому в словосочетании γενομένῳ μοναχῷ может ощущаться не управление (*ставшему*_[кем?] *монахом*), а согласование, тем более что оба элемента стоят в дательном падеже, и тогда причастная форма воспринимается не как косвенный объект, а как определение. Вероятно, перед ἀποτασσομένῳ артикль не ставится по аналогии с γενομένῳ. В примере 1.3 перед субстантивированным причастием πιστεύων стоит отрицание μήτε,

Отдельно также важно упомянуть об артикле в функции показателя определенности. Представляется, что в тексте Мосха, несмотря на тяготение к традиционной морфологии, можно наблюдать тенденцию к формированию новой системы: во-первых, встречаются не обусловленные контекстом колебания, связанные с употреблением артикля при именах собственных — οἱ Ἱεροσολυμίται (PG 3048D5) и Ἱεροσολυμίται (PG 3049A3), во-вторых, в ряде случаев артикль вообще опускается.¹ Фактически для любого случая пропуска артикля можно найти конкретное объяснение, однако внимательное рассмотрение примеров, указанных в сн. 1, позволяет заметить, что они связаны с существительными, либо стоящими вне противопоставления **определенность ↔ неопределенность** (например, абстрактные понятия), либо соотносимыми говорящим с конкретным лицом (например, члены семьи) и, таким образом, оказывающимися всегда конкретизированными для говорящего.²

относящееся к нему. Наличие отрицания затрудняет постановку артикля: оказавшись между отрицанием и причастной формой (*μήτε ὁ πιστεύων), артикль будет указывать, что отрицание относится не к причастной форме, а ко всей фразе; постановка артикля перед отрицанием (*ὁ μήτε πιστεύων) едва ли возможна.

¹ Прежде всего, это касается абстрактных понятий, которые в основном употребляются без артикля, напр.: ἀγαθότης 'благость' (PG 3033B8–9; 3061C2), ἀγάπη 'любовь' в сочетании с глаголом ποιέω 'делать', то есть *сделай милость* (PG 3033A2, D4), ἔλεος 'сострадание' также в сочетании с ποιέω 'делать', то есть *сострадать* (PG 3033B2; 3064C13, правда, в PG 3100A6 встречается с артиклем: ἐποίησεν τὸ ἔλεος), ἀλήθεια 'истина' (PG 2980A11; 3061C14, однако употреблено с артиклем в PG 2873A1) и проч. Здесь, очевидно, просматривается влияние языка Библии [BLASS, DEBRUNNER 1971:134–135]. Влиянием Библии можно также объяснить практически регулярное отсутствие артикля при существительных οὐρανός 'небеса' (PG 2888A4; 2933C3) и γῆ 'земля' (PG 2905C2) [BLASS, DEBRUNNER 1971:132], иногда при существительных, обозначающих членов семьи: υἱός 'сын' (PG 3092A2); θυγάτηρ 'дочь' (PG 2889B7); μήτηρ 'мать' (PG 2889B7); ἀνὴρ 'муж' (PG 3064A2) и проч., регулярное отсутствие артикля при имени Ἰησοῦς Χριστός, чаще всего встречающегося в звательном падеже, что может приводить к употреблению этого имени без артикля; ср.: [BLASS, DEBRUNNER 1971:136], подробнее см. [ΜΙΝΕΥČ-GABROVEČ 1960:8–13].

² В [ΜΙΝΕΥČ-GABROVEČ 1960:11] приводится небольшой список случаев употребления отдельных существительных без артикля, которые хорошо укладываются в предложенную выше интерпретацию. Так, в PG 2904D10–2905A1 встречается *σταυροφύλαξ* 'хранитель креста'. Нельзя исключать, что здесь ошибка, однако показательно, что немного выше (PG 2904C14) то же существительное употреблено с артиклем. Поэтому, видя *σταυροφύλαξ* без артикля, читатель не сомневается, что речь идет о том же самом лице, что и прежде. В то же время в главе

§26. Употребление артикля не является в «Луге Духовном» основным показателем определенности/неопределенности. Для этого в тексте Мосха используются другие средства, традиционные для древнегреческого языка, например, местоимение *τις* 'некто, некий', которое иногда воспринимается как аналог неопределенного артикля [HESSELING 1931:51],¹ и «новые», свидетельствующие о тенденции к формированию новых способов выражения противопоставления **определенность ↔ неопределенность** — *εἷς* 'один': *εἷς Βάρβαρος* 'один (некий) варвар' (PG 2868A10, ср. с новогреческим неопределенным артиклем, *ένας*, этимологически связанным с числительным *один*).

§27. Род. При рассмотрении рода имен существительных в «Луге Духовном» особое внимание привлекают два момента: во-первых, те случаи, когда существительное оказывается «неправильного» рода: *ὁ γαστήρ* 'желудок, живот' (PG 3104A7) и *ὁ εἶσοδος* 'вход' (PG 3009C11) — мужской род вместо нормативно женского, и, во-вторых — примеры нарушения согласования по роду:

(1.4) *ταῦτα ἡμῶν λαλοῦντων*_{MASC}

'пока мы **разговаривали**' (PG 2992A9)

СХII авва Лев, стремясь выкупить монаха, попавшего в плен к варварам, предлагает за него восемь номисм, на что один из варваров отвечает: "Ἦ δότε μοι κδ' νομίματα ἢ μοναχόν 'Или дайте мне двадцать четыре номисмы, или монаха' (PG 2977A9–10). Очевидно, что здесь речь идет либо именно о том монахе, который уже находится в плену, то есть об определенном лице, либо о любом представителе монашества. Последний случай оказывается уже вне оппозиции **определенность ↔ неопределенность**.

¹ Многочисленные примеры подкрепляют это предположение. Так, две истории начинаются следующим образом:

(i) Ἐν αὐτῇ τῇ λαύρᾳ τῶν Πυργίων, ἐκάθητό **τις** γέρων

'В той же лавре «Башен» находился **один** старец' (PG 2860A1–2)

(ii) Ἦν **τις** ἀναχωρητῆς εἰς τὰ σπήλαια τοῦ ἁγίου Ἰορδάνου, ὀνόματι Βαρνάβης

'Жил **один** отшельник по имени Варнава в пещерах святого Иордана'

(PG 2860B1–2)

В то же время *τις* часто употребляется постпозитивно (*γέρων τις* 'старец **некий**' PG 2857B7), что нехарактерно для греческого артикля. Кроме того, в «Луге Духовном» несколько не утрачивается местоименная «природа» *τις*: *τις τῶν Πατέρων* '**некто** из Отцов' (PG 2868A4).

В примере 1.4 встречается оборот Genitivus absolutus с причастием в мужском роде, несмотря на то, что из контекста явствует, что речь идет о женщинах. Другой яркий пример встречается в главе СХХVII:

(1.5) Διηγῆσατο δὲ ἡμῖν {ἡ αὐτὴ ἀμμὰ Δαμιάνῃ}FEM καὶ τοῦτο
λέγωνMASC [рго λέγουσαFEM VL 157]

‘Рассказывала нам та же матушка Дамиана и об этом, **говоря**. . .’
(PG 2989D1–2)

Разночтение, связанное с этим примером, заключается в том, как согласуется причастие по роду с существительным, от которого зависит.

Указанные выше «исключения» объяснимы: γαστήρ по своей форме ассоциируется с мужским родом,¹ тем более что слова, подобные μήτηρ ‘мать’ и θυγάτηρ ‘дочь’, воспринимались, скорее, как исключения;² аналогичным образом следует рассматривать и ὁ εἶσοδος, существительное второго («мужского») склонения, семантически не связанное с женским родом. В связи с этим и появляются попытки унификации.

В примере 1.4 компонентом оборота Genitivus absolutus, который мог бы семантически определить род причастия, оказывается местоимение, формально не имеющее рода. Поэтому можно предположить, что мужской род причастия объясняется предпочтением форм мужского рода, если женский род не обусловлен грамматически.³ В (1.5) отсутствие согласования вызвано нали-

¹ В случае с γαστήρ имеет место колебание: помимо MASC ὁ γαστήρ, также встречается и FEM ἡ γαστήρ (PG 2897B9).

² В новогреческом языке μήτηρ приобретает форму μητέρα, а θυγάτηρ — θυγατέρα с окончанием -α, характерным для большинства существительных женского рода.

³ Интересно, что в понтийском диалекте, как указывает Ф. А. Елоева, нередко встречаются следующие примеры: /kógiFEM étofiósMASC/ ‘девушка красивая’, /étofiósMASC garíFEM/ ‘красивая женщина’, где прилагательное мужского рода выступает в роли определения к существительному женского. Иногда с одушевленным существительным женского рода может стоять определение среднего рода: /kalónNEUTR garíFEM/ ‘хорошая женщина’, однако чаще прилагательное среднего рода стоит при неодушевленном существительном женского рода: /makríNEUTR strátaFEM/ ‘длинная дорога’, /varíNEUTR kardíaFEM/ ‘тяжелое сердце’. «Несогласованность» проявляется и в сочетании с артиклем: /ínasMASC pífeFEM/ ‘невеста’. Показательно, что, если речь в высказывании идет о мужчине и женщине, артикль обычно варьируется: /étone énasMASC yérosMASC ke ínasFEM

чием Participium coniunctum, глагольной формы, соответствующей деепричастию, и, следовательно, характеризующей не субъект действия, а само действие и семантически не зависящей от рода субъекта (выбор мужского рода обусловлен теми же причинами, что и в примере 1.4). Влияние на согласование семантических факторов, а не грамматических проявляется также в следующем примере:

(1.6) Ἦφερεν δὲ ὁ ἐπίσκοπος πάντας τοὺς παῖδας_{MASC} τοῦ ἐπίσκοπέου· οὐδέν_{NEUTR} αὐτῶν ἐπεγίνωσθεν ὁ πρεσβύτερος
 ‘Привел тогда (букв. же) епископ всех **слуг** епископского дома — **никого** из них не признал пресвитер’ (PG 2972C1–3)

Местоимение в среднем роде οὐδέν ‘ничто’, несомненно, соотносится с существительным мужского рода τοὺς παῖδας (PL от ὁ παῖς ‘отрок, слуга’).¹ Основное значение παῖς в древнегреческом языке — ‘ребенок, начиная с трех или четырех лет’, причем это существительное могло быть и мужского, и женского рода, то есть обозначать как мальчика, так и девочку. Для детей меньшего возраста служило τὸ τέχνον (NEUTR), поскольку в этом возрасте половая принадлежность нерелевантна.² Впрочем, когда

ὑγά_{FEM}/ ‘жили старик со старухой’, однако оба эти артикля грамматически соответствуют мужскому роду [Елоева 2004:113–114]. Можно предположить, что ситуация в понтийском диалекте представляет собой развитие тех тенденций, которые отмечаются в языке Мосха, однако не нашли своего отражения в нормативном варианте новогреческого языка. В пользу этого говорит существование многочисленных случаев сочетания прилагательного среднего рода с существительным женского рода в ранних новогреческих поэтических текстах (напр., в «Поэме о Дигенисе Акрите») и примеров «несогласованности» по роду по диалектам [KONTOSPOULOS 2001].

¹ Э. Михевч-Габровеч усматривает в примере 1.6 ошибку переписчика (οὐδέν вместо οὐδένα), тем более что, по ее мнению, и в PG 3029A4 присутствует ошибка (αὐτόν вместо αὐτό, то есть мужской род вместо среднего) [ΜΙΧΕΥՇ-ԳԱΒՐՈՎԵՇ 1960:14]. Действительно, в обоих случаях наблюдается одна общая черта — ошибка вызвана сугубо фонетическими причинами (возможно, переписчик во время работы повторял для удобства копируемый текст вслух). Появление -ν в αὐτόν можно объяснить либо тем, что это местоимение занимает конечную позицию в предложении, а следующее предложение начинается с сонанта: αὐτόν. Λέγω (PG 3029A4), либо аналогическим влиянием прилагательных на -ός, -ή, -όν; исчезновение -α в οὐδένα, скорее всего, происходит под влиянием того, что следующее слово также начинается с α- (*οὐδένα αὐτόν), а два /а/ подряд обычно не произносятся.

² Это явление характерно для многих индоевропейских языков; ср., напр., с новогреч. το μωρό и русск. *дитя*.

речь идет о детях уже не младенческого возраста, указание на пол также не всегда важно. Например, из русского слова *ребенок* непонятно о ком идет речь, о мальчике или о девочке. Показательно, что в немецком языке для этого используется существительное среднего рода *das Kind*. Аналогично обстоят дела и в новогреческом языке: το παιδί (NEUTR). Не исключено, что процесс «объединения» ὁ παῖς и ἡ παῖς в το παιδί происходил еще в койне, и следы его как раз проявляются у Мосха, где существительное формально сохраняет мужской род, однако ему соответствует местоимение среднего рода. Любопытно, что подобное происходит независимо от того, что существительное τοὺς παῖδας употреблено в значении не ‘дети’, а ‘слуги’ и подразумевается принадлежность означаемых к мужскому полу: во-первых, епископу едва ли прислуживали женщины, а во-вторых, епископ привел своих слуг для того, чтобы пресвитер узнал среди них того юношу, которого видел прежде (см. гл. CVIII).¹

§28. Число. В «Луге Духовном» встречается несколько типов употребления «формального» множественного числа, иногда называемого *Pluralis poeticus*, то есть таких случаев, когда за грамматическим множественным числом по-настоящему скрывается единственное.

§29. Множественное скромности. Употребляется при обращении к Богу в *PG* 3013A14–15: καὶ τὴν μικρὰν ἡμῶν προθυμίαν ἡ σὴ ἀγαθότης προσεδέξατο ‘... и даже малое **наше** (= **мое**) рвение Твоя благость приняла’; в этом примере использование местоимения ἡμῶν (PL) усиливает присутствующую в высказывании антитезу. К данному типу можно также отнести и авторское множественное число в *PG* 2989B13: καὶ αὐτοῦ δὲ μνήμην πεπολήμεθα ‘которого [**мы**] уже упомянули’.

¹ Еще одна интересная особенность отмечена в [TAVASCHOVITZ 1943:15]: в *PG* 2893C13–14 встречается выражение τοιοῦτος ἦν μέγας, ὥστε ‘змея настолько был огромный, что...’, где употреблено прилагательное τοιοῦτος вместо наречия. Вероятно, это явление можно считать особенностью разговорного стиля, поскольку, с одной стороны, оно распространено не только в других агиографических текстах (напр., «Лавсаик»), но и характерно для многих индоевропейских языков (итал. *Maria e tanta bella* вместо *tanto bella*, ср.: русск. *Мария такая красивая* вместо *так красива*), а с другой — не встречается в Новом Завете; там в подобных случаях употребляется только наречие [BLASS, DEBRUNNER 1971:224].

§30. Множественное вежливости. В «Луге Духовном» этот вид множественного числа встречается довольно часто:

(1.7) Εὐξαι ὑπὲρ ἐμοῦ, Πάτερ, ὅτι ὁ Θεὸς διὰ τῶν ὑμετέρων
εὐχῶν ἀπῆρεν ἀπ' ἐμοῦ τὸν κόπον

‘Помолись обо мне, Отче, ибо Бог **Вашими** молитвами избавил меня от страдания...’ (PG 2948D8–10; ср. с VL 75)

Любопытно, что императивная форма стоит в единственном числе, а притяжательное местоимение во множественном, хотя оба относятся к одному лицу.¹

§31. Множественное величественности:

(1.8) Ἦδει σε, τέκνον, ὡς Πατρί σου ἀκοῦσαί μου, καὶ μηδὲν πλέον
ἀπαιτῆσαι ἡμᾶς

‘Следовало бы тебе, чадо, как Отца своего, послушаться меня и более ничего не требовать от **меня** (букв. нас)’ (PG 2885B1–3; см. также сн. 1 на с. 54)²

Это слова патриарха Ефрема, обращенные к столпнику, придерживавшемуся ереси Севера. Не исключено, что патриарх мог стремиться любыми средствами подчеркнуть свое величие, в том числе и говоря о себе во множественном числе.³

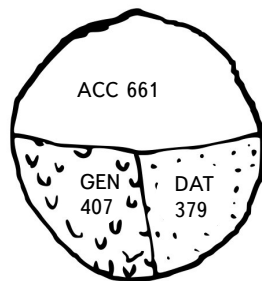
¹ Вероятно, императивная форма формально очень тесно связана, если так можно выразиться, с «количеством» лиц, от которых ожидается какое-либо действие, впрочем, этот вопрос требует более детального исследования. Подробнее о **множественном вежливости** см. [ΜΙΝΕΥÇ-GABPOVEÇ 1960:13–14].

² Э. Михевч-Габровеч предполагает здесь возможную ошибку, вызванную тем, что в рукописном варианте, принятом в PG, столпник обращается к патриарху во множественном числе (см. VL 75) [ΜΙΝΕΥÇ-GABPOVEÇ 1960:14]. С этим предположением можно не согласиться хотя бы потому, что, как следует из наличия разночтения, столпник не во всех рукописях обращается к патриарху *на Вы*, в то время как патриарх, отвечая ему, везде говорит о себе во множественном числе.

³ Э. Михевч-Габровеч в своем исследовании предлагает выделять еще **множественное собирательное** (le pluriel collectif), например, ἐκ τῶν ἰδρώτων γεμιζόμενον ‘[купель] **жидкостями** наполняемая’ (PG 3105C11–12), ἐθεωροῦμεν τὰ αὐτὰ φῶτα ‘[мы] видели **тот же самый свет** (букв. **те же самые огни**)’ (PG 2944D3), οὐδὲ ὕδατὰ εἶσιν ᾧδε ‘и **воды** (букв. **вод**) тут нет’ (PG 3045A1); βουλάς ἔχει ‘**намерение** (букв. **намерения**) имеет [Софроний]’ (PG 2973A6), ἐλπίδας ἔχει ‘**надежду** (букв. **надежды**) возлагаю’ (PG 2973A10–11) [ΜΙΝΕΥÇ-GABPOVEÇ 1960:13–14]. Относительно этих примеров, пожалуй, за исключением третьего (с существительным ὕδατᾶ), возникает сомнение в формальном харак-

§32. Падеж. Падежная система «Луга Духовного» в целом совпадает с древнегреческой падежной системой, и, что важно отметить, в тексте широко используется дательный падеж. При этом случаи замены дательного другими падежами встречаются уже в письмах египетского или малоазийского происхождения, датируемых серединой II в. до н.э. [Норрокс 1997:65–67, 216–217]. Отдельные примеры употребления винительного падежа вместо дательного зафиксированы в Новом Завете [MOULTON 1908:60–63, 65]. В то же время фактически ни один известный письменный памятник до времени Мосха включительно не демонстрирует полного исчезновения этого падежа. Дж. Матино, изучая использование предлогов в «Истории монахов в Египте» («Historia monachorum in Aegypto», патерике рубежа IV–V вв., вероятно, послужившего для Мосха одним из образцов [SIMÓN PALMER 1993a: 48]), приводит интересные количественные данные [МАТИНО 1977:173] (см. рис. 1.1).

Рис. 1.1. Употребление падежей с предлогами в «Истории монахов в Египте».

Несмотря на то, что случаев употребления дательного падежа меньше, чем винительного или родительного, однако их отнюдь не так мало, и к тому же, согласно наблюдениям Дж. Матино, с двумя предлогами (ἐν 'в' и σὺν 'с') в «Истории монахов в Египте» употребляется только дательный падеж [МАТИНО 1977:172]. Следовательно, было бы неразумно ожидать, чтобы дательный падеж полностью отсутствовал в «Луге Духовном»; при этом перспективно проанализировать употребление дательного падежа в тексте Мосха с точки зрения двух аспектов:

- рассмотрение функций дательного падежа у Мосха по сравнению с древнегреческим состоянием;

тере множественного числа, как это утверждает Э. Михевч-Габровеч. Интересно, что М. И. Хитров переводит ἰδρῶτες как 'капли' [Хитров 1915:264]. Не как 'свет', а как 'огни' можно понять φῶτα; не вполне понятно, почему Э. Михевч-Габровеч включает сюда также два устойчивых выражения βουλὰς ἔχω и ἐλπιδὰς ἔχω.

- анализ отклонений в употреблении дательного (использование вместо других падежей или замена другими падежами).

§33. Функции дательного падежа. Функции дательного падежа в «Луге Духовном» выглядят следующим образом: Dativus commodi/incommodi: **ἑαυτοῖς** εὐχόμεθα **‘сами для себя** молимся’ (PG 3020A8),¹ Dativus ethicus: ὄντως σοι **‘воистину тебе**’ (PG 2932A8),² Dativus auctoris: ὤφθη αὐτῷ **‘[он] был** увиден **им**’ (PG 3012B11; 3013C4; 3048C1; 3085C14 и проч.), Dativus temporis: ἐν μιᾷ [τῶν ἡμερῶν] **‘однажды** (букв. в **один** [из дней])’ (PG 3032B10), Dativus instrumentalis: ὄρκοις [ἐνορκῶν] **‘клятвами** [клянясь]’ (PG 3045A2), Dativus sociativus: τῇ σιωπῇ καὶ ἡσυχίᾳ [ἑαυτοὺς φυλάττετε] **‘с безмолвием и тишиной** [саших себя берегите]’ (PG 3025A3–4), Dativus causae: φόβῳ **‘от** страха’ (PG 3085C14) [ΜΙΝΕΥČ-GABROVEČ 1960:20–24]. Подобные функции были у дательного падежа и в древнегреческом языке [DE LA VILLA 1989], и в новозаветном койне [BLASS, DEBRUNNER 1971:100–109], влияние которого на язык «Луга Духовного» проявляется и в сфере употребления дательного падежа: в Новом Завете вместо Accusativus relationis чаще употребляется Dativus relationis [BLASS, DEBRUNNER 1971:105–106]. Подобное наблюдается и в тексте Мосха, например: φοβερὸν τῷ εἶδει **‘[Феофан видит] ужасного на вид** (букв. **видом**)’ (PG 2872D1; ср. с PG 3101C3). Согласно наблюдениям Э. Михевч-Габровеч [ΜΙΝΕΥČ-GABROVEČ 1960:22], **дательный отношения** часто встречается у существительных ὄνομα **‘имя’** и γένος **‘род’** (см. табл. 1.4).

Таблица 1.4.
Употребление Dativus и
Accusativus relationis.

	DAT	ACC
ὄνομα	45	3
γένος	10	4

¹ Э. Михевч-Габровеч отмечает, что иногда **дательный заинтересованности** употребляется с глаголом εὐχόμεναι **‘молиться’** в значении *молиться за кого-либо* (PG 2892C7; 3069A5), в то время как по правилам здесь должен быть родительный падеж с предлогом ὑπέρ [ΜΙΝΕΥČ-GABROVEČ 1960:21].

² Выражение ὄντως σοι представляет собой типичную эллиптическую конструкцию — ниже встречается ὄντως ἐγὼ λέγω ὑμῖν **‘истинно я говорю вам’** (PG 2932B3–4), представляющее собой известное выражение. Можно предположить, что выражение ὄντως σοι уже не ощущается как эллипсис и используется в функции маркера прямой речи. Применение эллипсиса к известному выражению может свидетельствовать о том, что это оборот разговорной речи.

§34. Замена дательного другими падежами. Дательный падеж может заменяться родительным, который, в основном, употребляется без предлога (случаи с предлогом приводятся в сн. 3 на с. 52). В *PG* 3089C7 (ὁμότιμος ἡμῶν_{GEN} ‘равноценный **нам**’) родительный падеж берет на себя основную функцию дательного: он выражает косвенное дополнение. Кроме того, родительный может брать на себя инструментальную функцию:

- (1.9) Ἦν γὰρ διὰ τὸν χρόνον ἢ εἴσοδος τοῦ σπηλαίου σκεπασθεῖσα
τῶν ξύλων_{GEN} καὶ χιόνων_{GEN}
‘С течением времени вход в пещеру оказался завален **сучьями и снегом**’ (*PG* 2941A13–15; см. также сн. 1 на с. 62)

§35. Винительный падеж также может употребляться вместо дательного:

- (1.10) ἤρξατο μετὰ λύπης ἐγκαλεῖν αὐτόν_{ACC}, λέγων·
‘[брат] начал с горечью упрекать **его**, говоря. . .’ (*PG* 3065D5–6)

В древнегреческом языке глагол ἐγκαλέω управлял дательным для выражения объекта упрека или обвинения, то есть в данном примере следовало бы ожидать ἐγκαλεῖν αὐτῷ_{DAT}. Видно, что дательный появляется здесь не как падеж косвенного дополнения, а, в основном, под влиянием приставки ἐν- (ἐγ-), которая часто требовала дательного (как и одноименный предлог). Вероятно, со временем носители языка перестают связывать приставку в глаголе ἐγκαλέω с предлогом ἐν и начинают ощущать сам глагол как переходный.

- (1.11) Ἐν τῷ κοινωβίῳ τοῦ Πενθουκλᾶ, ἀδελφὸς ἦν πάνυ προσέχων
αὐτόν_{ACC}
‘В монастыре Пентуклы был брат, весьма заботящийся о своей душе (досл. **о** [самом] **себе**). . .’ (*PG* 2861C3–4)

Традиционно глагол προσέχω в значении ‘заботиться’ управлял дательным (προσέχων αὐτῷ_{DAT}), что вполне логично, поскольку здесь речь идет о косвенном объекте. Кроме этого примера употребления винительного падежа в несвойственной ему функции, подобное иногда происходит после глагола δηλώω ‘объявлять’, например, δηλοῖ αὐτήν_{ACC} ‘объявляет **ей**’ (*PG* 3068B9).

Тем не менее, замена дательного на винительный без предлога крайне редка, потому что последний слишком явно ощущается как падеж прямого дополнения. Намного чаще на месте дательного встречаются предложные конструкции с винительным: ἔλεγεν εἰς τὴν Δέσποιναν ‘[авва Иоанн] сказал Владычице’ (PG 3052B12); глагол πλησιάζω ‘приближаться’ с предлогами εἰς (PG 3028A7–8) и πρὸς (PG 3037A14);¹ глагол παραβάλλω ‘приходить к’ с предлогом πρὸς (PG 3029B10);² глагол κοινωνέω ‘причащаться, быть вместе с’ с предлогом εἰς (PG 2877C6–7);³ глагол προσέχω с предлогом εἰς (PG 3009A11);⁴ глагол θαρρόέω ‘доверять, полагаться на’ с предлогом εἰς (PG 3073D3), глагол λέγω (φημί) ‘говорить’ с предлогом πρὸς (PG 3037A9–10);⁵ глагол (ἀνα)πέμπω ‘посылать, отправлять’ с предлогом πρὸς (PG 2917B10–11; 2989B6; 3025B9–10), глагол μὴνύω ‘объявлять’ с предлогом πρὸς (PG 3012C5), глагол ἀντιβιάω ‘вопить против’ с предлогом πρὸς (PG 2973C10),

¹ Рядом встречается причастие πλησιάσαντες от того же глагола, управляющее дательным (PG 3037A7).

² Глагол παραβάλλω употребляется с дательным в PG 3029B7.

³ Глагол κοινωνέω также встречается и с предлогом μετά + GEN (PG 2872C5–6). Кроме этого примера замены дательного на предложную конструкцию с родительным, в [ΜΙΝΕΥС-GABROVEС 1960:23] приводятся и следующие: παλάσι μετὰ ‘бороться с’ (PG 2917A14, B2–3), χαίρω ἐπὶ ‘радоваться чему-либо’ (PG 2997B13–14), διαλλάττομαι περὶ ‘примиряться с’ (PG 2905B6–7). В последнем примере, впрочем, имеет место не замена дательного предложно-падежной конструкцией, а ошибка в употреблении конструкции. Из контекста явно следует, что родительный после предлога περὶ служит для выражения лица, с которым происходит примирение, тогда как др.-греч. διαλλάττομαι περὶ + GEN обозначало ‘примиряться в чем-либо’. Э. Михевч-Габровеч сюда также включает PG 3037D6: κοινὰ μὲν ἐπ’ ἄμφοῖν τὰ ἐδέσματα ‘общей (была) у обоих пища’, поскольку традиционно прилагательное κοινός ‘общий’ употребляется с дательным без предлога: κοινὰ μὲν ἄμφοῖν.

⁴ В отличие от примера 1.11, где προσέχω имел значение ‘обращать внимание’, то есть ‘заботиться’, здесь, как явствует из контекста, речь идет о местоположении субъекта (‘обращаться к’). Поэтому нельзя исключать, что в данном случае употребление предложно-падежной конструкции не противоречит традиционным правилам.

⁵ Подобные примеры встречаются в «Луге Духовном» довольно часто (PG 2892A11–12; 2893A15 и проч.). Э. Михевч-Габровеч добавляет сюда также PG 2904A13: Πρὸς ἡν_{ACC} ἀποκριθεῖσα ἡ ἁγία Θεοτόκος, εἶπεν· ‘Отвечая ей, пресвятая Богородица сказала...’ [ΜΙΝΕΥС-GABROVEС 1960:23]. Однако нельзя исключать, что πρὸς ἡν относится не к аористу от λέγω (εἶπεν), а к аористному причастию от ἀποκρίνομαι ‘отвечать’ (ἀποκριθεῖσα), глаголу, который обычно требует после себя πρὸς + ACC для обозначения объекта.

выражение ὑποταγῆν ἔχω ‘подчиняться’ с предлогом πρὸς (PG 2969B11–12).¹

§36. Все приведенные выше примеры не являются регулярными, и наравне с ними можно найти аналогичные ситуации с дательным падежом. Кроме того, обнаруживаются отдельные примеры, когда родительный заменяет винительный и наоборот.² Показательно, что дательный падеж, в основном, заменяется винительным с предлогом, в случае же замены непредложной конструкцией, что встречается редко, более естественным представляется употребление родительного. Такова, в сущности, ситуация в новогреческом языке, где для выражения косвенного дополнения используется либо родительный падеж (у безударных форм личных местоимений), либо предложная конструкция с винительным (у существительных и ударных форм местоимений). Даже только этот факт, как кажется, позволяет говорить о том, что замена дательного другими падежами свидетельствует не просто об изменении управления у ряда глаголов или об утрате прозрачности значения ряда конструкций и приставок, но о тенденции к полной замене дательного падежа во всех его функциях и, прежде всего, в основной — как падежа косвенного дополнения. Впрочем, о тенденции к исчезновению дательного падежа свидетельствуют также отклонения в его употреблении, которые иногда обнаруживаются в «Луге Духовном».

¹ Последние пять глаголов и выражений (начиная с λέγω) могли употребляться с предлогом πρὸς + ACC и в древнегреческом языке.

² Родительный вместо винительного: ἤρξατο ὀμνύειν {τοῦ Θεοῦ τοῦ παντοκράτορος}_{GEN} ‘[брат] начал клясться [именем] **Бога Вседержителя**’ (PG 3065D7–8), в древнегреческом языке глагол ὀμνύειν ‘клясться’ для выражения того, чьим именем произносится клятва, управлял Accusativus relationis; τὰ μέγιστα σου_{GEN} εὐεργετοῦν ‘то, что более всего **тебя** облагодетельствует’ (PG 3073C12), это очень редкий пример, где родительный, заменяя винительный, выступает как падеж прямой и дополнения, однако не единственный: κατεσφίσατο αὐτοῦ_{GEN} ‘[девица] перехитрила **его**’ (PG 2892B1); родительный падеж (субстантивированный инфинитив) также встречается вместо винительного во фразе ἀρνησάμενος τοῦ προσχυνεῖν_{GEN} τὴν ἁγίαν καὶ ὁμοούσιον Τριάδα ‘отвергнувший **поклонение** святой и единосущной Троице’ (PG 2897A5–6); ср. с похожей ситуацией после ἀρνέομαι ‘отказываться’ в PG 2900C8.

Винительный падеж вместо **родительного разделительного** (Genitvus separati-onis) с предлогом ἀπό обнаруживается в PG 2864A6: ἐπ’αὐτῶν_{ACC} τὴν ὁδόν ‘[мы] сбился с **пути**’. Все указанные выше случаи следует считать редкими исключениями.

§37. Замена других падежей на дательный. Дательный падеж вместо родительного встречается в следующих ситуациях: глагол ἀκούω в значении ‘слушаться’ управляет дательным в примере 1.8: Πατρί вместо Πατρός;¹ после прилагательного (ἀν)άξιος ‘(не)достойный’ (PG 2880C8).² Кроме того, сюда можно отнести μικρῶ (PG 3052A9) в адвербиальной функции (‘почти’), в которой в древнегреческом языке использовался родительный μικροῦ. Дательный вместо винительного Иоанн Мосх использует значительно чаще: ἔχρουσέν τις τῷ σπηλαίῳ_{DAT} μου ‘постучался кто-то **в пещеру** ко мне’ (PG 2865B6), хотя традиционно глагол χροῶ ‘стучать’ переходный (винительный отвечает за направление: *стучать*_[куда?] *в пещеру*); παρεχαλοῦμεν αὐτῷ_{DAT} ‘[мы] попросили **его**’ (PG 3037A15), вероятно, употребление дательного можно объяснить аналогическим влиянием других глаголов речевой деятельности, традиционно требующих дательного падежа для обозначения лица, к которому высказывание относится;³ в PG 2856A13 встречается словосочетание ἤθελόν σοι_{DAT} ἔχειν μισθόν ‘[я] хотел, чтобы ты получил (букв. **тебе** получить) награду’, где, в сущности, от модального глагола зависит оборот Accusativus cum infinitivo, только вместо винительного σε использован дательный σοι, что происходит из-за наложения двух конструкций: *желать кому-то* и *желать, чтобы кто-то что-то сделал*; παραμυθήσασθα αὐτῷ_{DAT} ἐκ τῆς δίψης ‘давать **ему** облегчение от жажды’ (PG 3057B12): по правилам глагол παραμυθεῖσθαι управляет винительным (*облегчать*_[кому?]) и родительным (*облегчать*_[в чем?]) падежами. Однако в эпических текстах он мог управлять и дательным падежом (II. IX. 417).

¹ Э. Михевч-Габровеч видит здесь аналогию с глаголом πείθομαι ‘слушаться’ [ΜΙΝΕΥČ-GABROVEČ 1960:17], но, скорее, этот пример надо рассматривать не как неправильное употребление дательного, а как ошибку в согласовании: существительное в дательном падеже выступает как приложение к местоимению в родительном: ἀκούσαι → μου_{GEN} → ὡς Πατρί_{DAT} → σου. Нельзя также исключать и ошибку переписчика.

² Чаще с этим прилагательным употребляется Genitivus pretii: PG 2912A1; 2933C3. Показательно, что в Новом Завете в этой ситуации употребляется только родительный [BLASS, DEBRUNNER 1971:98, 206].

³ Ср.: παρεχάλει αὐτούς_{ACC} ‘старец’ просил **их**’ (PG 2857B11), где в подобной ситуации используется винительный.

§38. Иногда дательный падеж замещает Accusativus temporis: κατεσχέθημεν... **ἡμέραις**_{DAT} ἐννενήκοντα '[мы] оставались... **в течение** девяноста **дней**...' (PG 2984C1–2)¹ или употребляется вместо винительного, выражающего расстояние: πολλοῖς καὶ μακροῖς διαστήμασιν 'на большом расстоянии' (PG 3052B2–3). Есть также несколько примеров употребления дательного вместо предложно-падежного словосочетания: τῶν ἀνηχόντων τῷ **πράγματι**_{DAT} '[о немногих вещах] относящихся **к делу**' (PG 3085C2) вместо εἰς или πρὸς τὰ πράγματα; σπλαγχνίζομαι **σοι**_{DAT} 'испытываю жалость **к тебе**' (PG 3064C5) вместо σου или περί σου; ἵνα πρεσβεύσῃ ὑπὲρ αὐτοῦ τῷ **Θεῷ**_{DAT} 'чтобы [тот] представлял за него **перед Богом**' (PG 3013C1–2) вместо πρὸς или παρὰ τὸν Θεόν. На фоне всего вышеизложенного отнюдь не случайным представляется пример ἐλάλει σὺν **αὐτῷ**_{DAT} '[монах] разговаривал с **ним**' (PG 3000C9), где употребление предлога σὺν излишне (в крайнем случае здесь могло быть πρὸς αὐτόν), поскольку требуется просто косвенное дополнение. Подобная вставка предлога является, скорее всего, очередным свидетельством того, что дательный падеж в «Луге Духовном» иногда уже не воспринимается как падеж косвенного дополнения. В остальном, за исключением указанных случаев, падежная система «Луга Духовного» полностью соответствует древнегреческой.

§39. Звательный падеж. В «Луге Духовном» встречаются некоторые формы звательного падежа, не вполне соответствующие древнегреческим нормам: у существительного Θεός 'Бог' звательный падеж совпадает с именительным (PG 2965B8) как и в Новом Завете [BLASS, DEBRUNNER 1971:81]. То же происходит и с существительными πατριάρχης 'патриарх' (PG 2885A12), μέγας 'владыко' (PG 2873B14). Звательный падеж от ἀδελφός 'брат' оказывается у Мосха не ἄδελφε, как в аттическом диалекте, а ἀδελφέ (PG 3021C2, 5). Показатель звательного — междометие ὦ — иногда, как и в Новом Завете, опускается: ἀρχιδιάκονε Ἰουλιανέ 'архидиакон Юлиан' (PG 3009D6); подробнее см. [HESSELING 1931:51; MIHEVČ-GABROVEČ 1960:15].

¹ Дательный падеж для обозначения времени встречается и в Новом Завете [BLASS, DEBRUNNER 1971:108].

§40. Глагол. В отличие от отмеченных выше морфологических особенностей именной системы, часто незаметных без тщательного анализа, изменения, произошедшие в системе глагола, намного более очевидны.¹ Эти изменения в той или иной степени затрагивают практически все аспекты глагольной морфологии. Наиболее архаичной в «Луге Духовном» осталась система залога. Э. Михевч-Габровеч, рассматривая активный и медиальный залогов, указывает только на некоторые ошибки в управлении и форме отдельных глаголов, которые в большинстве случаев объясняются влиянием Нового Завета [ΜΙΝΕΥÇ-GABROVEÇ 1960:56–58]. Впрочем, чуть ниже (с. 59) исследовательница приводит целый список примеров (их чуть менее трех десятков), где пассивные формы используются вместо медиальных. К этим случаям добавляется также причастие пассивного аориста от глагола ἵστημι ‘ставить, вставить’ в значении активного непереходного (‘стоять’), например, в *PG* 2888A4–5 и проч. С одной стороны, тридцать примеров, приведенные Э. Михевч-Габровеч, составляют в процентном отношении ничтожное количество относительно «правильных» случаев; к тому же большинство глаголов, указанных в этих примерах, не являются самыми употребительными. С другой стороны, отсутствие медиального залога в новогреческом языке дает возможность рассматривать эти единичные случаи не просто как случайные ошибки переписчиков или указания на недостаточную образованность самого Мосха, а как свидетельство процессов, происходивших в то время в греческом языке.

Особый интерес в «Луге Духовном» представляет система времен. Во многом она, естественно, соответствует древнегреческому состоянию, например, широко используется настоящее время в особой повествовательной функции (так называемый *Praesens historicum*) или для выделения какого-либо события (см. также [Пискунова 2008]):

¹ Например, это касается т. н. глаголов на -μι (древнегреческое второе спряжение), форма которых претерпевает в «Луге Духовном» изменения под аналогичным воздействием прочих («правильных») глаголов. Иначе говоря, в тексте Мосха по *PG* и по [HESSELING 1931] формы на -μι исчезают: ἀπόλλεις ‘губишь’ (*PG* 3029A6), δίδω ‘даю’ (*PG* 3073C5), δίδουσιν ‘дают’ (*PG* 2952D6).

(1.12) Ὡς οὖν **ἔμελλον**_{IPF} ἐξέρχεσθαι ἐκ τοῦ μνημείου, λαβὼν πολλὰ πάνυ, ἡ κακὴ μου πράξις **λέγει**_{PRAES} μοι· Λάβε καὶ τὸ ὀθόνιον αὐτοῦ, ὅτι πιθανόν ἐστίν

‘Когда [я] уже **собирался** выйти из склепа, забрав много вещей, дурная мысль **шепнула** мне: «Возьми-ка и саван его, ибо [он] хорош»’ (PG 2932B14–C2)

§41. Прошедшие времена. В «Луге Духовном» для изображения события, произошедшего в прошлом, как и в древнегреческом языке, используются **имперфект, аорист, перфект** и изредка **плюсквамперфект**. Сфере употребления прошедших времен в древнегреческом языке посвящено немало исследований, однако до сих пор вопрос об их употреблении остается открытым. Не вызывает сомнений, что древнегреческий имперфект служит для выражения длительного прошедшего и оказывается противопоставленным в видовом отношении, с одной стороны, аористу, а с другой — перфекту. В результате, возникает вопрос о функциональных различиях между аористом и перфектом, решение которого осложняется тем, что не удастся сопоставить древнегреческую оппозицию **перфект↔аорист** с относительно хорошо изученным в современных языках противопоставлением между прошедшими временами перфекта и инфекта: представление о перфекте как о **результативе**, семантика которого во многом соответствует русскому совершенному виду, справедливо далеко не для всех древнегреческих текстов [JACQUINOD ET AL. 2000]. Определенные «сложности», связанные с функционированием этих времен, встречаются и в «Луге Духовном». В [MINEVČ-GABROVEČ 1960:62] отмечается, что имперфект часто описывает совершившийся в прошлом факт, то есть употребляется в той функции, в которой ожидается аорист:

(1.13) ἐν μιᾷ κατῆλθεν_{AOR} εἰς τὸν Κοφύλᾶν, καὶ ὀλίγον διατρέψας ἐπὶ Νεχρᾶν θάλασσαν, **ἀνήρχετο**_{IPF} πάλιν εἰς τὸ κελλίον αὐτοῦ

‘... однажды [старец] отправился в Кофилу и, немного задержавшись у Мертвого моря, **пошел** обратно в свою келью’

(PG 2908B7–9)

Глагольная форма в имперфекте (ἀνήρχετο) оказывается однородной с формой в аористе (κατῆλθεν). Подобные примеры употребления имперфекта вместо аориста довольно многочисленны

(PG 2881B10; 2968C6; 3080B13 и проч.). Большинство из них связаны с глаголами движения,¹ и, кроме того, со многими из них употреблено наречие *πάλιν* 'опять', что придает глаголу оттенок повторяемости действия:

(1.14) ὁ καμηλάριος ὁ τὸν ὄνον λαβὼν, ἤρχετο_{IPF} *πάλιν* σῖτον πωλῆσαι ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει, ἔχων τὸν ὄνον μεθ' ἑαυτοῦ· καὶ περάσας τὸν ἅγιον Ἰορδάνην κατὰ συγκυρίαν ὑπηντήθη_{AOR} τῷ λέοντι

'... погонщик верблюдов, осла уведший, **шел опять** хлеб продавать в святом городе, ведя осла с собой, и, перейдя через святой Иордан, случайно встретился со львом' (PG 2968C5–9)

Таким образом, в большинстве случаев употребление имперфекта легко объяснимо, если даже оно и противоречит традиционным представлениям о древнегреческой норме. Это можно продемонстрировать на приведенном выше примере 1.13,² где глагол в имперфекте должен был подчеркивать **процесс возвращения**, во время которого и произошло чудо со святым старцем, о котором повествует глава LIII. Поэтому можно согласиться с М. И. Хитровым, переводящим это место, как «Однажды он **отправился** в Кофилу и, пробывши немного времени близ Мертвого моря, **возвращался** обратно в свою келью» [Хитров 1915:70].

§42. Менее спорными представляются случаи, когда аорист употреблен вместо ожидаемого имперфекта:

(1.15) Ποτὲ *ἐκάθισα*_{AOR} μικρὸν χρόνον εἰς τὴν λαύραν τοῦ ἀββᾶ Γερασίμου, καὶ ἔσχον τινὰ ἀγαπητόν

'Как-то [я] **повел** немного времени в лавре аввы Герасима, и там [у меня] был возлюбленный [брат]' (PG 3109B4–6)

Указание на время пребывания в монастыре позволяет ожидать здесь имперфект, однако и употребление аориста в подобном контексте не может считаться отклонением от нормы: просто

¹ Имперфект вместо аориста встречается также у глаголов *ἐξαρῆμι* 'отпустить, освободить' (PG 3093B1), *ἐπιγιγνώσκω* 'признавать, познавать, понимать' (PG 2972C2), *γινώριζω* 'узнавать' (PG 2985A11–12), *ἐρωτάω* 'спрашивать' (PG 3093A15; 3097B9), *λέγω* 'говорить' (PG 2909D14 и проч.).

² В этом примере наречие *πάλιν* не связано с повторением действия; оно передает направление.

автор не видит необходимости подчеркивать длительность происходящего. В то же время многочисленность подобных примеров (PG 2956D7; 3057A1 и проч.) наводит на мысль, что Иоанн Мосх далеко не всегда чувствует, когда можно употребить имперфект, и, если у него возникает хоть малейшее сомнение, предпочитает аорист. Это предположение также подтверждается крайне малым количеством примеров с консекитивным имперфектом в «Луге Духовном», в то время как конструкции с глаголом ἄρχομαι ‘начинать’ + инфинитив встречаются почти в каждой истории, например: ἤρξατο ὀμνύειν ‘[брат] начал клясться’ (PG 3065D7).

§43. Мосх часто пользуется **перфектом**, однако создается впечатление, что автор плохо понимает различие между перфектом и аористом. Например, причастия аориста и перфекта могут оказаться у него однородными членами: τοῦτο ἀκηκοὼς_{PERF} . . . καὶ θεωρήσας_{AOR} ‘это **услышав** . . . и **увидев**’ (PG 3073A1–2). Э. Михевч-Габровеч просмотрела все случаи употребления личных форм перфекта от глаголов τίθημι ‘класть’, δίδωμι ‘давать’ и γίγνομαι ‘быть, становиться’ и пришла к выводу, что в подавляющем большинстве случаев нет даже оттенка **результативности**, и вместо перфекта, по ее мнению, мог бы стоять аорист [ΜΙΝΕΥΣ-ΓΑΒΡΟΒΕΪ 1960:66]. Наверное, то же можно сказать и о других случаях употребления перфекта. Но интересно другое: на фоне исчезновения различий между формами аориста и классического перфекта, которые Мосх любит варьировать, в «Луге Духовном» встречаются и аналитические формы, очевидно, имеющие отношение к перфекту или плюсквамперфекту.

§44. Аналитические формы могут образовываться с помощью глагола ἔχω ‘иметь’ + Participium praesentis activi (ἔχεις. . . χοινωνῶν_{Vprt} ‘[ты] причастился (/причащался?)’ PG 3029A9–10) или Participium perfecti passivi (ἐκτεταμένην_{Vprt} ἔχων τὴν χεῖρα ‘протянув руку’, PG 2924B2–3).¹ Встречается также конструк-

¹ С одной стороны, в этом примере встречается типичный новогреческий перфект Π (т. н. παραλείμενος В), ср.: ἔχω το βιβλίον χαμένο ‘[я] потерял книгу’, который отличается от ἔχω χάσει το βιβλίον (т. н. παραλείμενος А) лишь тем, что здесь больше подчеркивается не агенс, а пациенс и сам факт случившегося. Можно предположить, что παραλείμενος В как аналитический перфект появился раньше, чем παραλείμενος А. С другой стороны, приведенный пример в более широком контексте выглядит, как ἐκτεταμένην ἔχων τὴν χεῖρα καὶ ἀνήτητον — досл. ‘имея

ция, где вспомогательный глагол ἔχω стоит в имперфекте, и к нему присоединяется Participium aoristi activi:

(1.16) Ἐψηφίσαμεν οὖν χρόνον, καὶ ἠύραμεν ὅτι εἶχεν_{IPF} ἑπτὰ ἔτη
τελευτήσας_{Vprt}

‘[Мы] подсчитали же время и поняли, что [старец Иоанн уже семь] лет, как **скончался**’ (PG 2945A5–6)

В предложении, несомненно, имеется временная противопоставленность форм аориста (Ἐψηφίσαμεν и ἠύραμεν) и конструкции εἶχεν τελευτήσας, подчеркивающей предшествование события, описываемого во второй части высказывания. Несмотря на то, что с точки зрения нормативной грамматики вместо аориста следовало употребить имперфект, аналитическая конструкция εἶχον τελευτήσας, конечно, соответствует предпрошедшему времени (плюсквамперфекту), во многом напоминая новогреческую форму εἶχα τελειώσει.

§45. Другой способ образования аналитических форм — глагол εἶμι ‘быть’ + Participium perfecti activi (τεθαρόρηκώς_{Vprt} εἶμι PG 2885B4). Иногда с помощью этого глагола образуются аналитические конструкции, соответствующие плюсквамперфекту:

(1.17) τὰ κτίσματα τὰ δημόσια ἀνωκοδομοῦντο_{IPF}· ἦν_{IPF} γὰρ ἐκ τοῦ
σεισμοῦ ἢ πόλις **συνπεσοῦσα**_{Vprt}

‘... общественные здания отстраивались вновь, **был** ибо город из-за землетрясения **разрушен**’ (PG 2885D5–2888A2)

Этот пример аналогичен примеру 1.16. С грамматической точки зрения он представляется даже более правильным, поскольку аналитической конструкции противопоставлен имперфект ἀνωκοδομοῦντο. Подобным образом плюсквамперфект выражается в PG 2969A15 (ἦσαν_{IPF} θάψαντες_{(Vprt) AOR}). Удалось также обнаружить необычный пример противопоставления двух аналитических форм:

руку протянутой и неподвижной’. Тот факт, что причастная форма выступает в качестве однородной относительно прилагательного, свидетельствует о том, что в словосочетании ἔχω ἐκταμένον/-ην еще не произошло окончательного переосмысления внутренней формы (т. н. **reanalysis** или **restructuring**, как этот процесс называется в [ВУВЕЕ 1985:39–40, 55–56]) и осознания выражения как единой грамматической формы (**грамматикализация**).

(1.18) Ἦν δὲ οὗτος ὁ γέρων ἐάσας τὴν ἰδίαν ἐπισκοπὴν διὰ τοῦ Θεοῦ, καὶ ἐλθὼν πλησίον κόμης ἐπιλεγομένης Βεταναβάρεως (ἀφῆστηκεν δὲ τοῦ ἁγίου Ἰορδάνου ὡς σημεῖοις ἔξ),
ἡσυχάζων

‘Этот старец **оставил** ради служения Богу свою епископию и, придя к селению под названием Ветанавария (которое находится на расстоянии шести миль от святого Иордана), там **поселился в уединении**’ (PG 2952A12-B1)

Первая форма (ἦν_{IPF} ἐάσας $_{(\text{V}_{\text{prt}})\text{AOR}}$), несомненно, является плюсквамперфектом. Интерпретация второй формы (ἦν_{IPF} <...> ἡσυχάζων $_{\text{V}_{\text{prt}}\text{PRAES}}$) требует дополнительного комментария. Э. Михевч-Габровеч предлагает понимать ее как перфект [MINEVČ-GABROVEČ 1960:67]. Обе формы описывают ситуацию в ее развитии: *старец сначала оставил свою епископию, а потом уже поселился в уединении*. Для более удаленного действия использовано причастие аориста, а для более близкого употребляется причастие настоящего времени. Обои причастиями управляет один вспомогательный глагол, но если аористное причастие ἐάσας стоит к нему контактно, что и позволяет понимать данное словосочетание как форму плюсквамперфекта, то ἡσυχάζων оказывается в другом конце предложения. Поэтому нельзя исключать, что ἡσυχάζων не образует единую форму с ἦν.¹ Тем не менее, интерпретация ἦν ἡσυχάζων как аналитической формы кажется более перспективной. Тогда ее следует понимать как имперфект,² а не как перфект, поскольку, с одной стороны, для плюсквамперфекта более характерно противопоставление с имперфектом, чем с перфектом, а с другой стороны, подобные аналитические формы со значением имперфекта фиксируются не только в «Луге Духовном».³

¹ В этом случае можно предположить ошибку в рукописях (напр.: ἡσυχάζων вместо ἡσυχάζων $_{\text{IPF}}$ ‘[я] жил в уединении’), что требует дополнительной проверки.

² Ср. с примером, приведенным в [HESSELING 1931:55]: ἤμην ἀδολεσχῶν $_{\text{V}_{\text{prt}}}$ ‘[я] размышлял (букв. был размышляющим)’ (PG 3028D6)

³ Похожая модель образования имперфекта употребляется в Новом Завете — ἦν $_{\text{IPF}}$ <...> διδάσκων $_{(\text{V}_{\text{prt}})\text{PRAES}}$ ‘[Иисус] учил’ (Mt. 7. 29) и в греческом переводе Ветхого Завета, появившемся в Константинополе в 1547 г. [JOSEPH 2000:144]. Аналитические формы до сих пор сохранились в цакономском диалекте на Пелопоннесе, где они являются единственным средством для выражения имперфекта: /έτα $_{\text{IPF}}$

В другом «ненормативном» примере плюсквамперфект не противопоставлен — по крайней мере, в рамках предложения — ни одной глагольной форме:

- (1.19) καὶ λέγει ἐν ἑαυτῷ, Ἀνέλθω, καὶ ἴδω τὸν μέγαν Συμεῶνην· οὐ γὰρ ᾗν αὐτὸν **θεασάμενος** πώποτε
'... и говорит [Мина] внутри себя: «Зайду-ка и посмотрю на великого Симеона», ибо [я еще] его **не видел** никогда'
(PG 2981C5–7)

Данный пример противоречит традиционному для греческого представлению о плюсквамперфекте как о «служебном» времени, которое не может быть употреблено самостоятельно (ведь при отсутствии глагольных форм в имперфекте или, в крайнем случае, в аористе временное противопоставление просто невозможно). Конечно, можно сказать, что в данном случае плюсквамперфект употреблен в функции перфекта, на что указывает наречие πώποτε, которое с отрицанием имеет значение 'прежде не'. Однако нельзя исключить, что здесь встречается явление, названное В. А. Плунгяном **ретроспективизацией** (иначе **сверхпрошлым**), при котором ослабляется связь с настоящим [Плунгян 2001; PLUNGIAN, VAN DER AUWERA 2006]. Действительно, в данном примере хронологизация событий неактуальна, но важно показать, что когда-то в прошлом событие (вероятно) имело место. К сожалению, малочисленность подобных примеров¹ не позволяет сделать более конкретные выводы.

Аналитические формы иногда используются и для образования пассивного плюсквамперфекта. В качестве вспомогательного глагола всегда выступает εἶμι в сочетании либо с отглагольным прилагательным: ᾗν **ἔγκλειστος** (PG 2900B2), либо с причастием пассивного аориста: ᾗν **τελιωθεῖς** (PG 2857B9), ᾗν... **σχεπασθεῖσα** (PG 2941A13–15, пример 1.9), ᾗν ⟨...⟩ **φθαρεῖς καὶ παλαιωθεῖς** (PG 3012A3–4), ᾗμεθα **ἀπαλλαγέντες**

έχου (V_{prt}) PRAES/ '[я] имел (букв. [я] был имеющий)'; см. также [Кисилиер, Федченко 2010].

¹ Кроме вышеуказанного, можно также отметить пример 1.9, где употребление (аналитического) плюсквамперфекта (ᾗν **σχεπασθεῖσα**) формально объяснимо наличием указания на давность произошедшего (διὰ τὸν χρόνον), что, в сущности, и оказывается основной функцией **сверхпрошлого**; ср.: ᾗν ⟨...⟩ **φθαρεῖς καὶ παλαιωθεῖς** (PG 3012A3–4).

(PG 3096D2–3). Появление подобных форм, несмотря на их малочисленность, нельзя считать случайностью или ошибкой. По похожей модели в новогреческом языке формируются пассивные формы перфекта II (см. сн. I на с. 59): εἶμαι + Participium praesentis passivi (εἶμαι χαμῆνος_{vprt} ‘[я] пропал’).

§46. Средства выражения будущего времени. Одно из наиболее ярких изменений, имевших место в морфологической системе греческого языка, связано с выражением будущего времени. В древнегреческом языке для этого чаще всего использовались формы сигматического, слитного и иногда смешанного будущего времени (так называемый **Futurum classicum**). Однако уже в гомеровских поэмах отмечается использование аналитических форм, впоследствии ставших основным средством для выражения будущего.¹ Очевидно, что различие между Futurum classicum и новыми формами затрагивает не просто формальный уровень, но связано также с появлением новой концепции будущего. Древнегреческое будущее время заметно отличалось от прочих грамматических времен, в которых, как отмечается в [BLASS, DEBRUNNER 1971:166], помимо временной локализованности действия, важную роль играл **способ действия** (Aktionsart): моментальный, длительный или повторяющийся. Каждый из этих видов действия был связан с конкретной глагольной основой (презентной или аористой) [TONNET 1981]. Будущее же оказывалось вне этой системы. В [BLASS, DEBRUNNER 1971:178] высказывается точка зрения, что Futurum classicum описывает только временную отнесенность происходящего. Подобное утверждение оставляет без внимания, по крайней мере, две проблемы:

1. отсутствие в древнегреческом будущем времени видовых противопоставлений, имеющих в новогреческом (θα γράφω ‘буду писать’ ↔ θα γράψω ‘напишу’);

¹ В [RUIGH 1996:596ff] указывается, что если в «Илиаде» (напр., II. XI. 364) конструкция μέλλω + Vinf выражает вероятность действия или события, описываемого инфинитивом, то уже в «Одиссее» встречается сочетание ἔμελλε + Vinf для выражения «будущего в прошедшем». Отмечается также интересный факт: в «Схолиях» к Гомеру εἶοιχα ‘кажется’ + Vinf оказывается эквивалентом μέλλω + Vinf; это лишний раз подтверждает, что в данной конструкции присутствует некая модальная нагрузка. Однако в «послегомеровскую» эпоху сочетание μέλλω + Vinf постепенно утрачивает оттенок вероятности и, скорее, указывает только на временную локализацию происходящего.

2. возможность замены Futurum classicum формами **сослагательного** и **желательного** наклонений¹ или аналитическими конструкциями с **модальными** глаголами (θέλω ‘желать’, μέλλω ‘намереваться’ (см. сн. 1 на с. 63), ἔχω ‘быть должным’ и проч.).

Ответом на эти вопросы может быть признание того, что древнегреческое будущее не было грамматическим временем в современном понимании. Не случайно вместо обычных трех условных периодов (реальный, возможный и нереальный) в древнегреческом языке присутствуют четыре: Realis, Futuralis, Potentialis и Irrealis, то есть то, что связано с будущим, оказывается где-то между действительным и вероятным. Это, наравне с фактом замены (еще в древнегреческом языке) Futurum classicum на формы неизъявительного наклонения, а также на аналитические конструкции с модальным глаголом, позволяет говорить о древнегреческом будущем, скорее, как о наклонении, чем о грамматическом времени [TONNET 1982:105ff].² Однако, по крайней мере, начиная с позднего койне статус будущего времени меняется. Об этом, в частности, свидетельствует частое употребление настоящего времени в футуральном значении.

Из приведенных в табл. 1.5 количественных данных видно, что примерно до X в. формы настоящего времени создавали серьезную конкуренцию формам Futurum classicum, однако затем стали все реже и реже употребляться в функции будущего. Это связано с распространением аналитических конструкций, их переосмыслением и грамматикализацией [HOPPER, TRAUGOTT 1993:2ff], в результате чего утрачивается модальный оттенок, изначально присущий древнегреческому будущему [JOSEPH 2001a; 2001b; 2002; JOSEPH, SMIRNIOTOPoulos 1993; JOSEPH, PAPPAS 2001; 2002]. «Луг Духовный» может служить ярчайшим примером употребления новых средств выражения будущего времени.

¹ Это происходит не только в постклассическую эпоху, но отмечается еще в комедиях Аристофана (*Ran.* 1134).

² Тезис о модальной природе древнегреческого будущего времени, вероятно, может объяснять также и отсутствие противопоставления по виду действия, так как в этом случае на первый план, скорее, выходит вопрос о том, состоится ли действие вообще, чем о том, каким оно будет — моментальным, длительным или повторяющимся.

Таблица 1.5. Личные формы IND FUT и IND PRAES (futuralis) в текстах VI–XV вв.

Авторы	IND FUT	IND PRAES
Malalas (VI в.)	68	56
Moschos (VI–VII вв.)	59	141
Theophanes (VIII–IX вв.)	82	79
Porphyg. De Caeremoniis (X в.)	168	14
Ptochoprodromos (XII в.)	62	6
Ducas (XV в.)	318	23

Прим.: Цитируется по [АБДРАХМАНОВА 2002:34], где автор использовал данные, приведенные в [BĂNESCU 1915:69], а также собственные, полученные в результате сплошной выборки указанных текстов.

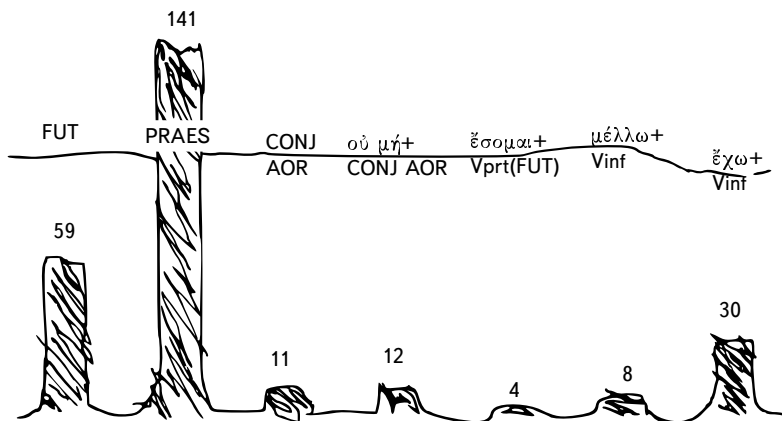
Табл. 1.5 показывает, что Мосх широко использует формы настоящего времени вместо *Futurum classicum*, которое у него встречается относительно редко.¹ В своей незаконченной диссертации П. Ортис Гарсиа приводит количественные данные по употреблению разных средств выражения будущего времени в «Луге Духовном» [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:111] (см. рис. 1.2 на с. 66).

Количественные данные свидетельствуют о том, что основным средством выражения будущего в «Луге Духовном» оказывается *Praesens indicativi*.² Подобное употребление, скорее, свойственно разговорному регистру, что, впрочем, подтверждает мнение А. Тонне о том, что *Futurum classicum* в первую очередь исчезло в разговорном языке [TONNET 1982:110]. Широкое употребление форм настоящего времени должно, следовательно, лишней раз свидетельствовать о разговорном характере языка Иоанна Мосха. В то же время, как уже упоминалось во Введении (особенно см. § 9), стиль «Луга Духовного» далеко не единообразен. В [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:115] предпринята попытка просле-

¹ Анри Тонне отмечает, что почти на сорока страницах «Луга Духовного» ему встретились только три примера синтетических форм будущего времени [TONNET 1982:110 (сн. 21)]. Полный список синтетических форм приводится в [MINEVČ-GABROVEČ 1960:64].

² Ср.: Ὡς κηδεύετε PRAES μοι: 'Когда **будете хоронить** меня...' (PG 3080A1–2).

Рис. 1.2. Способы выражения будущего времени в «Луге Духовном»
(здесь и в табл. 1.6 FUT = Futurum classicum).

дить дистрибуцию способов выражения будущего времени в зависимости от стилистического уровня (см. табл. 1.6).

Вероятно, такое распределение форм позволяет предположить, что по-настоящему книжный стиль встречается только в прямых цитатах из Библии; в остальных случаях можно, скорее всего, предполагать речь образованных людей того времени.

§47. Наибольший интерес представляет употребление **аналитических форм** будущего. Если в примерах с ἔσομαι + Vprt выражается собственно будущее (напр., ὁ Θεὸς **ἔσται** συναγωνιζόμενος_{Vprt} ἡμῖν 'Бог **будет бороться вместе** с нами' PG 2920C12–13), то в других формах можно усматривать оттенок модальности. Например, в конструкциях с μέλλω часто прослеживается намерение (напр.: Ὡς οὖν **ἔμελλον** ἐξέρχεσθαι ἐκ τοῦ μνημείου 'Когда [я] уже **собирался** выйти из склепа. . .' PG 2932B14–15) или необходимость:

(1.20) Εἶ τι ἐποίει ὁ ὄνος, ἀπ' ἄρτι σὺ **μέλλεις** ποιεῖν

'То, что делал осёл, с этих пор ты **будешь** (букв. тебе **придется**) делать' (PG 2968B10–11)

Таблица 1.6. Влияние стиля на выбор средств выражения будущего времени.

Средство выражения	Всего	Цит. из Библии	Высокий стиль	Просторечн. стиль
FUT	59	10	47	2
PRAES	141	—	84	57
CONJ AOR	11	—	9	2
οὐ μή + CONJ AOR	12	2	10	—
ἔσομαι + Vprt (FUT)	4	3	1	—
μέλλω + Vinf	8	—	3	5
ἔχω + Vinf	30	—	13	17
Итого	265	15	167	83

Впрочем, и здесь функция временной локализации кажется превалирующей, о чем, в частности, свидетельствует наличие наречия времени (ἀπ') ἄρτι. Оттенок долженствования еще более отчетливо проявляется в конструкциях с глаголом ἔχω (в основном употребляемых у Мосха в прямой речи [ΜΑΡΚΟΠΟΥΛΟΣ 2005:98]):

(1.21) Μετὰ τοῦτου **ἔχεις** παλαῖσαι

‘С ним [ты] **будешь** (букв. [тебе] **придется**) бороться

(PG 2917A14)

Более того, не вполне ясно, насколько правомерно считать конструкции с ἔχω формами будущего времени, а не рассматривать их как просто сочетание модального глагола с инфинитивом, традиционное для многих индоевропейских языков; ср. со следующим:

(1.22) εἴ τι θέλει ὁ Θεός, ποιῆσαι **ἔχω**

‘... если чего-то хочет Бог, [это] обязательно сделаю (= [я] сделать **должен**)’ (PG 2857C8–9).

Вместе с тем, во многих индоевропейских языках есть формы, относящиеся к грамматическому будущему и одновременно

выражающие «обязательность» того, что произойдет: англ. I will do¹ или русск. *я сделаю*. Таким образом, наличие оттенка долженствования в примерах 1.21 и 1.22, скорее всего, просто свидетельствует о том, что семантика словосочетания в подобных конструкциях не полностью утрачена и до окончательной грамматикализации еще далеко.

Можно привести еще один довод в пользу того, что рассмотренные выше конструкции, несмотря на различные модальные оттенки, следует считать аналитическими формами будущего. В начале §46 был приведен тезис из [BLASS, DEBRUNNER 1971:178], согласно которому древнегреческое будущее, в отличие от прочих времен, не имеет грамматических (морфологических?) средств для разграничения способов действия (Aktionsart), таких как мгновенное (или «однократное» действие) и продолжительное или повторяющееся; эти черты, однако, присутствуют у новогреческого будущего на уровне видовых различий, морфологически выражающихся в использовании разных основ глагола (так же, как и в других временах): основа настоящего времени в большинстве случаев связана с несовершенным видом (ὄα γράφω), а основа аориста обычно — с совершенным (ἔα γράψω). В «Луге Духовном» в формах будущего времени нет морфологического различения по виду, однако заметно движение в этом направлении. А. Тонне выделяет (1.20) как пример повторяющегося действия [TONNET 1982:111], и мнение А. Тонне представляется справедливым, причем не столько для данного примера, сколько для конструкций с μέλλω вообще.² Развивая эту точку зрения, надо обратить внимание, что конструкции с ἔχω имеют тенденцию описывать однократное действие (1.22) и соответствуют совершенному виду. Таким образом, оказывается, что у Мосха встречается синтаксический аналог видового противопоставления, где μέλλω + Vinf, в общем, соответствует несовершенному виду, а ἔχω + Vinf — совершенному. Естественно, подобная система не имела перспектив: во-первых, ее развитию препятствовало аналогическое влияние других времен, где видовое противопостав-

¹ Интересно, что английский переводчик «Луга Духовного» не усматривает в примере 1.22 долженствования и переводит ποιῆσαι ἔχω, как 'I shall do' [WORTLEY 1992:8].

² Это утверждение, естественно, не распространяется на примеры, где μέλλω сохраняет свое основное значение 'намереваться'.

ление выражалось в противопоставлении разных основ глагола, а во-вторых, начиная с XV в., конструкция ἔχω + Vinī стала служить только для выражения перфекта [BĂNESKU 1915:79ff]. Тем не менее, сам факт использования этих конструкций, в том числе и с целью видового противопоставления, согласуется с современными представлениями о развитии системы будущего времени в греческом языке.

§48. Э. Михевч-Габровеч, описывая будущее время в «Луге Духовном», помимо вышеуказанных аналитических форм, приводит также конструкцию θέλω + Vinī [MIHEVČ-GABROVEČ 1960:65], скорее всего, ставшую основой для новогреческого будущего с θα.¹ Таких сочетаний в тексте Мосха встречается сорок одно [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:118–135], однако, все они не являются полностью «надежными», что можно продемонстрировать на следующем примере:

(1.23) Ὁ δὲ εἶπεν τῷ γέροντι, Εἴ τι κελεύεις, εἰπέ μοι, καὶ ποιῶ νομίσας ὁ ἄνθρωπος, ὅτι ἔργον αὐτῷ **θέλει** ἐπιτάξαι_{Vinī}
 'Он тогда сказал старцу: «Если что прикажешь, скажи мне, и сделаю», решив, что [тот] работу ему поручит (/хочет поручить?)' (PG 3057A5–7)

Контекст в примере 1.23, как и в других подобных случаях, не подсказывает, как правильно перевести словосочетание θέλει ἐπιτάξαι — 'поручит/собирается поручить' или 'хочет поручить'. Строго говоря, данный пример может иметь оба толкования хотя бы уже потому, что в семантике глаголов желания заложена направленность в будущее. Поскольку и в других случаях употребления сочетания θέλω + Vinī возможно двоякое понимание, не вызывает сомнений, что эта конструкция **не является** в «Луге Духовном» аналитической формой будущего времени.²

¹ Именно такая точка зрения высказывается в большинстве исследований, посвященных греческой морфологии: [BĂNESKU 1915; JOSEPH 1990; TONNET 1993; THAU-KNUDSEN 1998]. Она представляется наиболее убедительной с точки зрения фонетических процессов, сопутствовавших грамматикализации.

² П. Ортис Гарсиа считает, что из сорока одного примера только в восьми можно усматривать оттенок футурального значения [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:132]. Помимо θέλω + Vinī, Э. Михевч-Габровеч предлагает в качестве аналитической формы будущего времени словосочетание ὀφείλων (причастие от ὀφείλω 'быть

На первый взгляд данное утверждение поддерживает гипотезу Дж. Хоррокса, который предположил, что исходной конструкцией для новогреческих форм будущего времени было не сочетание $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega + \text{Vinfi}$, а оборот $\acute{\iota}\nu\alpha + \text{CONJ}$, который позднее смешался с первой [HORROCKS 1997:230ff]. Предположение Дж. Хоррокса базируется, прежде всего, на том, что, как известно, в раннем новогреческом языке исчезает инфинитив, заменяясь конструкцией $\nu\alpha (< \acute{\iota}\nu\alpha) + \text{CONJ}$. Однако даже в относительно поздних средневековых текстах инфинитив сохранялся, причем, хотя с глаголами, выражающими желание, использовался как инфинитив, так и конъюнктивный оборот с $\acute{\iota}\nu\alpha$, первый явно превалировал.¹ В тексте Мосха инфинитив широко употребляется, в том числе после глаголов, выражающих желание, и даже в субстантивированном виде.² В то же время встречаются отдельные, правда, не очень значительные отклонения от классической нормы, связанные с употреблением наклонений.³ Таким образом, мо-

должным) + Vinfi [MINEVČ-GABROVEČ 1960:65], однако и это предположение кажется маловероятным; см. разбор примеров с $\theta\phi\epsilon\acute{\iota}\lambda\omega\upsilon + \text{Vinfi}$ в [ORTIZ GARCÍA 1976–1977:137–141]. Интересно, что и Андре Мирамбель в [MIRAMBEL 1966:182] также приводит обороты $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ и $\theta\phi\epsilon\acute{\iota}\lambda\omega + \text{Vinfi}$ как аналитические формы будущего времени в «Луге Духовном», однако до этого, говоря о других перифрастических конструкциях (с. 180), а также чуть позднее при описании перфекта (с. 183) А. Мирамбель ссылается на Э. Михевч-Габровеч. Скорее всего, рассматривая будущее время, он также ориентируется на ее исследование.

¹ Это, в частности, наглядно демонстрируют стихотворения Птохопродрома (XII в.), относящиеся к т. н. **демотической поэзии**: $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega \epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\acute{\iota}\nu_{\text{Vinfi}}$ ‘... хочу **сказать**...’ (*Ptoch.* II. 5), $\beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\iota} \mu\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\nu_{\text{Vinfi}}$ ‘... желаешь **узнать**...’ (*Ptoch.* IV. 348); подробнее см. [Абдрахманова 2000; Кисилиер 2008].

² См. [MINEVČ-GABROVEČ 1960:75–81], где подробно рассмотрены разные употребления инфинитива и сделан вывод о том, что в связи с влиянием литературной традиции в «Луге Духовном» инфинитив не только не находится в процессе исчезновения, но даже не имеет «конкурентов». Замеченные в тексте случаи употребления оборотов с $\acute{\iota}\nu\alpha$ (напр., *PG* 2856D7–2857A1: $\epsilon\lambda\theta\grave{\epsilon} \acute{\iota}\nu\alpha \tau\grave{\alpha} \sigma\chi\epsilon\upsilon\eta \tau\omicron\upsilon \acute{\alpha}\beta\epsilon\lambda\phi\omicron\upsilon \acute{\alpha}\pi\epsilon\upsilon\acute{\epsilon}\gamma\chi\omega\mu\epsilon\text{N}_{\text{CONJ}}$ ‘... давай отнесем пожитки брата’), хотя и можно рассматривать как попытку замены инфинитива, отличаются немногочисленностью и, вероятно, употреблены у Мосха не чаще, чем их можно было встретить в древнегреческих текстах.

³ Эти случаи детально описаны в [MINEVČ-GABROVEČ 1960:67–72]. Вероятно, одним из признаков изменений, происходящих в системе наклонений, можно считать употребление аориста без $\acute{\alpha}\nu$ ($\acute{\epsilon}\acute{\alpha}\nu$) в условных периодах (напр., *PG* 3092C6–7: $\omicron\tau\iota \epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\upsilon_{\text{AOR}}$. ‘Еχετε τί ποτε, **έχετε**: $\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\upsilon_{\text{AOR}}$. *Ουχ έχετε, ουχ έχετε* ‘То, что [брат] **скажет** (букв. **сказал**): «Вот имеете что-либо», [значит] имеете; **скажет** (букв. **сказал**): «Не имеете», [значит] не имеете’), причем в этих примерах можно

дель Дж. Хоррокса также не работает в «Луге Духовном». Этот факт не говорит о ее несостоятельности, хотя сама по себе она представляется маловероятной, но и не отрицает очень правдоподобное предположение о происхождении новогреческих аналитических форм будущего из оборота $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega + \text{Vin}\acute{\iota}$. Создавая «Луг Духовный», Мосх, по крайней мере в морфологии, старается ориентироваться на древнегреческий образец, и те немногие изменения, которые были отмечены выше, выглядят часто не как признаки модификации морфологической системы, а, теряясь на фоне «правильных» форм, кажутся досадными недоразумениями. Тем не менее, сам факт фиксирования в тексте морфологических изменений, произошедших ко времени Мосха в разговорном языке, о чем свидетельствуют, в частности, эпиграфические источники, говорит о неслучайном характере этих «отклонений от нормы» и, возможно, даже о сознательном выборе автора.

было ожидать конъюнктив аориста вместо индикатива. Нечто похожее встречается и в Новом Завете [HORROCKS 1995:165].

Порядок слов

§ 49. Общая проблематика и стратегии исчисления порядка слов (72) • § 50. Подсчеты частотности употреблений (76) • § 51–57. Рассмотрение порядка слов в рамках словосочетаний (78) • § 58. Факторы, определяющие порядок слов в предложении (88) • § 59. Порядок слов как один из элементов стратегии нарративности (91) • § 60–65. Маркированность и средства ее выражения (96) • § 66–77. Закон Ваккернагеля (102)

§49. Вопрос об исчислении порядка слов, рассматриваемый в этой главе, несомненно, является ключевым не только для синтаксического анализа «Луга Духовного», но и для более четкого понимания его стилистических¹ особенностей и даже для правильной интерпретации текста в целом. В свое время, анализируя стиль древнегреческой прозы, Дж. Деннистон писал: «Греческий порядок слов не поддается анализу, за исключением своих грубейших проявлений».² К сожалению, с этим утверждением приходится согласиться, признавая его состоятельность не только

¹ Неоднократно упомянутая выше монография Э. Михевч-Габровеч называется «Изучение синтаксиса Иоанна Мосха» (*Études sur la syntaxe de Joannes Moschos* [МІНЕВЇС-ГАВРОВЕЇС 1960]). В ней к синтаксису отнесены такие грамматические категории как род, число, падеж, время и залог, частично затронутые в предыдущей главе при указании основных **морфологических** особенностей языка Мосха. Также Э. Михевч-Габровеч уделяет внимание разным видам союзов (и, следовательно, сложным предложениям и придаточным), синтаксическим оборотам (*Accusativus cum infinitivo/participio*, *Genitivus absolutus* и т. п.), фигурам речи и прочим элементам языковой системы, традиционно рассматриваемым в рамках учения о синтаксисе. Несмотря на то, что каждый из этих вопросов мог бы стать темой небольшого исследования и привести к очень интересным результатам на материале изучаемого текста, здесь они вообщем рассматриваться не будут.

² «Except in its cruder forms, Greek word-order cannot be analyzed» [DENNISTON 1952:8].

для древнегреческого, но и для прочих периодов развития греческого языка. В сущности, проблема порядка слов представляет собой два тесно связанных между собой вопроса:

1. Каков нейтральный (базовый) порядок слов?
2. Какие бывают допустимые отклонения и что они выражают?

Казалось бы, что наибольшие трудности связаны со вторым вопросом, тогда как нет ничего проще, чем определить нейтральный порядок: провести количественные подсчеты, и, скорее всего, наиболее частотный порядок и будет нейтральным. Однако греческий, по-видимому, не относится к тем языкам, где выявление нейтрального порядка настолько очевидно, что не требует специальных критериев. В древнегреческом языке нейтральный порядок слов мог различаться не только в разных жанрах, но даже у разных авторов. В новогреческом языке, несмотря на возможность проведения широкого статистического исследования, ситуация представляется не намного более ясной. В последнее время ряд неоэллинистов, начиная с Ирины Филлипаки-Варбуртон, выдвигали убедительные доводы в пользу того, что нейтральным порядком в новогреческом языке следует считать VSO [PHILLIPAKI-WARBURTON 1985; HORROCKS 1994]. В то же время известный английский исследователь П. Макридж в поисках нейтрального порядка в новогреческом разбирает четыре следующих предложения:¹

(2.1) Ο πατέρας_S μου διαβάζει_V Καζαντζάκη_O (SVO)

(2.2) Καζαντζάκη_O διαβάζει_V ο πατέρας_S μου (OVS)

(2.3) Διαβάζει_V ο πατέρας_S μου Καζαντζάκη_O (VSO)

(2.4) Διαβάζει_V Καζαντζάκη_O ο πατέρας_S μου (VOS)

‘Мой отец читает Казандзакиса’ [MACKRIDGE 1985:235–236]

¹ П. Макридж ссылается на недоступную работу: Horrocks G. S. The Order of Constituents in Modern Greek. Unpublished paper delivered at the Philological Society, London, 7 Nov. 1980 (вероятно, позднее переработанную в [HORROCKS 1982]) и говорит, что расширил иллюстративный материал.

Во всех этих четырех грамматически правильных предложениях П. Макридж выделяет разные смысловые оттенки:

- (a) 2.1 — ярко выраженная эмфаза отсутствует, ударение (main stress)¹ ставится на последнем слове;
2.2 — эмфаза² (heavy stress) оказывается на подлежащем: *именно мой отец, а не кто-либо другой*;
2.3 — эмфаза приходится на глагол: *мой отец, все-таки (что бы там ни говорили) читает*;
2.4 — эмфаза на дополнении: *читает именно Казандзакиса, а не какого-то другого писателя*.
- (b) 2.1 = а, 2.4;
2.2 ≈ а, 2.3 (с оттенком повторяемости действия: иногда почитывает, но не часто);
2.3 = а, 2.2.
- (c) 2.1 = а, 2.1;
2.2 = а, 2.3.
- (d) 2.1 = а, 2.3;
2.2 = а, 2.4.

В итоге, П. Макридж приходит к следующим выводам:

- (i) эмфаза отсутствует при SVO и VSO;
(ii) эмфаза оказывается на подлежащем при OVS;
(iii) эмфаза перемещается на глагол при VOS;
(iv) эмфаза располагается на дополнении при OVS.

¹ Здесь намеренно не использованы термины 'фразовое ударение' и 'акцентное выделение'; об этих терминах см. §60.

² В своей книге П. Макридж дает два определения эмфазы: во-первых, как семантической составляющей, подчеркивающей значимость определенного слова или группы слов, а во-вторых, как семантического аналога ударения [MACKRIDGE 1985:16, 234].

По-видимому, во всех пунктах выводов следовало добавить «скорее всего», так как ни один из примеров 2.1–2.4 не имеет однозначной интерпретации. Кроме того, сам П. Макридж признает, что порядок OVS можно интерпретировать двояко (см. пп. ii и iv выводов П. Макриджа).¹

Несмотря на все трудности в определении нейтрального порядка слов (кстати, ситуация с греческим языком оказывается скорее правилом, чем исключением), неоднократно предпринимаются попытки создания общей схемы анализа порядка слов. Здесь следует упомянуть о стратегиях анализа порядка слов, предложенных в [MITNUN 1992:20ff], где они описаны на материале трех языков: *Кайуга* (ирокезский язык, распространенный в районе озера Онтарио), *Нганди* (один из языков австралийских аборигенов) и *Коос* (орегонский язык). Среди предложенных стратегий можно выделить следующие:²

- подсчеты частотности употребления разных конструкций;
- рассмотрение относительного порядка слов в NP³ и VP;
- выявление зависимости положения элемента в предложении от степени его определенности и содержания в нем новой информации.

Ниже каждая из этих стратегий будет опробована на материале «Луга Духовного».

¹ Утверждение П. Макриджа относительно многовариантности новогреческого порядка слов подтверждается также простым тестом — ответом на вопрос *Что случилось?*, в котором, как широко принято считать (см., напр., [Dik 1981] и сн. 2 на с. 10, пример ii), должен проявиться именно базовый порядок слов. Как демонстрируется в [Costa 1997:2], здесь возможны, по крайней мере, два варианта: VSO (παντρεύτηκεν ο Πέτρος τὴν Ηλέκτραο 'женился Петрос на Электре') или SVO (ο Πέτρος παντρεύτηκεν τὴν Ηλέκτραο). Правда, сам автор, приводя второй пример, указывает, что его, вероятно, можно трактовать как смещение субъекта влево (left-dislocation of subjects), и понимать так: 'этот Петрос женился на этой Электре' (the Peter married the Elektra); см. также [ALEXIADOU, ANAGNOSTOPOULOU 1995].

² Здесь с самого начала исключается т. н. **ambiguity test** (выбор подходящего варианта в потенциально двусмысленных предложениях), поскольку, во-первых, данная стратегия предполагает наличие информанта, носителя языка, что заведомо невозможно для средневекового текста, а во-вторых, как следует из [MITNUN 1992:20–21], респондент часто не может сделать однозначный выбор.

³ Под NP здесь понимается, прежде всего, группа подлежащего.

§50. Подсчеты частотности употреблений. Выше уже отмечалось, что этот метод невозможно применять на древнегреческом материале. Данное замечание справедливо, если иметь в виду наблюдения над языком в целом. Однако в том случае, когда речь идет о конкретном литературном памятнике, проведение количественных подсчетов представляется вполне реальной и эффективной процедурой. Проводя ее, исследователь обычно предполагает, что в большинстве повествовательных предложений встретится именно нейтральный порядок слов. Подобное предположение кажется убедительным, однако встречаются примеры, создающие определенную сложность. Так в «Луге Духовном» истории нередко начинаются по следующим моделям:

(2.5) Ἦν_V τις γέρων_S οἰκῶν_{Vprt} ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁββᾶ Εὐστοργίου
 ‘Жил один старец (букв. был один старец живущий) в обители аввы Евсторгия...’ (PG 2852C6–7)

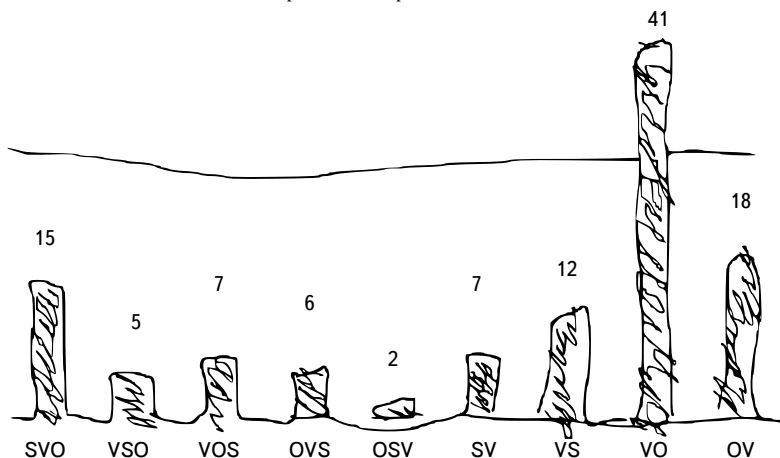
(2.6) Γέρων_S τις ἦν_V ἐν τῇ λαύρᾳ τῶν Πυργίων
 ‘Старец один был в лавре «Башен»...’ (PG 2857C11)

Можно найти причины, почему в первом случае порядок слов VS, а во втором — SV: не исключено, что в примере 2.5 Мосх избегает контакта глагольных форм (в данном случае — личной и причастия),¹ а в (2.6) «угроза» такого контакта отсутствует, однако это вполне правдоподобное объяснение не говорит о том, в каком из примеров нейтральный порядок, а в каком — нет, тем более что оба предложения выполняют совершенно одинаковую функцию, являясь своеобразным введением в историю. Подобных примеров немало. Можно с большой долей вероятности предположить, что, в основном, такие «двойственные» случаи будут встречаться только в начале текста.² В иных случаях, вероятно,

¹ В тексте нередко встречаются случаи, когда между разными глагольными формами, обычно личной и инфинитивом или причастием, стоит какой-либо разделитель, в роли которого, в основном, выступает местоименная клитика; подробнее см. § 53, 103 и 117.

² Вероятно, в этих примерах нельзя говорить о синонимии предложений [Падучева 1974:14–19]. Скорее всего, здесь имеет место выражение определенных стратегий нарративности, что видно на примере двух русских предложений: *я шел по лесу* и *шел я по лесу*. В первом присутствует простая констатация факта, а во втором маркируется начало рассказа. Ср.: понт. /έτον_V ένας γέρος_S ke ίνας γρέας/

Рис. 2.1. Варианты порядка слов в гл. CVII.

следует искать прагматические причины изменения нейтрального порядка слов, о чем речь пойдет ниже. Для проверки действенности метода количественного подсчета были произвольно выбраны две главы из «Луга Духовного» и проведено сравнение полученных данных.

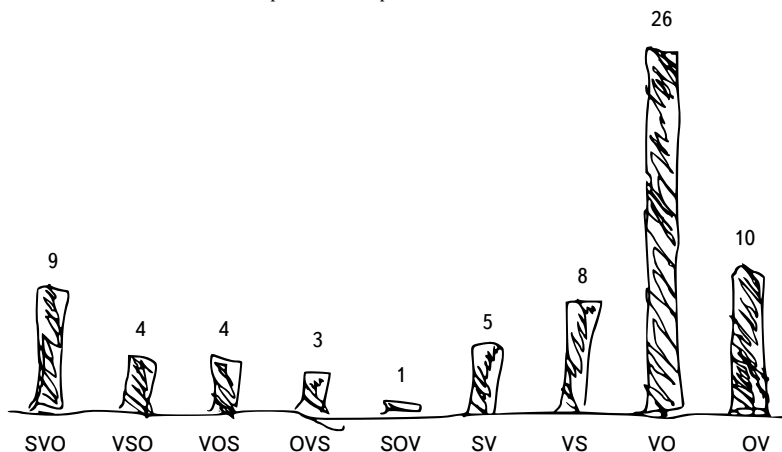
Количественные подсчеты показывают, что нейтральным порядком слов в главе CVII можно считать (с некоторыми оговорками) SVO, а в рамках VP — VO. Некоторое удивление, правда, может вызывать тот факт, что, несмотря на явное преобладание SVO, SV встречается заметно реже, чем VS.

Если сопоставить данные рис. 2.1 и 2.2, можно заметить ряд общих черт: в обеих главах наиболее частотными оказываются порядки SVO и VO; второе место занимает VOS, встречающийся почти в 20% примеров. Присутствующие различия¹ можно отнести к некоторым стилистическим особенностям глав: если в главе CVII преобладает повествовательный стиль, то в главе LXXVII много диалогов, на которые и приходится значительная доля примеров с SV и OV. Влияние жанрово-стилистических особенностей истории (главы) можно проиллюстрировать на вводной

¹ 'жили старик со старухой (букв. и старуха)' [Елоева 2004:113] с порядком VS; подробнее см. § 59.

¹ Ср. соотношения между VSO, VOS, OVS и SOV на рис. 2.1 и 2.2.

Рис. 2.2. Варианты порядка слов в гл. LXXVII.

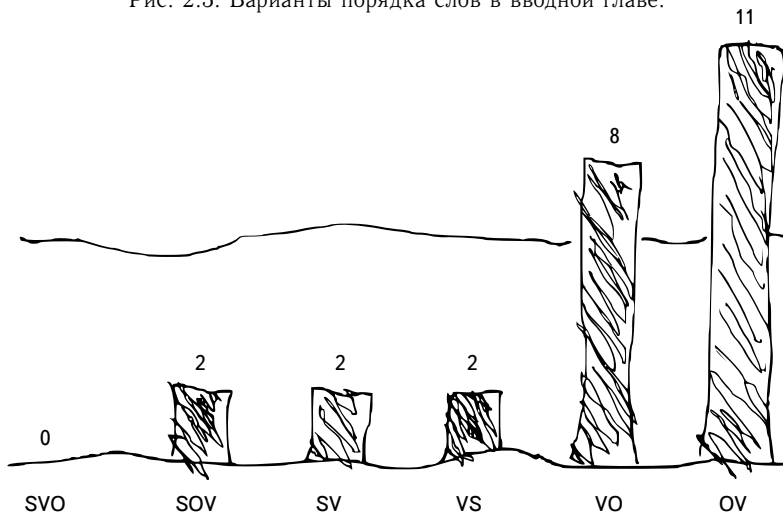
главе, которая, как отмечалось в сн. 2 на с. 25, имеет ряд особенностей, сильно выделяющих ее из основного повествования (см. рис. 2.3).

Подсчеты порядков слов по вводной главе значительно отличаются от результатов, полученных в главах LXXVII и CVII. Исходя из текста вводной главы, можно было бы предположить, что нейтральным порядком является SOV, наименее употребительный в главе LXXVII и вовсе не зафиксированный в главе CVII. Также складывается превратная картина по соотношениям $SV \leftrightarrow VS$ и $VO \leftrightarrow OV$. Подобная ситуация ставит под сомнение целесообразность проведения количественного анализа и, во всяком случае, заставляет воспринимать эту процедуру как вспомогательный метод, требующий серьезной проверки.

§51. Рассмотрение порядка слов в рамках словосочетаний. При исследовании порядка слов часто возникает вопрос о его **предсказуемости** [DOVER 1960:3f]. Особенно остро этот вопрос встает при рассмотрении порядка компонентов словосочетаний.¹ Яркий пример влияния предсказуемости порядка

¹ Под словосочетанием прежде всего имеется в виду сочетание глагола с дополнением (VO/OV) и в ряде случаев сочетание существительного с определением (DET N/N DET).

Рис. 2.3. Варианты порядка слов в вводной главе.

слов на адекватное понимание текста приводится на рис. 2.4 [GENSBACHER, HARGREAVES 1992:84].

Рис. 2.4. Порядок слов и интерпретация высказывания.

A 13
12 13

Рис. 2.4 демонстрирует, как левый элемент оказывается определяющим в понимании правого (A→B или 12→13). Вероятно, именно первый элемент следует рассматривать, как нечто данное, то есть **тему**, ср. с замечанием Чарльза Ли и Сандры Томпсон: «... в потоке речи неизбежно происходит **эшелонирование** (serialization) сообщаемой информации, есть все основания считать, что элемент, представляющий тему данного текста, вводится в рассмотрение первым» [Ли, Томпсон 1982:203]. Подобная интерпретация порядка слов позволяет объяснить, почему VO оказывается наиболее частотным порядком в рамках VP (см. рис. 2.1 и 2.2), где в качестве главного (управляющего) элемента выступает глагольная форма. Следовательно, в качестве базового порядка следует рассматривать именно VO. Однако данное утверждение связано с рядом трудностей.

Таблица 2.1. Правило рангов дополнений в примере 2.7.

I	II	III
ἡμῖν	πολλά (καὶ) θαυμαστά	περὶ τοῦτου

§52. Сочетание глагола с несколькими дополнениями.

Часто при глаголе оказывается не одно, а два (или более) дополнения, прямое (Od) и косвенное (Oi), например:

(2.7) {Περὶ τοῦτου}_{Oi} πολλοὶ {πολλά καὶ θαυμαστά}_{Od} διηγήσαντο
ἡμῖν_{Oi}

‘О нем (монахе Лье — МК) многие много удивительного (досл. многое и удивительное) рассказали нам’ (PG 2976B11–12)

Здесь глагол управляет четырьмя дополнениями: двумя однородными прямыми (πολλά и θαυμαστά), косвенным с предлогом (περὶ τοῦτου) и косвенным без предлога (ἡμῖν). Схематично данное предложение можно представить в следующем виде: $Oi_{(1)} S Od Vfin Oi_{(2)}$. Таким образом, VO имеет место только с косвенным дополнением без предлога (адресатом). По-видимому, нет оснований утверждать, что дополнения, находящиеся в позиции к глагольной форме, логически более выделены. Причиной подобного порядка слов является действие так называемого **правила рангов**, когда каждый управляемый элемент имеет различную степень «связанности» с управляющим элементом (см. табл. 2.1).

Косвенное дополнение с предлогом оказывается наименее тесно связанным с глагольной формой, так как оно, с одной стороны, управляется не глаголом, а предлогом, а с другой — наиболее факультативно и не добавляет новую информацию, выполняя сугубо техническую роль формального связующего звена с предыдущими высказываниями, то есть темы. Прямое дополнение, напротив, имеет очень тесную связь с глаголом и, выполняя обязательную валентность глагола речевой деятельности, способствует выражению действия (*рассказывать*_(что?)). Поэтому этот элемент высказывания является, с точки зрения глагола, вполне ожидаемым. Фактически единственным неожиданным звеном оказывается адресат (*рассказывать*_(кому?) нам), выполня-

ющий роль ремы. Такая интерпретация порядка слов подтверждается также и другими примерами:

(2.8) Οὗτος ὁ ἀββᾶς Ἀναστάσιος πάλιν διηγῆσατο ἡμῖν^I καὶ τοῦτο^{II}
{περὶ αὐτοῦ τοῦ γέροντος}^{III}

‘Тот же авва Анастасий также рассказал нам^I и следующее^{II} {об этом старце}^{III}’ (PG 2905C4–5)

Из примера 2.8 хорошо видно, что правило рангов **не определяет** позицию дополнений относительно управляющей глагольной формы, отвечая сугубо за их взаимное расположение. Можно отметить, что дополнение ранга I скорее окажется в постпозиции и непосредственном контакте с глаголом, чем дополнения более низких рангов.² Однако, как показывает обследованный материал, не всегда встречается именно такая иерархия дополнений, как в примерах 2.7 и 2.8:

(2.9) Καρτέρησον, καὶ κουφίσω^V σε^I τοῦ πολέμου^{II}

‘Будь терпелив, и освобожу тебя^I {от тяжбы}^{II}’ (PG 2853D4–5)

В (2.9) косвенное дополнение имеет более низкий ранг (II), чем прямое. Это, вероятно, объясняется тем, что оно стоит в родительном падеже с разделительной функцией, и на его месте вполне могла бы находиться конструкция с предлогом, которая, как следует из табл. 2.1, оказывается ниже рангом, чем прямое дополнение. Интересная ситуация встречается в примере 2.10:

(2.10) Πάλιν ἡμῖν^{II} ὁ αὐτὸς ἀββᾶς Θεόδουλος διηγῆσατο {περὶ τοῦ
αὐτοῦ ἀββᾶ Χριστοφόρου}^I

‘Опять нам^{II} тот же авва Феодул рассказал {о том же авве Христофоре}^I’ (PG 2964C8–9)

¹ Здесь и далее римские цифры указывают на ранги.

² Указание на **желательность**, а не на **обязательность** условия неслучайно, ср. со следующим примером: Καὶ τοῦτο^{II} ἡμῖν^I διηγῆσατο ὁ ἀββᾶς Παλλάδιος ‘И это^{II} нам^I рассказал авва Палладий’ (PG 2925C1). Косвенное дополнение помечается как элемент ранга I в связи с его контактной позицией относительно глагольной формы, несмотря на факт препозиции.

Косвенное дополнение с предлогом (περὶ τοῦ αὐτοῦ ἄββᾶ Χριστοφόρου) стоит в контактной постпозиции относительно глагольной формы, в то время как косвенное дополнение без предлога (ἡμῖν) оказывается в дистантной препозиции. Подобное «нарушение» иерархии можно объяснить так: из предыдущего повествования уже понятно, кому была рассказана история, и косвенное дополнение является здесь темой, заполняя валентность адресата и не внося никакой новой информации.¹ В общем-то, и косвенное дополнение с предлогом нельзя в полной мере назвать ремой, так как первая часть главы CV была посвящена другому рассказу аввы Феодула об авве Христофоре, однако добавление ὁ αὐτός 'тот же самый' указывает на логическую выделенность всего синтаксического элемента, что позволяет рассматривать косвенное дополнение с предлогом как **фокус** высказывания.

Следует отметить, что большинство примеров в целом соответствует правилу рангов, описанному в табл. 2.1:

(2.11) {Περὶ τοῦτου τοῦ ἄββᾶ Θεοδοσίου τοῦ Ἠσυχαστοῦ}_{II}
διηγήσατο ἡμῖν_I ὁ ἄββᾶς Κυριακός

'О том же авве Феодосии Молчальнике_{II} рассказал нам_I авва Кириак'

(2.12) ἐπεδείκνυεν αὐτῷ_I {τὸν πεπληγμένον πόδα}_{II}

'... [лев] показал ему_I {раненую ногу}_{II}...' (PG 2965D6)

(2.13) Ποιήσατε οὖν ἔλεος_I {μετ' ἐμοῦ}_{II}

'Будьте же милостивы (букв. сделайте же милость_I) {ко мне}_{II}...' (PG 3044D4–5)

Примеры 2.11–2.13 являются наиболее типичными, поэтому на их основании можно сделать более или менее общий вывод об иерархии дополнений, представленный в табл. 2.2.

Полная (классическая) структура встречается в примерах 2.7 и 2.8, которые являются наиболее типичными. Если одно из трех возможных дополнений отсутствует, происходит «сдвиг верх», то есть на место отсутствующего элемента сдвигается дополнение

¹ О новой информации в подобном контексте можно было бы говорить, если бы вдруг рассказчик начал рассказывать свою историю не для Мосха и Софония (ожидаемых читателем персонажей), а для кого-нибудь другого.

Таблица 2.2. Правило рангов и позиция дополнений в «Луге Духовном».

Ранги	I	II	III
Дополнения	O _i (без предлога)	O _d	O _i (с предлогом)
Порядок	Скорее VO, почти всегда контактный.	VO или OV, часто дистантный, расстояние редко более одного синтаксического элемента.	VO или OV, дистантный, расстояние редко менее двух синтаксических элементов.

рангом ниже, занимая ранг, свойственный более высокому элементу: в примере 2.11 это случается с косвенным дополнением с предлогом (ранг III→II), в (2.13) отсутствует косвенное дополнение без предлога (ранг I) и оставшиеся дополнения становятся рангом выше: прямое дополнение находится в постпозиции к глаголу¹ (ранг II→I), а косвенное дополнение с предлогом оказывается на расстоянии одного элемента (см. сн. 1) после глагольной формы (ранг III→II). Не совсем обычным представляется пример 2.14:

(2.14) Ταῦτα_{III} δὲ ἡμῖν_{II} διηγήσατο {μετὰ πολλῶν δάκρυων καὶ στεναγμῶν}_I

‘Это_{III} же нам_{II} рассказал [авва Феодул] {со многими слезами и стенаниями}_I. . .’ (PG 2965C9–10)

В нем элементом ранга I является косвенное дополнение с предлогом (μετὰ πολλῶν δάκρυων καὶ στεναγμῶν), а остальные дополнения сдвигаются на ранг ниже: косвенное дополнение без предлога (ἡμῖν) становится элементом ранга II, а прямое (ταῦτα) — ранга III. Из примера 2.14 видно, что правило рангов может объяснить определенные изменения в порядке дополнений, однако

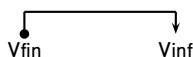
¹ Между ним и глаголом оказывается энклитика οὔν, что не позволяет говорить ни о контактной, ни о дистантной постпозиции. Подробнее подобная ситуация разбирается в §55. Важно отметить, что сентенциальная энклитика οὔν ‘в самом деле’ не является таким же полноправным элементом предложения, как глагольная форма или дополнение. Поэтому в примере 2.13 VO следует понимать скорее как контактный, чем дистантный.

оставляет без ответа главный вопрос: *по какому принципу происходит выбор дополнения ранга I, и всегда ли это позиция ремы?*

Завершая рассмотрение правила рангов, следует отметить, что, во-первых, как можно было убедиться выше, оно не является обязательным и отражает лишь определенные тенденции в порядке слов, а во-вторых, правило рангов может работать иначе, если в роли прямого дополнения или косвенного дополнения без предлога выступает местоименная клитика (прежде всего это касается слабых форм личных местоимений 1 и 2 SG; см. главу 3, особенно § 96 и сл.).

§53. Несколько глаголов в рамках VP. Определенную трудность может представлять исчисление порядка компонентов VP при наличии нескольких глагольных форм, одна из которых управляет другой (см. рис. 2.5).

Рис. 2.5. Несколько глаголов в VP.

Ниже приводится несколько наиболее типичных примеров:

(2.15) μέλλουσιν_{Vfin} αὐτὸν_O θάπτειν_{Vinf}
 ‘... [они] намеревались его похоронить’ (PG 2932B9)

Прямое дополнение здесь оказывается в препозиции относительно управляющего им инфинитива и в то же время стоит после личной формы глагола, от которого этот инфинитив зависит: Vfin {Od Vinf}. Подобное явление (условно его можно назвать **интерпозицией**, поскольку дополнение оказывается между двумя глагольными формами) практически не встречается в случаях с косвенным дополнением с предлогом:

(2.16) ἔμελλον_{Vfin} ἐξέρχεσθαι_{Vinf} {ἐκ τοῦ μνημείου}_{Oi}
 ‘[я] намеревался выйти {из склепа}’ (PG 2932B14)

Также (практически?) отсутствуют случаи интерпозиции дополнения, выраженного существительным:

(2.17) ἡρξάμεθα_{Vfin} {μεταφέρειν_{Vinf} τὰ σκεύη_{Od}}
 ‘... [мы] начали переносить пожитки...’ (PG 2857A1–2)

Интерпозиция регулярно происходит со слабыми формами личных местоимений в функции дополнения (см. § 103) или теми личными местоимениями (в косвенных падежах), у которых отсутствует формальное противопоставление сильных и слабых форм (см. § 117), как в примере 2.15,¹ хотя и в этих случаях попадают «исключения»:

(2.18) ἤρξατο_{Vfin} ὀρχοῦν_{Vinf} ἡμᾶς_{Od} λέγων_{Vprt}
 ‘[еврей] начал заклинать нас, говоря...’ (PG 3044D2)

Правда, в этом примере постпозиция местоимения по отношению к инфинитиву может быть также объяснена интерпозицией: местоимение находится между инфинитивом и причастной формой.

Приведенные выше примеры, по-видимому, позволяют сделать два вывода: во-первых, Мосх стремится «разбавить» скопление глагольных форм, стараясь избегать при этом использование существительных в качестве разделителей; и во-вторых, можно предположить, что все местоименные формы в интерпозиции являются слабыми, даже те, у которых нет формального противопоставления **ударная** ↔ **клитическая форма** (подробнее о них см. главу 4). В отличие от дополнений, выраженных существительными, местоименные дополнения, оказываясь в середине глагольной цепочки, не разрывают логическую связь между ее компонентами и, следовательно, не только не затрудняют интерпретацию фразы, но, вероятно, даже способствуют ей.

§54. Дистантная позиция дополнения. В § 52 рассматривались случаи, когда дополнение отделено от управляющего глагола другим дополнением. Ниже будут отмечены ситуации, когда между управляющим глаголом и дополнением оказывается либо энклитика (§ 55), либо полнофункциональный синтаксический элемент (§ 56).

¹ Местоимение αὐτός и его формы в функции «указателя» третьего лица рассматриваются как личные местоимения третьего лица.

§55. Разделитель — энклитика. Примеров, когда между глагольной формой и дополнением оказывается энклитика, очень много, причем как с сентенциальными: ποιήσατε_V οὐ_{CL} ἔλεος_O (2.13), так и с местоименными энклитиками (Op): κουφίσω_V σε_{Op} τοῦ πολέμου_{Oi} (2.9). Анализировать такие примеры можно с двух сторон: во-первых, с помощью рассмотрения синтаксической роли и природы энклитик (см. § 66–95), а во-вторых, с точки зрения их функции в высказывании как показателей маркированности стоящего рядом с энклитикой синтаксического элемента (см. § 62 и § 106). Однако независимо от выбранного подхода приходится признать, что клитика не является полноценным синтаксическим разделителем, и порядок слов V CL O не следует приравнять, например, к V NP O, то есть рассматривать как полноценно дистантный; в то же время нет полной уверенности, что его можно считать контактным (V CL O = VO?).

§56. Разделитель — полнофункциональный синтаксический элемент. Если между глагольной формой и дополнением располагается полнофункциональный синтаксический элемент, то это либо подлежащее/NP (περὶ τοῦτου_{Oi} πολλοῖς (...) διηγῆσαντο_V (2.7), где подлежащее оказывается одним из синтаксических элементов, отделяющих косвенное дополнение с предлогом от управляющего глагола), либо обстоятельство:

(2.19) καὶ μηδὲν_O ὅλως_{Adv} λαλῶν_{Vprt} πρὸς τινα
 ‘... и ничего **вовсе** не говоря никому’ (PG 2925C7)

В обоих случаях к рассмотрению разделителя можно подходить с точки зрения правила рангов, утверждая, что в примерах 2.7 и 2.19 разделитель оказывается между глагольной формой и дополнением ранга II или ниже, стоящим в препозиции.¹ Однако есть примеры, где полнофункциональный синтаксический элемент отделяет глагольную форму от **единственного** дополнения:

(2.20) Εἶχε_V δὲ_{CL} ἡ λαύρα_S ὄνον_{Od}
 ‘Был же **в лавре** осел (досл. Имела же **лавра** осла)’
 (PG 2968A10)

¹ Ср. со схемами примеров 2.7 (Oi_{III} S Od_{II} Vfin Oi_I) и 2.19 (Od_{II} ADV Vprt Oi_I).

Приходится признать, что более перспективно интерпретировать подобные примеры не в рамках рассмотрения словосочетаний, а анализируя порядок слов в предложении целиком и, в частности, изучая факторы, определяющие выбор между VS и SV.

§57. Порядок компонентов в NP. В §51 было приведено замечание Ч. Ли и С. Томпсон о том, что элемент, являющийся темой, появляется раньше ремы. Хотя Ч. Ли и С. Томпсон прежде всего имели в виду порядок слов в предложении в целом, оно справедливо и для порядка компонентов в VP, а большинство исключений могут быть объяснены. Ниже это наблюдение будет проверено на порядке компонентов NP. Если проводить параллели между темой и ремой и компонентами NP, то теме как базе высказывания будет соответствовать существительное, а реме — определение к нему. Поэтому в большинстве случаев следовало бы ожидать порядок N DET. Это справедливо в тех случаях, когда определение оказывается распространенным или выраженным причастной формой. Однако ситуация осложняется, если в функции согласованного определения выступает прилагательное или местоимение. В этих случаях может встречаться как порядок DET N, так и N DET. Жан Брюнель, исследуя позицию прилагательного в именной группе в древнегреческом языке, отмечает зависимость выбора порядка DET N или N DET от рассматриваемого текста [BRUNEL 1964:15] и указывает на то, что во многих композитах, где фигурирует сочетание прилагательного с существительным, превалирует порядок DET N: Νεάπολις, ἀχρόπολις, ἀγριελαία, γλυκύμηλον, ἱερόδουλος, хотя и существуют отдельные композиты с порядком N DET: σύαγρος/ὄναγρος (из σῦς/ὄνος и ἄγριος) или ἀνδραγαθία (из ἀνήρ и ἀγαθός) [BRUNEL 1964:14]. Получается, что утверждение Ч. Ли и С. Томпсон, функционируя в VP, далеко не всегда соответствует ситуации в NP. Отсюда можно сделать два вывода:

1. принцип порядка слов в NP не соответствует правилам постановки синтаксических элементов в VP;¹

¹ Ср. с высказыванием Уинфреда Леманна, который указывает на «подрывную» (disruptive) роль подлежащего, отмечая, что, если бы рассматривались только

2. принцип интерпретации предложения, в отличие от принципа восприятия на слух, не обязательно последователен (особенно при чтении письменного текста), и, следовательно, нельзя утверждать, что именно первый контекст всегда является ремой высказывания.¹ Поэтому необходимо искать также и факторы, могущие оказывать влияние на позицию темы и ремы, рассматривать которые скорее целесообразно в рамках фразы в целом, нежели на материале отдельных словосочетаний.

Оба вывода, вероятно, имеют право на существование, однако последний представляется более верным, как это будет продемонстрировано в §58 и сл.

§58. Факторы, определяющие порядок слов в предложении. Описывая особенности синтаксических структур (вернее, поверхностно-синтаксических представлений), И. А. Мельчук говорит о четырех средствах, которые всегда используются для выражения значения предложения: лексемы, порядок лексем (или словоформ), просодия и формообразование [МЕЛ'ЧУК, INTERNET: 24 (= 2003)]. При этом отдельно подчеркивается, что:

1. не существует других типов лингвистических средств, при помощи которых можно было бы выразить значение предложения;
2. эти лингвистические средства используются во всех языках и функционируют во всех предложениях (за исключением, пожалуй, только формообразования, отсутствующего в ряде языков и встречающегося (в тех языках, где оно есть) не во всех предложениях);
3. каждое из этих средств может как выражать значение напрямую, то есть употребляться в **семантической** функции, так и не иметь непосредственного отношения к значению, а служить

VO/OV языки, было бы намного проще выработать формальные принципы, определяющие порядок слов [LENMANN 1976:447].

¹ Рис. 2.4 можно представить и в обратном виде. Таким образом, на понимание символа (B или 13) оказывает влияние не только предыдущий контекст, но и последующий; это указывает на то, что если последовательность **тема** → **рема** даже и предпочтительна, то далеко не обязательна (напр., при инверсии).

Таблица 2.3. Языковые средства выражения
и их возможные употребления.

Лингвистические средства	в семантической функции	в синтаксической функции
Лексемы	Неуправляемые словоформы (ἄββᾶς ‘авва’; ὅταν ‘когда’)	Управляемые словоформы (ἔλεος ποιεῖν μετὰ τινος ‘испытывать к кому-либо жалость’).
Порядок слов	Способы выделения коммуникативной структуры высказывания (тема ↔ рема, известное ↔ новое)	Способы выделения синтаксических конструкций (N + N, PREP + N, DET + N, V + N (= V + O)).
Просодия	Просодические средства, маркирующие, например, вопрос, отличая его от утверждения, фокуса, эмфазы, иронии, угрозы, нежности и проч.	Просодические средства, маркирующие границы составляющих.

Прим.: Таблица приводится не полностью: из нее изъята графа, посвященная словоизменению; английские примеры И. А. Мельчука, по возможности, заменены аналогичными примерами из «Лука Духовного».

для указания связи между словоформами в рамках предложения, то есть использоваться в **синтаксической** функции (см. табл. 2.3).

Табл. 2.3 демонстрирует, что основной задачей при изучении предложения является не столько рассмотрение отдельно семантических и синтаксических (или просодических) структур, сколько поиск соответствий между ними, то есть определение того, как изменения, происходящие на одном уровне языка, отражаются на других его уровнях. Вспоминая приведенное в §51 замечание Ч. Ли и С. Томпсон о стремлении элемента, выражающего тему, занимать начальную позицию в высказывании, можно отметить, что даже в том случае, когда данное утверждение на 100% соответствует истине, оно не облегчает дальнейшего исследования при отсутствии детального описания ограничений синтаксических позиций. В некоторых языках эти ограничения достаточ-

но очевидны, например, так называемое **явление Verb-second** в немецком. В греческом языке описать подобные ограничения намного сложнее. Кеннет Довер, формулируя вопросы, связанные с изучением древнегреческого порядка слов, в качестве примера берет три слова (πάντα 'всё', ἄν (модальная частица, в целом, соответствующая русской частице *бы*) и ἔγραψε(ν) '[он] написал (AOR)') и пытается их по-разному комбинировать [DOVER 1960:2]. В результате, из шести комбинационных вариантов два оказываются вообще невозможны (*ἄν πάντα ἔγραψε(ν) и *ἄν ἔγραψε πάντα), а один крайне маловероятен (ἔγραψε πάντα ἄν). Комментируя «невозможные» варианты, К. Довер говорит, что так не может быть, потому что ἄν никогда не начинает предложение. И он, несомненно, прав: древнегреческий, будучи одним из **ваккернагелевских** языков,¹ не пускает энклитики на первое место в предложении. Однако в новогреческом языке ряд клитик (например, слабые формы личных местоимений в косвенных падежах) могут быть как энклитиками, так и проклитиками, иначе говоря, оказываться в начале предложения. Поэтому описание синтаксических ограничений для позднего койне и раннего новогреческого (то есть для промежуточных звеньев между разными языковыми состояниями) представляется очень затруднительным.

Можно предположить, что рассмотрение порядка слов в тексте Иоанна Мосха окажется наиболее перспективным в рамках решения следующих задач:

1. рассмотрения маркированных элементов и поиска закономерностей в их расположении в предложении (то есть изучения маркированности на просодическом и собственно синтаксическом уровнях);
2. описания того, как просодические особенности высказывания влияют на порядок его составляющих (то есть наблюдения над функционированием закона Ваккернагеля в «Луге Духовном»).

¹ То есть языков, где действует закон Ваккернагеля. Можно предложить и более строгое определение: «язык считается „ваккернагелевским“, если в нем нет более грамматикализованного механизма расстановки слов, нежели механизм размещения сентенциальных энклитик после первой ударной составляющей» [Циммерлинг 2002:72]; о ваккернагелевских языках см. сн. 2 на с. 103.

Наравне с этим на порядок слов в «Луге Духовном» могли оказывать определенное влияние и стратегии, используемые автором для передачи информации, с краткого описания которых имеет смысл начать рассмотрение факторов, влияющих на порядок слов в тексте Иоанна Мосха.

§59. Порядок слов как один из элементов стратегии нарративности. Создавая «Луг Духовный», Иоанн Мосх, по-видимому, ставил перед собой две тесно связанные друг с другом задачи:

1. написать свое произведение так, чтобы оно было доступно любому читателю или даже слушателю независимо от уровня его образования;
2. интерпретация мыслей автора всегда должна быть однозначной.¹

Естественно, это находит свое выражение во многих языковых аспектах, например, в употреблении «разговорных» форм имени и глагола, часто идущих в разрез с классическими нормами (см. главу 1). В то же время для облегчения понимания порой используются известные (и, вероятно, популярные) сюжеты, такие, например, как история о перстне в главе CLXXXV [OPELT 1964] или повествовательные модели, применяемые в сказках и рассказах.² Эти модели находят свое отражение не только в принципе отбора и подачи материала, но и на уровне синтаксиса. В §50 отмечалось, что нередко рассказы Мосха начинаются с фразы с порядком VS (см. пример 2.5), и, вероятно, эти примеры следует трактовать как проявление определенных стратегий нарративности, оказывающихся своеобразным «вовлечением» слушающего в повествование (см. сн. 2 на с. 76). Это явление встречается во многих языках: русск. *Жил да был...*, англ. *There*

¹ Мосх часто несколько раз повторяет мысль, кажущуюся ему важной.

² Например, мотив троекратного повторения: в гл. I Иоанн Креститель дважды повелевает заболевшему старцу Иоанну остаться в пещере и только потом, видя неуступчивость старца, признается, кто он такой, и повелевает еще раз, и старец подчиняется; в гл. III Иоанн Креститель дважды обращается к пресвитеру Конону с просьбой вернуться в монастырь и потерпеть, обещая помощь. И лишь в ответ на упрек Конона насчет невыполнения Иоанном Крестителем своих обещаний тот освобождает пресвитера от похоти. О мотиве чуда в «Луге Духовном» см. [KNAPP 1971; ROUGE 1968].

was a . . . , франц. Il y avait un . . . ; и даже в таком языке с фиксированным порядком слов, как немецкий, встречается аналог этой конструкции с редупликацией субъекта: Es war ein Mensch . . . В тексте Мосха рассмотрение подобной конструкции ставит перед исследователем ряд трудностей.

Во-первых, в одних случаях в начале рассказа данная стратегия используется, а в других (в частности, в примере 2.6) нет. В единичных примерах это можно объяснить присутствием указания на определенность:

(2.21) ἄλλος γέρων_S ἦν_V ἐν αὐτῷ τῷ τόπῳ

‘Другой старец был в этом месте. . .’ (PG 2853C1)

Если сравнить с вышеприведенными примерами из других языков, можно отметить, что везде речь идет о неопределенном персонаже, о чем, в частности, свидетельствует обязательное употребление неопределенного артикля (в тех языках, где имеется артикль). В примерах из «Лука Духовного» на месте неопределенного артикля встречается неопределенно-личное местоимение *τις* (см. § 26):

(2.22) ἦν_V *τις* ἀναχωρητῆς_S εἰς τὰ σπήλαια

‘Жил **один** (букв. **некий**) отшельник в пещерах. . .’ (PG 2860B1)

В примере 2.21 вместо *τις* стоит ἄλλος в функции детерминатива: перед тем как выбрать нужного старца из всего множества существующих старцев, необходимо исключить того, о котором выше шла речь. Таким образом, ἄλλος γέρων, в отличие от *τις γέρων*, является не любым старцем, а представителем какой-то, пускай даже очень большой, группы старцев. Однако в большинстве случаев, как в вышеупомянутом примере 2.6, подобные объяснения не проходят, и открытым остается вопрос о синонимии между примерами с порядком VS и SV.

Во-вторых, истории (главы) «Лука Духовного» часто начинаются со слов: «Рассказал нам. . .», где порядок слов также может варьироваться:

(2.23) {Ὁ ἀββᾶς Πολυχρόνιος_S διηγήσατο_V ἡμῖν_O, λέγων

‘Авва Полихроний **рассказал нам**, говоря. . .’ (PG 2856C5)

(2.24) Διηγήσατο_V ἡμῖν_O τις φιλόχριστος

‘Рассказал нам один христолюбец. . .’ (PG 2888D1)

Естественным образом возникает вопрос о семантическом различии между двумя примерами и о присутствии в (2.24) таких же нарративных стратегий, что и в (2.5) и (2.22). Фактически, в (2.24) встречается инверсия, явление, которое иногда тоже можно рассматривать как одну из нарративных стратегий: например, в «Луге Духовном» встречается сочетание инверсии и Praesens historicum:

(2.25) Καὶ δὴ ὡς περὶ ὥραν ἐνάτην τῇ δευτέρῃ ἡμέρᾳ, θεωρεῖν ὁ ἀδελφός τις α

‘И действительно, где-то около часа девятого на второй день видит брат кого-то. . .’ (PG 2872C14–15)

Частичная инверсия и употребление настоящего времени вместо прошлого придают рассказу динамичность, выделяя изменения сюжета;¹ но это, очевидно, совсем не то, что можно наблюдать в примерах 2.5 и 2.22, где инверсия не является синтаксическим проявлением кульминации. Несомненно, и в (2.24) кульминация отсутствует. Приходится признать, что последний пример не поддается однозначной интерпретации.² Однако для многих подобных случаев можно найти достаточно простое объяснение. Часто изменение порядка слов в первом предложении (истории), где говорится о рассказчике, вызвано устойчивым характером выражения:

(2.26) Διηγήσατό_V τις τῶν Πατέρων

‘Рассказал один из отцов. . .’ (PG 2881B4)

Можно возразить против предложенного здесь объяснения, сказав, что неопределенно-личное местоимение τις является энклитикой и, следовательно, не может занимать первое место в предложении:

¹ Ср., напр.: русск. *И вот видит он. . .*

² Частично порядок слов здесь можно объяснить, используя данные Г. Данна, согласно которым на протяжении веков в древнегреческом языке происходило очевидное передвижение глагольной формы в предложении [DUNN 1989]; подробнее см. §66. Впрочем, это бесспорно верное утверждение не объясняет, почему в примере 2.23 встречается порядок SV, а в 2.24 — VS.

(2.27) (*)τις τῶν Πατέρων διηγήσατο

В то же время изменение порядка элементов внутри NP также не представляется возможным для греческого языка:

(2.28) *τῶν Πατέρων τις διηγήσατο

Впрочем, устойчивый характер выражения подтверждается сравнительной многочисленностью случаев, когда рассказы начинаются именно по этой или более развернутой модели (с добавлением косвенного дополнения):

(2.29) Διηγήσατο ἡμῖν_{οι} τις τῶν γερόντων

‘Рассказал нам один из старцев...’

(*PG* 2900B1; ср., напр., с *PG* 2884C9, 2913C12, 2985C1)

Тот факт, что изначально порядок слов в предложениях типа (2.26 и 2.29) строился согласно закону Ваккернагеля, не вызывает сомнения. Закон Ваккернагеля, как можно будет убедиться в §66–77, функционировал в «Луге Духовном», и при реконструкции неграмматического предложения в (2.27) звездочка намеренно была поставлена в скобки, поскольку в тексте удалось обнаружить такой пример:

(2.30) Τίς τῶν γερόντων διηγήσατο ἡμῖν

‘Один из старцев рассказал нам...’ (*PG* 2897D1)

Согласно древнегреческой норме, если τίς писалось с ударением и стояло в начале предложения, это было вопросительное местоимение. В (2.30) τίς явно является неопределенно-личным местоимением в статусе проклитики. Если исключить ошибку в рукописной традиции, что представляется маловероятным,¹ данный феномен следует понимать как отражение просодических изменений в греческом языке, и, следовательно, закон Ваккернагеля мог оказываться лишь одним из вариантов правил постановки

¹ Как свидетельствуют, в частности, разночтения, указанные Котельером (см. § 12–16 и Приложение II) переписчик мог допустить орфографическую или даже синтаксическую ошибку, поменять модель формообразования, поправить стиль или заменить слово синонимом, однако неправдоподобно, чтобы он изменял фразу целиком, меняя местами ее составляющие.

слов, правда, вероятно, наиболее авторитетным, по крайней мере, в письменном тексте, поскольку соответствовал представлению о древнегреческой норме. Использование закона Ваккернагеля следует более всего ожидать в устойчивых конструкциях, сформировавшихся до начала коренных изменений в просодической системе.

Часто появление порядка VS можно объяснить наличием у субъекта развернутого определения:

- (2.31) {Διηγῆσατο ἡμῖν}_{VP} {₁{₂ ἄββᾶς Λεόντιος}_{2S} {τοῦ κοινοβίου τοῦ ἁγίου Πατρὸς ἡμῶν Θεοδοσίου}_{3DET}}_{1NP}, λέγων
 ‘Рассказал нам авва Леонтий **из обители святого отца нашего Феодосия**, говоря. . .’ (PG 2856B8–9; ср., напр., с PG 2876A1–2, 2892C13–4, 2904A1–2)

Изменение порядка слов должно было бы либо разорвать NP (*S VP DET), либо переместить VP слишком далеко от подлежащего (S DET VP). Если первое представляется вовсе невозможным, поскольку делает предложение непонятым, то второе нередко встречается, но не в «Луге Духовном», автор которого стремится сделать текст наиболее доступным и понятным. Показательно, что наличие у подлежащего даже нераспространенного дополнения может иногда приводить к порядку VS:

- (2.32) {Διηγῆσατο ἡμῖν}_{VP} {₁{₂ ἄββᾶς Ἰλίας}_{2S} {ὁ βωσχός}_{3DET}}_{1NP}
 ‘Рассказал нам авва Илия, **воск. . .**’ (PG 2865B1; ср. с PG 2908B5)

Принцип доступности текста и однозначности его интерпретации, несомненно, не является основным в выборе порядка слов, однако его следует по возможности учитывать при изучении синтаксических особенностей художественного текста.¹

¹ Один из ярких примеров того, как порядок слов, напротив, создает неоднозначность интерпретации — язык Нового Завета. Майкл Палмер приводит следующую цитату из *Rom. VIII.2*: {ὁ γὰρ νόμος τοῦ πνεύματος τῆς ζωῆς}_{NP} ?ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ? {ἠλευθήρωσέν σε}_{VP}. Понимание предложения зависит от того, куда будет отнесено словосочетание ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ ‘в Иисусе Христе’ — к NP (‘ибо закон

§60. Маркированность и средства ее выражения. Выше уже несколько раз появлялось слово «эмфаза», однако до сих пор так и не было сказано, что конкретно под этим понимается и зачем это понятие (явление?) вводится в рассмотрение. Были упомянуты две формулировки, данные П. Макриджем (см. сн. 2 на с. 74), где об эмфазе говорилось, с одной стороны, как о семантическом явлении, выделяющем одно или несколько слов, а с другой — как о семантическом аналоге ударения (речь, по-видимому, идет о фразовом ударении). С первым определением можно полностью согласиться; второе же представляется спорным в связи с тем, что неизвестно, как П. Макридж понимает сам термин ‘фразовое ударение’. Несомненно, между эмфазой и фразовым ударением существует связь, о чем, в частности, свидетельствует следующий факт: в праиндоевропейском языке сильной позицией в предложении¹ (= местом фразового ударения) была начальная, что сохранилось во многих индоевропейских языках.² В древнегреческом языке и в койне эта позиция³ отводилась под глагольные формы в повелительном наклонении, восклицательные слова или частицы,⁴ то есть синтаксические элементы, наиболее выраженные семантически. Подобное наблюдается и в «Луге Духовном»:

(2.33) **Ποίησον**_{Vimp} ἀγάτην_O, ἀδελφέ

‘Сделай одолжение, брат...’ (PG 2856D6–7)

В примере 2.33 на первой позиции находится глагольная форма в повелительном наклонении, вслед за которой стоит управляемое ей существительное. Модель Vimp + O = VimpO справедлива (почти?) для всех примеров из «Луга Духовного». Пост-

Духа Жизни в Иисусе Христе освободил тебя’) или к VP (‘ибо закон Духа Жизни освободил тебя в Иисусе Христе’) [PALMER 1995:40–41]. Подобная ситуация в тексте Иоанна Мосха практически невозможна.

¹ Имеется в виду невопросительное предложение с нейтральным порядком слов.

² Это выражается, например, в тенденции оставлять вторую позицию во фразе для клитик; подробнее см. [MEILLET, VENDRYES 1948:580i] и § 66.

³ Т. М. Николаева даже определяет ее как топик [НИКОЛАЕВА 1996:18].

⁴ Ср. с наблюдениями Г. Данна, который приводит пример ῶ μοι_{Oр} (после восклицательной частицы стоит местоименная энклитика) как доказательство существования связи между постановкой энклитик и фразовым ударением [DUNN 1989:2].

позиция объекта всегда контактна, кроме двух случаев: $V_{\text{imp}} + O + CL = V_{\text{imp}} CL O^1$ или $V_{\text{imp}} + O + Op = V_{\text{imp}} Op O$:

(2.34) **Εἰπέ**_{V_{imp}} μοι_{Op} τὴν αἰτίαν_O
'**Скажи** мне причину' (PG 2905B4)

Восклицательные слова также занимают первую позицию в тексте *Мосха*:

(2.35) **Ὁὐαὶ** ἡμῖν, ἀδελφέ
'**Горе** нам, брат...' (PG 2905C7)

Приведенные выше примеры, подтверждая существование связи между эмфазой и фразовым ударением, не указывают, тем не менее, на то, что эмфазу и фразовое ударение следует рассматривать как нечто единое. В то же время не совсем ясно, как эти два явления связаны между собой.

Похожую проблему — а именно, связь фразового ударения с категорией **определенности/неопределенности** — затрагивает Н. С. Поспелов, разбирая ее на материале четырех русских примеров [ПОСПЕЛОВ 1970]:

(2.36) *Поезд пришел* (сообщение о прибытии поезда)

(2.37) **Поезд**_{фУ} *пришел* (а ждали чего-то другого)

(2.38) **{Пришел поезд}**_{фУ} (какой-то, которого не ждали)

(2.39) **Пришел**_{фУ} *поезд* (его очень ждали)

На основании этих примеров можно сделать вывод, что определенность слова возникает при отсутствии на нем фразового ударения, причем определенность неударного слова подчеркивается при инверсии. При наличии ударения значение оказывается более неопределенным, и эта неопределенность усиливается при инверсии [ПОСПЕЛОВ 1970:189]. Это заключение представляется вполне обоснованным [КОВТУНОВА 1976:10], тем более

¹ См. пример 2.13: Ποίσατε_{V_{imp}} οὖν_{CL} ἔλεος_O. Порядок элементов в случае $V(\text{imp}) + O + CL + Op$ рассматривается в §72. Здесь лишь стоит отметить, что обе клитические формы оказываются у *Мосха* между глагольной формой и дополнением.

что к похожим выводам приходит и Т. М. Николаева [НИКОЛАЕВА 1979:170]. Однако в более поздней работе, анализируя примеры, приведенные Н. С. Пospelовым, она отмечает, что определенность может быть связана с просодическим выделением [НИКОЛАЕВА 1982:18; 2004]. При этом Т. М. Николаева предлагает различать два просодических явления: **фразовое ударение** и **акцентное выделение**. Акцентное выделение — это обозначение «активной для восприятия выделенности просодическими средствами какого-нибудь слова во фразе» [НИКОЛАЕВА 1982:3]. Фразовое ударение присутствует **всегда** и является средством, придающим фразе цельнооформленность (что, в сущности, сближает фразовое ударение со словесным):

(2.40) *Он завернул за угол дома*_{ФУ}

(2.41) *Он завернул за угол дома дяди*_{ФУ}

(2.42) *Он завернул за угол дома дяди матери*_{ФУ}

(2.43) *Он завернул за угол дома дяди матери друга*_{ФУ}
и т. д.

При добавлении новых слов, на них переносится информационный центр высказывания, однако они не становятся центральным ядром высказывания и, следовательно, не выделяются [НИКОЛАЕВА 1982:9]. Таким образом, фразовое ударение и акцентное выделение оказываются разноплановыми явлениями, причем эмфаза связана лишь с последним.¹

¹ Ср. с примерами Т. М. Николаевой: *Это мог сделать либо ваш сын, либо ваш брат! — Ну за сына*_{АВ} *я ручаюсь и Яблоки*_{АВ} *купите, другие фрукты мы не любим* [НИКОЛАЕВА 1982:19 и сл., 29]. Эти примеры свидетельствуют о том, что акцентное выделение, в отличие от фразового ударения, может оказываться и на определенных словах, а не только на неопределенных. Выделение двух явлений вместо одного позволяет Т. М. Николаевой иначе подойти к интерпретации примеров, указанных Н. С. Пospelовым, причем к изначальным четырем она добавляет еще два:

(i) *Поезд пришел* (только ФУ)

(ii) *Пришел поезд* (только ФУ)

(iii) *Поезд*_{АВ} *пришел* (а ждали чего-то другого)

(iv) *Пришел*_{АВ} *поезд* (наконец-то)

(v) *Поезд пришел*_{АВ} (все-таки пришел)

Возвращаясь к «Лугу Духовному», стоит отметить, что различие фразового ударения и акцентного выделения оказывается не столь однозначным, как в приведенных в сн. 1 на с. 98 русских примерах. Особенно это касается случаев VimpO. Несомненно, на глагольной форме в повелительном наклонении лежит ударение, однако не очень понятно, является оно фразовым или это акцентное выделение (а, возможно, и сочетание обоих). Если здесь только фразовое ударение, то порядок VO, безусловно, можно считать нейтральным, но намек на логическую выделенность формы императива также позволяет говорить о маркированности. Возникает вопрос, как изменится интерпретация примеров в том случае, если признать, что эмфаза не является обязательной семантической составляющей любого предложения. Можно пойти даже дальше и сказать, что эмфаза и маркированность не одно и то же: маркированность представляет собой состояние логической (или семантической) выделенности, эмфаза же является набором нескольких несложных процедур, приводящих к выделенности (маркированности). Можно выделить четыре основные процедуры.

§61. Заполнение факультативной валентности полноударным словом. Прежде всего, имеется в виду употребление в функции подлежащего личных местоимений со значением ‘я’, ‘ты’ (и, в меньшей степени, прочих), которые обычно опускаются как избыточные:

(2.44) Λάβε ταῦτα, καλόγηρε, **καὶ γὼ**_{(S)Mark} ἀλλαχοῦ οἰκονομοῦμαι
 ‘Возьми это [себе], старче, **я** и (букв. и **я**) в другом месте найду то, что нужно’ (PG 2860A13–14)

Если здесь на маркированность субъекта указывает противопоставление (я↔ты), то во многих примерах признаком логической выделенности оказывается наличие определения у субъекта:

(2.45) {ἀνακειμένος_{DET} ἐγὼ_S}_{Mark} γίνομαι ἐν ἐσχάτῳ
 ‘... **лежа** (букв. **лежащий**), **я** пришел в восхищенное состояние...’ (PG 2864A14)¹

(vi) *Пришел поезд*_{AB} (не то, что вы думали) [НИКОЛАЕВА 1982:19–20].

¹ Ср.: οὐκ οἶδα {ἐγὼ ὁ ταπεινός_{DET}}_{Mark} ‘...не знал **я**, несчастный’ (PG 2872C6–7).

Вероятно, выбор между сильными и слабыми местоименными формами можно описывать в рамках той же процедуры (см. § 105).

§62. Вставка частиц. Иногда маркирование происходит путем вставки синтаксических энклитиков:

(2.46) Εἰ {δέ_{CL} εὔρεν}_{Mark} γυμνὸν, {καὶ_{CL} τὸ ἱμάτιον
ὃ ἐφόρει}_{Mark} ἐδίδου αὐτῷ

‘Если же встречал [старец кого-нибудь] нагого, то и платье, что на нем было одето, отдавал ему’ (PG 2869C9–10)¹

Следует отметить два момента: во-первых, вставка синтаксических энклитиков часто свидетельствует о том, что маркируется не одно слово, а целая часть предложения (это происходит в основном предложении),² а во-вторых, нередко процедура вставки употребляется в комбинации с другими процедурами — **процедурой перемещения синтаксического элемента** (см. § 64), которая встречается также в основном предложении; ср с примером 2.47:

(2.47) {Ἔτι δέ_{CL} καὶ τοῦτο_O}_{Mark} εἶπεν ὁ αὐτὸς γέρων

‘Еще же и это рассказал тот же самый старец...’ (PG 2864B13)

или **процедурой заполнения факультативной валентности**:

(2.48) Διὰ μίαν ὥραν ὅλον ἔχεινον τὸν κάματον θέλεις ζημιωθῆναι;
{Ἔγὼ δέ_{CL}}_{Mark} ἀπὸ τῆς πολλῆς δυσωδίας ἔπεσα εἰς τὴν γῆν

‘Ради одного часа весь тот труд хочешь погубить?». Я же от сильного зловония упал на землю’ (PG 2865D3–5)

¹ Следует различать *καί* в роли маркера (как в данном примере) от сочинительного союза со значением ‘и’, непопадающего в сферу маркирования; ср. со следующим: Καὶ {τὰς αὐτὰς εὐλογίας}_{(O)Mark} προέθηκαν ἐν τῷ δίσκῳ ἐν τῷ ἀγίῳ θυσιαστηρίῳ οἱ διάκονοις ‘И те же самые хлеба возложили на тарелках на святой престол диаконы’ (PG 2869D6–7).

² Это объясняется тем, что синтаксическая энклитика, в отличие от глагольной, относится ко всему предложению, являясь модальной частицей или служебным словом; см. также § 66.

Такая контаминация легко объяснима: $\delta\acute{\epsilon}$ является показателем наличия противопоставления, причем маркированным оказывается именно тот элемент (или группа элементов), который непосредственно участвует в противопоставлении. В примере 2.48 противопоставление затрагивает субъект (с одной стороны, кто-то, сияя святостью, обращается с репликой к авве Илие, а с другой стороны, сам авва Илия падает на землю, пораженный зловонием показанных ему гниющих тел грешников), что не позволяет оставить эту позицию пустой.

§63. Вставка лексических маркеров. В роли таких маркеров могут выступать указательные местоимения (см. пример в сн. 1 на с. 100), местоимение $\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ в примере 2.21 или даже наличие определения (2.32). По-видимому, данная стратегия маркирования является наиболее слабой, и выделяемое с ее помощью ядро высказывания обычно просто оказывается ремой, не неся никакой существенной информации.

§64. Перемещение синтаксических элементов. Выше неоднократно говорилось об изменении порядка слов как средстве логического выделения.¹ Данная стратегия наиболее трудна для описания, особенно на материале древних и средневековых текстов. Несмотря на то, что для «Луга Духовного» пока так и не удалось определить нейтральный порядок слов, забегая немного вперед, можно сказать, что, скорее, OV следует считать эмфатическим, чем VO, потому что у Мосха, как во многих позднеантичных и ранних византийских текстах, наблюдается явная тенденция к постпозиции местоименной клитики относительно управляющего глагола, причем это утверждение справедливо не только для инфинитива и форм повелительного наклонения. Данную ситуацию можно интерпретировать как стремление к контакту синтаксически связанных слов. Следовательно, и дистантность может рассматриваться как показатель маркированности; ср. с примером 2.20. Однако в случае вставки полноинформативного элемента (в примере 2.20 — это подлежащее), не совсем ясно, ка-

¹ Примером изменения порядка слов как процедуры маркирования может служить пример в сн. 1 на с. 100; ср. также со следующим: $\kappa\alpha\iota\ \eta\theta\acute{\epsilon}\lambda\eta\sigma\epsilon\nu\ \acute{\alpha}\varphi\omicron\rho\iota\sigma\iota\alpha\ \delta\iota\acute{\alpha}\kappa\omicron\nu\omicron\nu\ \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\alpha\ \acute{\epsilon}\pi\iota\ \tau\tilde{\omega}\ \alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}$. 'Αλλὰ τοῦτο_{(O)Mark} οὐκ ἐποίησεν_V διὰ τὸ μὴ ἐπιδέχεσθαι τὸν τρόπον '... и [архиепископ Петр] пожелал определить дьяконом женщину для такого дела. Но **этого** не сделал, ибо не позволяли правила' (PG 2853D10–2).

кой элемент, собственно, маркируется, отделяемый или разделитель.¹ Таким образом, вопрос маркированной/немаркированной взаимной позиции подлежащего и сказуемого остается открытым.

§65. Подводя итог описанию процедур маркирования в «Луге Духовном», важно отметить, что обнаружение в тексте описанных выше процедур может служить формальным признаком вероятного присутствия маркированности, но не позволяет обнаружить маркированный элемент или группу элементов без проведения дополнительного анализа.

Остается еще один вопрос. При разделении понятий 'акцентное выделение' и 'фразовое ударение' оказывается не совсем понятным, что происходит с фразовым ударением при появлении акцентного выделения и возможна ли такая ситуация, чтобы в предложении фразовое ударение находилось в одном месте, а акцентное выделение в другом. Скорее всего, подобная ситуация маловероятна. Фразовое ударение как средство организации фразовых элементов совпадает с местом акцентного выделения, то есть акцентное выделение может приводить к сдвигу фразового ударения. Утверждение о совпадении позиций этих двух разных явлений придает новую остроту поиску места фразового ударения, что, с одной стороны, способствует определению нейтрального порядка слов, а с другой — позволяет иначе подойти к понятию эмфазы. Для этого ниже (§ 66–77) рассматривается действие закона Ваккернагеля в тексте Иоанна Мосха.

§66. Закон Ваккернагеля в «Луге Духовном»: общие положения. В 1892 г. швейцарский индоевропеист Якоб Ваккернагель в первом номере журнала «Indogermanische Forschungen» опубликовал свои наблюдения, посвященные порядку слов в древнегреческом, индоиранском и латинском языках и отметил, что эти языки дают основание вывести следующую закономерность: **безударные элементы (энклитики) занимают вторую позицию в предложении (Satz), примыкая к полноударному слову** [WACKERNAGEL 1892]. Эта закономерность, известная как

¹ Сюда намеренно не отнесена рассмотренная выше процедура вставки частиц, так как, во-первых, при вставке частиц не происходит изменения порядка слов, а во-вторых, разделитель сам по себе никогда не маркируется, хотя и здесь часто можно спорить относительно того, какой элемент маркируется — левый или правый.

Закон Ваккернагеля,¹ хотя и была выявлена на материале индоевропейских языков, оказывается справедливой и для ряда неиндоевропейских.² В последнее время формулировка закона Ваккер-

¹ Я. Ваккернагель отмечает, что до него Бертольд Дельбрюк [DELBRÜCK 1878: 47] выявил эту закономерность на материале древнеиндийской литературы [WACKERNAGEL 1892:402; 1926:46]. Поэтому было даже высказано предложение переименовать закон Ваккернагеля в **закон Дельбрюка и Ваккернагеля** [COLLINGE 1985:218]. Однако, как правильно отмечается в [JANSE 1987:2646], помимо Б. Дельбрюка, Я. Ваккернагель упоминает и других ученых: в частности, латиниста Карла Райзига и индоираниста Шарля Бартоломэ. По мнению М. Йансе (*Ibid.*), очень важную роль в обнаружении этой закономерности сыграл Абель Бергэн, имя которого Я. Ваккернагель также указывает [WACKERNAGEL 1892:342]. Этот исследователь заметил аналогичное явление в санскрите и древнегреческом (а также отдельные следы в немецком придаточном предложении). А. Бергэн отметил, что данная закономерность прежде всего коснулась анафорических местоимений, которые должны были находиться как можно ближе к предыдущему предложению, чтобы не утратить с ним связь [BERGAIGNE 1879:177]. Далее А. Бергэн выдвинул предположение о том, что и прочие местоимения с некоторыми частицами передвинулись по аналогии на ту же позицию и утратили свое ударение [BERGAIGNE 1879:178]. С этой гипотезой нельзя согласиться (Я. Ваккернагель отвергает это предположение, утверждая, что объяснение А. Бергэна не годится для неанафорических местоимений, которые занимают вторую позицию в предложении просто потому, что они безударны [WACKERNAGEL 1892:351–367]; развивая тезис Я. Ваккернагеля, М. Йансе считает, что, если бы А. Бергэн был прав, анафорические местоимения должны были занимать первую позицию в предложении [JANSE 1987:2646]). Несмотря на эти недостатки, исследование А. Бергэна оказывается первой работой, где рассматриваемое явление было описано как общиндоевропейское. Остается только сожалеть, что в связи со смертью автора исследование не было завершено.

Другим исследователем, «обогнавшим» Я. Ваккернагеля, был Анри Вейль, который заметил, что слабые слова примыкают к ударным, чем, в свою очередь, делают последние более заметными [WEIL 1879:96]. По его мнению, ударные слова в особенности занимают место в самом начале или конце предложения, то есть непосредственно перед или после «передышки голоса» — паузы [WEIL 1879:90–91]. Показательно, что первое издание работы А. Вейля появилось в 1844 г. (sic!).² Вероятно, первым на это обратил внимание Е. Курилович, который отметил, что закон Ваккернагеля можно рассматривать как типологическую универсалию [KURYŁOWICZ 1958]. На данный момент установлено, что закон Ваккернагеля действовал в гомеровском древнегреческом, ведическом, авестийском, армянском, хеттском [BUBENIK 2001], персидском [BUBENIK 1994], древнерусском [ЗАЛИЗНЯК 2008], а сейчас его следы наблюдаются во многих западно- и южнославянских языках (в частности, в сербохорватском, болгарском, македонском [ALEXANDER 1994], чешском и словацком), дегема [KARI 2001], пушту [ROBERTS 1996, KOPRIS, INTERNET], тагальском [ANDERSON 2005:165f; INTERNET], ряде австралийских языков семьи Пама-Ньюган, и число этих языков постоянно растет; подробнее см. [ЦИММЕРЛИНГ 2002:69 и сл.], где также имеются библиографические ссылки, и библиографии [NEVIS ET AL. 1993; JANSE 1994b].

нагеля стала вновь объектом исследования, а сам закон иногда подвергается критике. Т. М. Николаева даже называла его классическим примером «того научного мышления, при котором существуют лишь слова, ударные и безударные, но никак не интонация как система» [НИКОЛАЕВА 1996:18],¹ и противопоставляет ему исследование Грэма Данна, где по древнегреческим текстам прослеживается, какую позицию занимает энклитика и как эта позиция меняется хронологически [DUNN 1989]. Сначала Г. Данн подходит к рассмотрению энклитик с точки зрения закона Ваккернагеля и на основании проведенных подсчетов в главном и придаточном предложениях делает вывод, что в период от 750 г. до н. э. по 100 г. н. э. закон Ваккернагеля постепенно перестает определять позицию местоименных энклитик [DUNN 1989:8, 16]. Эти подсчеты позволяют утверждать, что к I в. н. э. местоименные энклитики постепенно сдвигаются за глагольную форму, поскольку происходит смещение фразового ударения с начала предложения на глагол [DUNN 1989:10, 16], что подтверждается и новогреческим состоянием.²

Данные, приводимые Г. Данном, нельзя рассматривать как доказательство того, что в позднем койне вообще перестает действовать закон Ваккернагеля; они лишь показывают, что по разным причинам позиция местоименных энклитик в позднем койне может также определяться и другими принципами (о которых особо будет сказано в главе 3), нежели те, по которым рас-

¹ В своей последней работе Т. М. Николаева более подробно описывает противоречия закона Ваккернагеля [НИКОЛАЕВА 2008:153–154], среди которых можно отметить существенное замечание о нечеткости понятия 'вторая позиция'. В частности, неясно, какова протяженность второй позиции, то есть сколько слогов она может занимать (ср. с определениями закона в сн. 1 на с. 108). Хотя и в этой работе отмечается, что при современных экспериментальных интонологических данных трудно «начать мыслить категориями эпохи Ваккернагеля» [НИКОЛАЕВА 2008:165] (см. также сн. 4 на с. 109), на с. 151–152 Т. М. Николаева говорит о законе Ваккернагеля как об одном «из немногих „законов“ лингвистики {...}, не потерявших свою злободневность и сегодня», а на с. 165, подводя итог критическим замечаниям, утверждает, что «все-таки закон Ваккернагеля безусловно существует».

² Исследование Г. Данна подтверждает приведенное в § 23 утверждение Т. М. Николаевой, согласно которому греческий язык периода позднего койне представляет собой третий этап просодической эволюции.

полагаются частицы.¹ Хотя сам Я. Ваккернагель, говоря об энклитиках, не выделяет отдельно слабые формы местоимений, относительно недавно поднятый вопрос о неоднородности клитик, представляется весьма актуальным. Наиболее распространенным можно считать разделение на **сентенциальные** и **глагольные** клитики. Первые представляют собой «просодически ослабленные слова, семантически относящиеся к вершинному предикату некоторой пропозиции, но синтаксически независимые от него и при отсутствии возмущающих явлений занимающие место после первого ударного слова/первого члена предложения и образующие с предыдущим словом, словоформой-хозяином,² единую тактовую группу» [Циммерлинг 2002:70].³ Таким образом, сфера действия сентенциальных клитик оказывается шире, чем у любого другого синтаксического элемента высказывания, поэтому не имеет значения, по отношению к какой словоформе они оказываются энклитиками. В отличие от них, глагольные клитики могут объединяться только с глагольными формами, и, следовательно, их позиция в предложении определяется местом глагола. Вероятно, еще одним различием между сентенциальными и глагольными клитиками является ориентация на словоформу-хозяина. Это различие, согласно [Циммерлинг 2002:71], можно представить в виде табл. 2.4.

¹ Стоит напомнить, что исследование Г. Данна охватило только безударные формы местоимений, тогда как частицы не были рассмотрены вообще. Как свидетельствуют многочисленные примеры из «Луга Духовного» (см. ниже в настоящем параграфе и далее), частицы в этом тексте ставятся согласно закону Ваккернагеля.

² Англ. *host*; термин впервые предложен в [Zwicky 1977:9].

³ Сам А. В. Циммерлинг далее замечает, что против данного определения можно выдвинуть возражение в связи с тем, что часть сентенциальных энклитик может притягивать на себя ударение, напр., просторечн. русск. *родилсѧ, взялся, и не на воз же́ (там же)*; см. также приводимые автором библиографические ссылки). Однако указанное явление может быть объяснено механическим усилением крайне правого или крайне левого слога, а не является эмфатическим выделением словоформы как важного коммуникативного элемента. Кроме того, подобный переход ударения не встречается в греческом языке, поэтому определение, предложенное А. В. Циммерлингом, можно принять без оговорок.

Необходимо указать на одну графическую особенность греческих сентенциальных энклитик: многие из них (напр., γάρ 'ибо', δέ 'же') не были отнесены александрийскими грамматиками к безударным словам и поэтому традиционно пишутся с ударением.

Таблица 2.4. Типы клитик, исходя из их ориентации на словоформу-хозяина.

	Проклитики	Энклитики
Сентенциальные клитики	?	+
Глагольные клитики	+	+

Данный критерий показывает недостаточность выделения только двух типов клитик: во-первых, союзы, не являющиеся глагольными клитиками, могут занимать первую позицию в предложении, становясь при этом проклитиками (например, *ei* ‘если’); во-вторых, если следовать этому критерию, притяжательные местоимения типа *meum* ‘мой’ следует считать сентенциальными энклитиками, поскольку они не могут быть проклитиками. Естественно, такие клитики не являются сентенциальными, поскольку относятся лишь к одному слову или именной группе, а не к предложению в целом и не привязаны ко второй позиции. Более того, как показывают уже упоминавшиеся наблюдения Г. Данна, местоименные клитики, по крайней мере, начиная с эпохи койне, нельзя считать в полной мере сентенциальными клитиками (ср. с примером 2.51 и комментариями к нему). Столкнувшись с подобной проблемой на латинском материале, Джеймс Адамс предлагает выделять три типа (эн)клитик: **сентенциальные** (*autem* ‘же’, *enim* ‘ведь’, *igitur* ‘итак’, -*ne* ‘ли’), **внутренние** или **несентенциальные**¹ (*quidem* ‘же’) и **слабые формы местоимений**. Можно отметить, что сентенциальные клитики в латинском языке с большей обязательностью занимают вторую позицию в предложении, чем несентенциальные, так как местоположение последних зависит от позиции словоформы-хозяина [ADAMS 1994 (особенно гл. I); JANSE 1994c; 1997; 2000; SALVI, INTERNET].

¹ Internal или non-sentential. В отличие от сентенциальных, сфера действия внутренних или несентенциальных клитик направлена не на предложение в целом, а только на словоформу-хозяина. К этому типу, по мнению Дж. Адамса, относится и копула *esse* ‘быть’. А. А. Зализняк называет этот тип (эн)клитик **специальными**, в отличие от **основных** (которые в этой книге принято называть сентенциальными) [Зализняк 2004:45]. **Глагольные** клитики, скорее всего, можно считать разновидностью специальных или внутренних (несентенциальных) клитик. Их особенностью является направленность сферы деятельности не на любую словоформу-хозяина, а **только** на глагол.

Если обратиться к материалу «Луга Духовного», можно заметить, что частицы (сентенциальные энклитики) часто занимают вторую позицию в предложении: Ποιήσατε οὖν_{CL} ἔλεος (пример 2.13), Ταῦτα δέ_{CL} ἡμῖν διηγῆσατο (2.14); ср., например, с (2.46–2.48). Несентенциальные (внутренние) клитики, типа μου ‘мой’ и σου ‘твой’ почти никогда не занимают вторую позицию в предложении, поскольку ориентированы, в том числе и синтаксически, на определенную словоформу:

(2.49) ἔχρουσέν τις τῷ σπηλαίῳ μου_{CL}
 ‘... постучался кто-то в пещеру **мою**’ (PG 2865B6)

Как видно из примера 2.49, безударная форма местоимения τις, напротив, занимает вторую позицию. Следует, правда, оговориться, что под термином ‘местоименная (эн)клитика’ традиционно понимается не любое безударное местоимение, а только слабые формы личных местоимений в косвенных падежах [BORER 1992].

В «Луге Духовном» местоименные клитики иногда оказываются на второй позиции в предложении: Εἰπέ_V μοι_{Op} τὴν αἰτίαν (2.34), однако, несомненно, их «поведение» в тексте Мосха принципиально отличается от древнегреческой ситуации:

(2.50) τότε μοι_{Op} ἀδελφός λέγει_V
 ‘... тогда **мне** брат говорит...’ (Prot. 310B)

(2.51) Ὅτε ἦλθον Βάρβαροι εἰς τὴν Σκῆτιν, ἀνεχώρησα, καὶ ἦλθον εἰς τὰ μέρη Γάζης, καὶ ἔλαβόν_{Vfin} μοι_{Op} κελλίον εἰς λαύραν
 ‘Когда варвары пришли в Скифию, [я] удалился и пришёл в область Газы, и взял **себе** (букв. **мне**) келью в лавре’
 (PG 2909B4–6)

В примере из Платона (2.50) словоформой-хозяином по отношению к местоименной энклитике оказывается слово, не связанное с ним синтаксически, а сама местоименная энклитика занимает вторую позицию.¹ Это позволяет утверждать, что древнегреческие местоименные энклитики не были глагольными и вели

¹ Подобные примеры типичны для древнегреческого языка; ср., напр., с *Hom. Ep.* IV. 12–13, II. XVII. 399 и прочими примерами в [Красухин 1997:72 и сл.].

себя так же, как и частицы, то есть сентенциальные энклитики. В примере из «Луга Духовного» (2.51) местоименная энклитика располагается явно далее второй позиции (на девятой, если считать от начала главного предложения или третьей, если использовать понятие ‘колон’, о котором см. в этом параграфе ниже, в том числе сн. 2 на с. 110), а, кроме того, в примере 2.51 словоформа-хозяин и глагол-референт совпадают, что типично для «Луга Духовного» (см. § 96 и сл.), на основании чего здесь можно усматривать тенденцию к превращению местоименной клитики в глагольную. Ситуация, наблюдаемая в (2.51), подтверждает приводившиеся выше в данном параграфе выводы Г. Данна и свидетельствует о просодических изменениях, произошедших в период позднего койне, в результате которых местоименные клитики и стали глагольными. Открытым остается следующий вопрос: **противоречит ли закону Ваккернагеля наблюдаемый сдвиг местоименных клитик далее второй позиции?** Ответ на этот вопрос, очевидно, связан с тем, **откуда отсчитывать** вторую позицию.

При определении точки отсчета следует иметь в виду два параметра: роль клитик в предложении и их синтаксические особенности. Бернард Комри трактует закон Ваккернагеля как перемещение энклитик «на позицию между топиком (темой) и комментарием (ремой), то есть на место основной интонационной паузы в предложении».¹ Это означает, что энклитика выступает в роли маркера акцентного выделения предыдущего синтаксического элемента, занимая вторую позицию по той причине, что в предложении после ударной позиции обязательно идет спад, и отсутствие ударения привлекает сюда энклитики (см. примеры 2.46–2.48). Однако предложение не является минимальной просодической единицей, следовательно, обладает не одной ударной

¹ «... into the position between the topic (theme) and the comment (rheme) of the sentence, i. e. into the main intonation break with the sentence» [COMRIE 1980:86f]; ср. с определением закона Ваккернагеля, предложенным А. В. Циммерлингом: «Все слабоударные слова в „ваккернагелевском языке“ имеют тенденцию размещаться в спаде предложения» [ЦИММЕРЛИНГ 2002:68]; в этом отношении еще более удачной представляется интерпретация А. А. Зализняка: «Энклитики {...} располагаются так, что они составляют конечную часть первого фонетического слова (= тактовой группы) фразы» [Зализняк 2004:45].

позицией.¹ Поэтому, если сентенциальная клитика маркирует позицию, являющуюся самой ударной во всем предложении (ядерную?), то несентенциальные клитики маркируют элемент, являющийся наиболее значимым для меньшего синтактико-просодического единства. Интерпретируя закон Ваккернагеля для местоименных клитик, М. Йансе отмечает, что критика этого закона вызвана не совсем правильным пониманием терминов, использованных Я. Ваккернагелем [JANSE 2000:233]: Satz следует понимать не как ‘предложение’ (sentence), а ‘клаузу’² (clause) или даже скорее ‘интонационную группу’,³ тем более что, по словам Я. Ваккернагеля, «позиция непосредственно после первого слова связана с ослаблением ударения».⁴ Следовательно, первая позиция должна оказываться ударной (Tonstärke).⁵

Свое понимание закона Ваккернагеля М. Йансе демонстрирует на нескольких примерах [JANSE 2000:234], из которых ниже приведены два наиболее характерных:⁶

(2.52) ἀλλά με_{OP} | σός τε_{CL} πόθος | σά τε_{CL} μήδεα | φαίδιμ’
 ‘Οδυσσεῦ || σή τ’_{CL} ἀγανοφροσύνη | μελιηδέα | θυμὸν
 ἀπλήρα_V

‘... но **у** меня | **и** тоска по тебе (букв. по тебе **и** тоска), |
и мысли о тебе (букв. о тебе **и** мысли), | славный Одиссей, ||
и о твоей кротости (букв. о твоей **и** кротости) | сладкую как
 мед | жизнь похитили’ (Od. XI. 202–203)

¹ Ср. с замечанием К. Г. Красухина: «Совершенно очевидно, что в предложении может быть не одно фразовое ударение» [КРАСУХИН 1997:71].

² Ср. с определением клаузы, данным Я. Г. Тестельцом: «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки» [ТЕСТЕЛЕЦ 2001:256].

³ Как видно из примеров 2.52 и 2.53, приведенных М. Йансе, границы интонационного единства не всегда совпадают с клаузой, которая может содержать, по мнению М. Йансе, несколько интонационных единств.

⁴ «die Stelle unmittelbar hinter dem ersten Wort des Satzes mit Tonschwäche verbunden sei» [WACKERNAGEL 1892:406].

⁵ Следует, впрочем, оговорить, что сам Я. Ваккернагель, скорее всего, имел в виду как раз то, что написано в определении, и оперировал именно понятиями ‘предложение’ и ‘слово’; ср., в частности, с замечанием С. Андерсона: «It is apparent that Wackernagel’s (1892) idea of „his“ position was „after the first word,“ and not „after the first (syntactic) constituent“» [ANDERSON 2005:108].

⁶ В примерах 2.52 и 2.53 знак || обозначает деление на строки, а знак | показывает границы интонационных групп.

(2.53) καὶ οἱ_{Op1} πολλὰ δόσαν_{Vfin} | πέμπειν_{Vinf} τέ_{CL} μιν_{Op2} | ἦθελον
αὐτοῖς

‘и **ему** многое дали [они] | и проводить (букв. проводить **и**) **его** | пожелали сами’ (*Od.* XIX. 281)

В обоих примерах клитики независимо от своего типа всегда занимают вторую позицию¹ в интонационной группе (о целесообразности такого членения см. комментарии к примеру 2.59), причем местоименные клитики могут стоять как после управляющих ими глагольных форм (Op2 в примере 2.53), так и иметь неглагольную словоформу-хозяина (Op в примере 2.52; Op1 в примере 2.53). Показательно, что М. Йансе [JANSE 1987:2646, 2648; 1993a: 97f; 1993b: 19, 22; 1997:106] далеко не единственный, кто предлагает реинтерпретировать термин ‘Satz’ для лучшего понимания закона Ваккернагеля: Дж. Адамс [ADAMS 1994:2] и К. Г. Красухин [КРАСУХИН 1997:71] используют термин ‘**колон**’, описанный еще Эдуардом Френкелем, предлагавшим в серии статей под названием «Kolon und Satz» (начиная с 1932 г.) новое понимание рассматриваемой закономерности: «Эта древнейшая тенденция постановки [клитик] действует теперь как в начале предложения, так и в начале того меньшего единства, которое во многих отношениях является **отражением предложения**, то есть в начале **колона**».²

Использование понятия ‘колон’ представляется важным и при исследовании «Луга Духовного»; правда, требуется уточнить, что понимается под колоном. В «Луге Духовном» целесообразно выделять два типа колонов: **первый тип** — это группа, где вершиной является любая глагольная форма (в сущно-

¹ В примере 2.53 группа τέ μιν трактуется как цепочка клитик, занимающая вторую позицию, что не только допустимо, но даже достаточно часто встречается; ср. со следующим примером: Πιστεύσατε_V {γάρ_{CL} μοι_{Op}} ‘Поверьте же мне...’ (PG 2908D4). К. Г. Красухин отмечает, что в XIII, XVI и XVII песнях «Илиады», просмотренных Я. Ваккернагелем (всего 2465 стихов), энклитическое местоимение третьего лица единственного числа μιν 21 раз стоит на втором месте в предложении и 28 — на третьем или четвертом, но **всегда** (!) после синтаксических энклитик, таких как δέ и γάρ [КРАСУХИН 1997:72]; см. также § 72.

² «Diese uralte Stellungstendenz herrscht nun genau so wie am Anfang des Satzes auch am Anfang jener kleineren Einheit, die in mehrhafter Hinsicht ein Abbild des Satzes ist, nämlich des Kolons» [FRAENKEL 1933:319; ср.: 1966:67]. Интересно, что на много десятилетий раньше подобные наблюдения сделал и А. Вейль [WEIL 1879:96; ср.: JANSE 1987:2648].

сти — синтагма, соответствующая VP; ср. с определением клаузы в сн. 1 на с. 109); **второй тип** — это группа, где вершиной является имя (= NP). В подавляющем большинстве случаев местоименная энклитика встречается в колоне первого типа. Практически единственным обнаруженным исключением является пример 3.27, где местоименная энклитика попадает в колон второго типа: ὁ φανείς_{DET} μοι_{OP} νεανίας_N ‘явившийся мне юноша’, где местоименная энклитика примыкает к определению, выраженному, впрочем, причастной формой.¹

Итак, деление на колоны позволяет в ряде примеров интерпретировать позицию местоименной энклитики как вторую:

- (2.54) {δρακονάρης τις}_{NP} {διηγῆσάτόν μοι_{OP} λέγων}_{VP}
 ‘... {драконарий один} {рассказал мне, говоря...}’
 (PG 2868A4–5)

Однако оказывается, что деление на колоны не решает все проблемы. Во-первых, и в колоне местоименная энклитика периодически оказывается далее второй позиции:

- (2.55) Δεήθητι οὖν τοῦ Κυρίου, {ἵνα ἔργω με_{OP} πληροφορήσῃς}_V
 ‘Помолись же Господу, {чтобы [он] на деле мне показал}’
 (PG 2872C7–8)

- (2.56) ἔχεις {ποῦ λαβεῖν με_{OP}}
 ‘... у тебя есть (букв. имеешь), {где содержать меня}...’
 (PG 2892B10–11; ср. также с примерами в сн. 1 на с. 112)

Во-вторых, не всегда ясно, где проходит граница колоны:

- (2.57) ὅτι οὐδενὶ λέγεις, ἄ_{Od} μέλλω_{Vmod} σοι_{OP} λέγειν_{Vinf}
 ‘... что никому не скажешь то, что [я] намерен тебе
 рассказать...’ (PG 2900B8–9)

Строго говоря, анафорическое местоимение ἄ относится и к предыдущему колону, и к следующему. Таким образом, в примере 2.57 местоименная энклитика располагается на третьей позиции.

Еще более трудный случай представлен в (2.58):

¹ Не исключено, что ὁ φανείς μοι νεανίας следует рассматривать не как один колон (NP), а как два: {₁ὁ φανείς μοι}_{2VP} νεανίας_{1NP} (VP включена в NP).

(2.58) Ἄρα οὐκ αὐτῇ ἢ φύσις_N σε_{Op} ἔτεχεν_V;

‘Разве не та же самая природа **тебя** родила?’ (PG 2933D7–8)

Логичнее всего граница колона должна проходить между NP и VP, то есть *{Ἄρα οὐκ αὐτῇ ἢ φύσις}_{NP} {σε ἔτεχεν}_{VP}, однако это заставит трактовать се уже не как энклитику.¹

¹ Можно, правда, выдвинуть предположение, что се здесь уже не энклитика. Подобное предположение выглядит весьма интересным, так как рассмотрение OpV (имеется в виду именно **контактная** препозиция) как единства, состоящего из компонентов, **неслучайно** поставленных контактно, представляется крайне перспективным для исследования местоименной проклитизы в новогреческом, потому что такой подход позволяет считать подобные примеры теми синтаксическими конструкциями, которые в результате грамматикализации привели к появлению местоимений-проклитик. Ср. также со следующим примером, где встречается оборот Accusativus cum infinitivo:

- (i) οὕτως ἔδει_{Vmod} σε_{Op1} {με_{Op2} γυμνωῖσαι_{Vinf}}; ‘... так надо было, чтобы ты {меня раздел} (букв. ... было тебе {меня раздеть})?’ (PG 2933D2)

Хотя здесь две местоименные клитики — се (пишется с ударением, так как следом стоит другая клитика) и ме — контактируют, они не входят в одну тактовую группу, поскольку это, как показывают наблюдения над клитиками в «Луге Духовном», противоречит правилу рангов клитик, сформулированному ниже в §72: во всех остальных зафиксированных примерах клитики, входящие в цепочку, относятся к разным разрядам (см., напр., сн. 1 на с. 110, где цепочку составляют частица и местоимение); здесь же обе клитики — слабые формы личных местоимений. Уместно вспомнить утверждение А. А. Зализняка о невозможности появления двух древнерусских энклитик «одного и того же ранга в одной и той же тактовой группе» [Зализняк 1993:282]; данное ограничение, согласно [Циммерлинг 2002:83], можно рассматривать как «общий принцип любого Правила Рангов». Кроме того, учитывая явно наблюдаемую тенденцию к совпадению синтаксических и просодических единств, о чем свидетельствуют, с одной стороны, упоминавшиеся в начале настоящего параграфа наблюдения Г. Данна, а с другой — данные «Луга Духовного», где порядок VOp (почти?) всегда контактный и значительно превосходит по частотности OpV (см. §96, особенно табл. 3.1), кажется неправдоподобным, что при последовательности SOPV в одном просодическом единстве окажутся SOP, а не OpV, особенно если принимать во внимание контактность препозиции (в качестве S в примере i трактуется се, так как местоимение является субъектом в обороте Accusativus cum infinitivo). Намного более логичным выглядит объединение ме и γυμνωῖσαι; ср.:

- (ii) διὰ τί οὕτως {με_{Op} θλιβεῖς_V} ‘... за что так {меня мучаешь}...’
(PG 2913A11–12),

где ме следует понимать, скорее, как проклитику κ θλιβεῖς, а не как энклитику κ οὕτως, поскольку именно такое членение объясняет, почему препозиция контактная, а не дистантная; см. также § 104, где разбирается пример ii.

На первый взгляд перспективным может показаться выделение интонационных единств, предложенное М. Йансе и проиллюстрированное на примерах 2.52 и 2.53:

(2.59) {Ωс оў_{CL}} {εἶδέν_V με_{OP}} ὁ πτωχός
 ‘{Когда **же**} {увидел **меня**} нищий. . .’ (PG 2893A5)

При таком членении, в частности в (2.59), и сентенциальная, и местоименная энклитика оказываются на второй позиции в интонационном единстве; в то же время при рассмотрении интонационных единств в примерах 2.52, 2.53 и 2.59 очевидно, что эти единства просто соответствуют **тактовым группам**, то есть интонационно-просодическим единствам, имеющим **только** одно основное ударение. Такие группы обычно состоят из двух-трех компонентов, и вполне естественно, что энклитика регулярно оказывается в них именно **вторым** компонентом, следуя за ударным словом. Подобный метод членения кажется тупиковым, поскольку позволяет отнести почти любой язык к ваккернагелевскому типу. Кроме того, даже если закрыть глаза на ошибочность такого членения, выделение тактовых групп не позволяет интерпретировать с точки зрения закона Ваккернагеля примеры 2.55–2.57.

В примере 2.58 деление на тактовые группы также не приносит особой пользы, потому что в тактовой группе ἡ φύσις σε_{OP} местоименная энклитика оказывается на третьей позиции. Резонно предположить, что язык ваккернагелевского типа определяется не только по положению энклитики на второй позиции, а по некоторому своду параметров, описывающих как типы энклитик, так и принципы их расположения в колонне/клаузе.

Наиболее удачный набор параметров, релевантных для языка ваккернагелевского типа, впервые описал А. А. Зализняк для языка новгородских берестяных грамот [Зализняк 1993]. Эти параметры описывали, с одной стороны, типы энклитик и их иерархию, а с другой стороны, объясняли, в каких случаях энклитики могли оказываться далее привычной второй позиции. Дальнейшие исследования показали, что эти параметры справедливы не только для берестяных грамот или даже других этапов истории русского языка [Зализняк 2004:45–72, 2008], но и в несколько переработанном виде могут быть использованы для других

языков [Циммерлинг 2002:72–77].¹ В §67–76 предпринимается попытка проверить релевантность данных параметров для «Луга Духовного», что, соответственно, позволит проверить принадлежность языка Иоанна Мосха к языкам ваккернагелевского типа.

§67. Параметр 1: если язык относится к ваккернагелевскому типу, то сентенциальные энклитики обязательно обнаруживаются в рамках простого повествовательного предложения, а не только в вопросительных, побудительных предложениях и прочих специальных иллокуциях:²

(2.60) Λέγω οὖν_{CL} αὐτῷ
'Говорю **во**т ему. . . ' (PG 2856C11)

§68. Параметр 2: если язык относится к ваккернагелевскому типу и сентенциальные энклитики встречаются в повествовательном предложении, то их состав не может ограничиваться частицами и обязательно должен включать аргументные (местоимения) и предикатные (связки, служебные глаголы) слова. **Аргументные энклитики:** διηγῆσατό μοι_{OP} λέγων [драконарий] рассказал **мне**, говоря' (пример 2.54). Вероятно, другими примерами могут служить случаи типа следующего:

(2.61) Ἐλεγον **τινες**_{CL} τῶν γερόντων
'Рассказывали **некоторые** из старцев'
(PG 3004B1; ср. с примерами 2.5 и 2.26).

Впрочем, эти местоимения не всегда занимают в «Луге Духовном» вторую позицию (см. пример 2.30: **Τίς** τῶν γερόντων **Ἰ**кто-то из старцев' и комментарии к нему), и можно предположить, что неопределенно-личные местоимения ставятся по несколько иным принципам, нежели безударные формы личных местоимений в косвенных падежах (целесообразно напомнить,

¹ В своей рецензии на [Зализняк 2008] А. В. Циммерлинг, посвятивший много работ исследованию закона Ваккернагеля на материале разных языков, признается, что базируется на модели описания, разработанной А. А. Зализняком [Циммерлинг 2009:269]; ср.: [Иосад 2009], где наглядно демонстрируются преимущества данной модели для описания ваккернагелевских клитик.

² В данном случае противопоставление не рассматривается как специальная иллокуция.

что в этой книге местоименными клитиками называются только последние).

Предикатные энклитики:

(2.62) Ἀμαρτωλός εἰμι_{CL}
'Грешник **есмы**' (PG 3016A14)

Очевидно, что предикатной энклитикой глагол εἰμι оказывается только в настоящем времени и исключительно в функции глагола-связки. Вероятно, глагол εἰμι в большинстве описательных форм нельзя считать предикатной энклитикой в связи с тем, что в таких формах вспомогательный глагол почти всегда стоит в прошедшем (маркированном) времени (ср. с примерами 1.17, 1.18; в последнем примере вспомогательный глагол даже стоит на первом месте в предложении). Рассмотрение вспомогательного глагола ἔχω в составе аналитических форм перфекта (см. § 44) и будущего времени (см. § 47) как предикатной энклитики вообще представляется сомнительным.

§69. Параметр 3: сентенциальные энклитики являются словами с заданным коммуникативным статусом анафорической или подавленной темы и не допускают логико-семантических операций, несовместимых с данным статусом — контрастивного выделения, противопоставления, сопоставления, эмфазы. Контрпримеры, где сентенциальная энклитика оказывалась бы сама по себе (а не в составе пропозиции) в фокусе внимания, на материале «Луга Духовного» не обнаружены.

§70. Параметр 4: сентенциальные энклитики могут иметь полноударные дублетные формы, выражающие те же синтаксические категории и допускающие операции контрастивного выделения, противопоставления, эмфазы:

(2.63) *Ἔστιν δέ ὁ τόπος ὁ ἐπιλεγόμενος Σάπας
'**Является** же это место называемым Сапас' (PG 2853B10–11)

В отличие от примера 2.62 глагол εἰμί оказывается логически выделенным (он пишется с ударением, стоит в самом начале предложения, и его выделенность также подтверждается наличием энклитики δέ (см. § 62)). Вероятно, сюда же можно отнести

и пример 2.30, отмеченный в § 68 как исключение, а также случаи противопоставления неопределенно-личного местоимения $\tau\acute{\iota}\varsigma$ и вопросительного $\tau\acute{\iota}\varsigma$:

(2.64) Αὐτὸς γὰρ τίς εἶ;

‘[А ты] сам-то **кто** есть?’ (PG 2853A14–15)¹

Сюда не относятся случаи противопоставления между сильными формами личных местоимений в сочетании с предлогами и слабыми в сочетании с наречиями, напр., $\delta\iota' \acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$ (PG 2929A11 — ударная форма) и $\acute{\epsilon}\gamma\gamma\acute{\upsilon}\varsigma \sigma\omicron\upsilon$ (PG 2985A15 — энклитика), так как последние, очевидно, не являются сентенциальными энклитиками (о сочетании личных местоимений с предлогами и наречиями см. § 105, особенно примеры 3.42–3.58).

§71. Параметр 5: если язык относится к ваккернагелевскому типу, то одиночная энклитика, занимающая второе место в предложении или колонне, при подходящем лексико-синтаксическом составе высказывания может быть заменена **цепочкой** энклитик. Цепочка может состоять из сентенциальных энклитик:

(2.65) $\text{συναγαγὼν \{δὲ_{CL} καὶ_{CL}\} ἀδελφότητα}$

‘Собралась **же и** братия’ (PG 2853B10)

Цепочки из сентенциальных энклитик редко встречаются в «Луге Духовном»; чаще цепочка состоит из сентенциальной и местоименной энклитики:

(2.66) $\text{Λέγω \{γάρ_{CL} σοι_{OP}\}}$

‘Говорю **ибо тебе**. . .’ (PG 2873A13); ср.: $\text{Πιστεύσατε \{γάρ_{CL} μοι_{OP}\}}$ (пример из сн. 1 на с. 110).

¹ О том, что $\tau\acute{\iota}\varsigma$ не энклитика, свидетельствует, во-первых, *gravis* на предыдущем $\gamma\acute{\alpha}\rho$, во-вторых, наличие ударения на последующем $\epsilon\acute{\iota}$ (то есть $\tau\acute{\iota}\varsigma \epsilon\acute{\iota}$ не цепочка энклитик, при которой первая энклитика графически оформляется с острым ударением) и, в-третьих, $\tau\acute{\iota}\varsigma$ оказывается первым элементом в тактовой группе: $\text{Αὐτὸς γὰρ / τίς. . .}$

Таблица 2.5. Правило рангов энклитик в «Луге Духовном».

Частицы		Местоименные клитики	Неопределенно-личные местоимения
I	II	III	IV
δέ	καί	слабые формы личных местоимений в косвенных падежах	τις
γάρ, δή, οὖν и др.			

§72. Параметр 6: в языке ваккернагелевского типа всегда действует **правило рангов энклитик**, упорядочивающее энклитики, когда они стоят контактно в рамках цепочки. В «Луге Духовном», как следует из большинства приведенных выше примеров (ср. с (2.66) и примером из сн. 1 на с. 110), частицы оказываются перед безударными местоимениями. Местоименные энклитики, в свою очередь, стоят перед неопределенно-личным местоимением *τις*:

(2.67) Διηγήσατό {μοί *τις*} τῶν Πατέρων

‘Рассказал {**мне кто-то**} из отцов...’ (PG 2868A4)

Среди частиц также наблюдается иерархия: *δέ* следует перед *καί* (ср. с примерами 2.65 и 2.47: Ἔτι {*δέ*_{CL} *καί*_{CL}} τοῦτο).¹

На основании обследованного материала можно построить общую **схему рангов** (см. табл. 2.5).

Следует признать, что иерархия энклитик, представленная в табл. 2.5, до некоторой степени относительна, потому что у Мосха не встречаются цепочки, содержащие более двух компонентов, и, следовательно, не обнаруживаются цепочки энклитик типа **δέ* *καί* *Ορ* *τις* или **CL* *Ορ* *τις* (то есть отсутствуют примеры, где бы все возможные типы энклитик оказывались в одной цепочке), однако иерархия внутри меньших цепочек позволяет построить гипотетическое правило рангов для всех энклитик вместе.

Табл. 2.5 оставляет в стороне глагол *εἶμι*, так как сочетания этого глагола с другими клитиками не были обнаружены. Стоит отметить, что похожая иерархия энклитик встречается и в других языках, например, в древненовгородском диалекте [Зализняк

¹ Ср. также со следующим: Ἐλεγον {*δέ*_{CL} *καί*_{CL}} τοῦτο *ο* *περὶ* αὐτοῦ ‘Говорили (3PL) [**так**] **же** и следующее о нем...’ (PG 2896A7).

1993:282] и в памятниках древнерусской литературы [Зализняк 2004:47].

Необходимо, впрочем, упомянуть об **исключениях** из описанного выше правила рангов:

(2.68) Δός {μοι_{OP} οὔν_{CL}} λόγον

‘Дай **мне же** слово’ (PG 2853B5; см. также более широкий контекст в примере 3.61)

Трудно предложить для этого исключения рациональную интерпретацию. Возможно, это ошибка переписчика или же признак «ломки» древнегреческой просодической системы, однако нет достаточных оснований склоняться к какому-либо из представленных объяснений, и остается просто констатировать исключение. Вот еще несколько исключений:

(2.69) Ἐλθόντα {με_{OP} οὔν_{CL}}

‘Когда **я** пришел (букв. пришедшего **меня**), **же** [старец исцелил]’ (PG 2876A6–7)

Неисключено, впрочем, что в (2.69) не стоит усматривать нарушение правила рангов, поскольку με является не местоименным дополнением, а местоименным подлежащим в обороте Accusativus absolutus (ἐλθόντα με; см. более широкий контекст в (3.34) и комментарии к этому примеру). Это и могло стать причиной несоблюдения «привычной» иерархии энклитик. Возможно, что аналогичным образом нарушение правила рангов объясняется в (2.70):

(2.70) Καθήμενου {μού ποτε_{CL}}

‘Когда находился **я однажды**’ (PG 2856D4–5; см. также более широкий контекст в примере 3.35),

где μου является подлежащим оборота Genitivus absolutus (καθήμενου μου).

Есть и другое объяснение: вероятно, энклитику ποτε не в полной мере можно считать сентенциальной энклитикой, такой, например, как частицы δε, γάρ, δή, οὔν. Эта энклитика, в отличие от упомянутых частиц, имеет полноударный дуплет ποτέ (см.

пример 1.15), в котором, впрочем, за графически ударной формой может скрываться проклитика. Данный факт, скорее всего, свидетельствует о том, что *ποτε*, по крайней мере в «Луге Духовном», не имеет такого же устойчивого статуса, как частицы *δέ*, *γάρ*, *δή*, *οὖν*, что и отражается в отсутствии фиксированного места в иерархии; ср. с примером 2.71:

(2.71) Ἔχετε {τί ποτε_{CL}}

‘Имеете **что-либо**’ (PG 3092C6)

Есть вероятность, что *ποτε*, как и *τε*, относится к несентенциальным энклитикам, и тогда на эту клитику правило рангов вообще не распространяется.

§73. Параметр 7: в языке ваккернагелевского типа обязательно имеются правила, отодвигающие энклитики дальше второй позиции. Таким правилом является **правило ритмико-синтаксического барьера** (далее **правило барьера**). Правило барьера наблюдается в следующих примерах: *κα_{барьер} ἔλαβόν μοι_{Op}* (2.51), *ἴνα_{барьер} ἔργα με_{Op} πληροφορήσῃν* (2.55),¹ [*ἔχεις*] *ποῦ_{барьер} λαβεῖν με_{Op}* (2.56), где союз оказывается **грамматикализованным барьером**, неизбежно отодвигающим тактовую группу с начальной позиции. Такие барьеры следует считать **обязательными**; см. также [Зализняк 2008:54]. Другие примеры обязательно барьера: отрицание — *οὐ_{барьер} θέλειν με_{Op}* (3.37) и анафорическое местоимение — *ἄ_{барьер} ἐλλώ_{vmod} σοι_{Op} λέγειν* (2.57). Иногда в состав обязательного барьера входят необязательные компоненты, например, частицы (энклитики): {*Ὡς οὖν_{CL}*}_{барьер} *εἶδένν με_{Op}* (2.59). Можно привести также случай, где барьер следует считать **необязательным**:² *οὐτω_сбарьер* *ἔδει σε_{Op}* (сн. 1 на с. 112, пример i).

§74. Параметр 8: в языке ваккернагелевского типа общее число энклитик обязательно превышает число элементов, спе-

¹ В этом примере, правда, можно усматривать наличие проклитики; см. сн. 1 на с. 112.

² Ограниченность рангов в рамках цепочки энклитик не позволяет однозначно определить, стоит ли считать подобные барьеры **полуобязательными** или **факкультативными** [Зализняк 2008:54–57], но более правдоподобной кажется их трактовка как факкультативных.

циализированных в функции сентенциальных энклитик. В «Луге Духовном», помимо сентенциальных энклитик (частиц, аргументных и предикатных энклитик; см. § 68), встречаются внутренние/специальные (несентенциальные частицы типа τε и прижательные местоимения; см. сн. 1 на с. 106).

§75. Параметр 9: в языке ваккернагелевского типа вторая позиция может замещаться атонируемыми элементами, неспециализируемыми в роли сентенциальных энклитик:

(2.72) [ἐρωτᾶν αὐτόν,] πόθεν **τέ** ἐστίν

‘... [(Ефрем) начал спрашивать его (епископа) о том,] откуда **и** [он] есть...’ (PG 2888B2–3)

§76. Параметр 10: если в языке ваккернагелевского типа есть словоформы, атонируемые во второй позиции, они в ряде случаев объединяются с сентенциальными энклитиками и составляют с ними общие цепочки: πόθεν {**τέ** **ἐστίν**} (2.72).

§77. Итоги проведенной проверки позволяют говорить о том, что закон Ваккернагеля остается, как правило, в «Луге Духовном» одним из основных принципов расстановки словоформ. Вместе с тем приходится признать, что принципы расстановки разных типов сентенциальных клитик различаются. Так, местоименные клитики, во-первых, нередко оказываются далее второй позиции (см. § 73), а во-вторых, стремятся не отделяться от управляющей глагольной формы. По-видимому, слабые формы личных местоимений в функции дополнения в период позднего койне должны уже рассматриваться как **переходный этап** от сентенциальных энклитик к глагольным клитикам (несмотря на видимое отсутствие проклитик).¹ Только такое понимание позволяет обнаружить истоки новогреческой местоименной проклиты

¹ Во многих примерах на **правило барьера** (§ 73), приводимых А. В. Циммерлингом [Циммерлинг 2002:84–91], фигурируют глагольные клитики. Как отмечает сам А. В. Циммерлинг, для ряда языков, например, романских (сюда следует добавить и балканские), приходится говорить о вырождении системы кодирования тактовых групп (т. н. W-системы; W = Wackernagel) и объединять их (языки) в подтип W*-систем (или «вырожденных» W-систем), изначально восходящих к W-системам. Отличительные свойства W*-систем:

(а) ограниченный инвентарь клитизируемых категорий (в основном — местоимения в функции дополнений);

(см. § 110). Восприятие местоименного дополнения просто как сентенциальной энклитики, хотя и позволяет во многих случаях определить позицию данного синтаксического элемента в рамках предложения или колоны и даже косвенно свидетельствует о том, что порядок VOp следует расценивать как нейтральный (что, скорее всего, справедливо и для VO вообще), не выявляет факторов, в результате которых появляется порядок OpV, причем как контактный, так и дистантный. Рассмотрение этих факторов, особенно на материале, относящемся к тому периоду развития греческого, когда в языке происходят значительные изменения на всех языковых уровнях, представляется очень перспективным. Несмотря на то, что многие из них только косвенно связаны с просодией, они, как кажется, помогут лучше понять действие закона Вакернагеля в период формирования W*-систем (см. сн. 1 на с. 120), а также и в самих W*-системах. Рассмотрению этих факторов посвящена следующая глава.

-
- (b) клитизированные элементы примыкают только к глагольным формам и локализованы в VP;
- (c) клитики и их цепочки лишены постоянного места в предложении, объединяясь со словоформой-хозяином в единый блок, не распадающийся при перемещении глагольной формы.

Несомненно, эти параметры подходят для новогреческого языка, что позволяет отнести его к языкам W*-систем. Позднее койне, о чем свидетельствуют разобранные выше примеры из «Луга Духовного, представляет собой промежуточный этап: W-система → позднее койне → W*-система. Подтверждением этому тезису может служить совокупность трех факторов: (1) VOp >> OpV (> — частотность употребления); (2) VOp >>> V...Op; (3) отсутствие местоименной проклитики (см. также § 96 и сл.), то есть происходит объединение глагола и объектного местоимения в единое фонетическое слово (тактовую группу), но пока только в случае постпозиции. Данная ситуация (ситуация разрушения старой и начала формирования новой системы) позволяет подойти прагматически к проблеме местоименных клитик в период позднего койне.

Местоименные энклитики

- § 78—95. Статус местоименных энклитик в греческом языке (122) • § 96. Общие замечания о местоименных энклитиках в «Луге Духовном» (136) • § 97—99. Постпозиция (139) • § 100—106. Препозиция (145) • § 107—110. Принципы и правила постановки местоименных энклитик (160)

§78. Уже на протяжении ряда десятилетий местоименные клитики находятся в центре научного внимания. С одной стороны, повышенный интерес к ним вызван возможностью применения совершенно различных теорий при их анализе, начиная с закона Ваккернагеля и заканчивая теориями, выросшими из генеративного синтаксиса [LEGENDRE 1996; BAKER 1997; MILLER, SAG 1997]. С другой стороны, привлекательность местоименных клитик обусловлена также и тем, что до сих пор неясно, с каких позиций следует их описывать, ведь их статус в языковой системе остается до конца не выясненным: непонятно, являются ли местоименные клитики единицами морфологического или синтаксического уровня. Например, широко известное замечание Б. Комри о том, что «клитики просто следует исключить из исследования по реконструкции порядка слов»,¹ во многом представляется справедливым. Рассмотрение местоименных клитик требует определенных существенных уточнений: так, можно ли утверждать, что в случае δὸς_{vimp} μοι_{Op} 'дай мне' постпозиция местоименной клитики вызвана именно действием закона Ваккернагеля, а не теми же факторами, которые в сочетании δὸς_{vimp} τῷ

¹ «...clitics should simply be excluded from work on word order reconstruction» [COMRIE 1980:86f].

ἀνδρίοι ‘дай мужу (мужчине)’ приводят к порядку слов VO.¹ Вероятно, это стало одной из причин, заставивших Арнольда Цвики выделить два типа клитик: **простые** (simple), занимающие позицию относительно референта (словоформы-хозяина) по тому же принципу, что и обычные дополнения («ordinary syntax»), и **особые** (special), позиция которых определяется какими-то особыми факторами («special syntax») [ZWICKY 1977:6].² Отталкиваясь от предложенной А. Цвики классификации, С. Андерсон предлагает рассматривать простые клитики как класс элементов, **несамодостаточных** в просодическом отношении («prosodically deficient») в том смысле, что они могут существовать только в рамках бóльшей просодической конструкции, например, так называемого **фонетического слова** (тактовой группы), и обязательно должны примыкать к элементу соответствующего просодического типа (то есть имеющему собственное ударение); особые клитики следует рассматривать как элементы, зависимые не столько просодически, сколько морфологически,³ иначе говоря, как **фразовые аффиксы** [ANDERSON 1992; 1995; ср.: KLAUVANS 1985:96, 100; HALPERN 1995:191–192].

Предложения рассматривать клитики как аффиксы звучат уже давно и основываются на материале самых разных языков, начиная с албанского [MYDERRIZI 1944:21] и кончая французским [MILLER, SAG 1997:573–574]. Для подобного понимания местоименных клитик действительно есть ряд оснований, описанию которых посвящены § 79–83.

¹ Кроме того, возникает вопрос о трактовке двусложных форм личных местоимений типа αὐτῷ ‘ему’ или ἡμᾶς ‘нас’, традиционно пишущихся с ударением, но часто ведущих себя как местоименные клитики. Предлагаемый далее термин ‘**двусложное местоименное дополнение**’ (или ‘**двусложное местоимение**’) не относится к сильным (ударным) формам местоимения 1SG в косвенных падежах (ἐμοῦ, ἐμοί и ἐμέ); подробнее о двусложных местоимениях см. главу 4.

² Так, по мнению М. Йансе, английские местоименные клитики следует отнести к простым: I love her (= I love my wife), а французские — к особым: Je l’aime (≠ J’aime ma femme) [JANSE 2000:231], то есть при одинаковых условиях в английском языке VO_р = VO, а во французском OpV = VO; ср.: [ZWICKY 1992; VAN RIEMSDIJK 1999].

³ С. Андерсон исходит из того тезиса, что сегодняшняя морфология представляет собой вчерашний синтаксис; ср.: [GIVÓN 1971:413; ANDERSON 1980:51f; COMRIE 1980:83f].

§79. Одним из критериев выделения слова является степень линейно-синтагматической свободы рассматриваемого элемента. Наибольшей свободой обладает знаменательное слово с собственным ударением, а наименее свободными являются морфемы, так как их автономное существование невозможно. Современная морфология рассматривает клитики как промежуточное звено между морфемой и словоформой [Сомрие 1980:86; Плунгян 2000:18–32; Николаева 2008:127] (см. рис. 3.1).

Рис. 3.1. Место клитик на шкале линейно-синтагматической свободы.

Такой статус клитик, в частности, подтверждается фактом родства многих предлогов и приставок. В то же время можно отметить, что местоименные клитики, в отличие от прочих типов клитик, не обязательно обладают фиксированной позицией относительно словоформы-хозяина,¹ то есть одни и те же клитики могут оказываться как энклитиками, так и проклитиками. Поэтому в рис. 3.1 следует внести ряд изменений, представленных в рис. 3.2.

Рис. 3.2. Место местоименных клитик на шкале линейно-синтагматической свободы.

¹ Некоторую проблему вызывают послелоги, однако редко случается, чтобы в одном языке «на равных» функционировали и предлоги, и послелоги. Обычно употребление одной из этих групп сильно ограничено за счет более широкого использования другой.

Подобная поправка несколько удаляет местоименную клитику от аффикса, однако все-таки предполагает, что местоименная клитика не является самостоятельным словом.

§80. В некоторых греческих надписях (для данного исследования актуален, прежде всего, греческий материал) наблюдается необычный словораздел. Ярким примером является подпись на вазах аттического мастера Экзекия, которую Лоранс Ребийяр хронологически датирует по десятилетиям [REBILLARD 1991; ср.: КАЗАНСКИЙ 2001:246–247]:

(3.1) Εχζεκιᾶς : μετοίβειν : εν

‘Экзекий : **меня сделал** : хорошо’ (*Лувр F54*; ок. 540 г. до н. э.)¹

В примере 3.1 местоименное дополнение (клитика) и следующая за ним глагольная форма оформляются как единая словоформа (μετοίβειν),² несмотря на то, что με является энклитикой и составляет единую тактовую группу с подлежащим Ἐχζεκιᾶς,³ занимая вторую позицию в предложении согласно закону Ваккернагеля (см. §66 и сл.). Можно также привести немало примеров, встречающихся в греческих папирусах III в. до н. э., где наблюдаются ассимилятивные процессы между глагольной формой и местоименной энклитикой: ἰμάτιόν μου,

¹ Знаки словораздела (:) были и на сосуде. В скобках указываются паспортные данные сосуда.

² Слитное написание глагольной формы и местоименной клитики встречается и в других языках, например, в современном итальянском.

³ Традиционно считается, что в древнегреческом языке слабые формы местоимений не могли выступать в качестве проклитик. Во-первых, в древнегреческом языке (в отличие от новогреческого) местоименная клитика не может занимать первую позицию в предложении; во-вторых, александрийские грамматики всегда **графически** оформляли безударные местоимения как энклитики. Так что в примерах типа αὐτοχειρὶν μου ἄπολέσας ‘собственноручно **ero** убив’ (*Hdt.* III. 74) слабые формы местоимения считаются энклитиками. На данную проблему обратил внимание еще И. М. Тронский, выдвинувший предположение, что слабая форма местоимения может быть как проклитикой, так и энклитикой, несмотря на традиционную орфографию [Тронский 1962:61, 65]. Однако подобное уточнение, при всей своей заманчивости, представляется неверным в связи с тем, что случаев дистантной препозиции, когда местоименная клитика отделена от управляющего глагола какой-либо другой полноударной словоформой (Op W V), встречается намного больше, чем случаев контактной препозиции (OpV).

περιδείμ **με**, κατέκλυσάμ **μου**, ἀχρεΐόμ **μου**, ἐπίτροπόμ **μου**, ἐάσειμ **με**, γράφομ **μοι**, ἐκέλευσέμ **με**, παρήχυμέμ **με**, οὐ παρέλαβέμ **με**, ἀλλ' ἔλαθέμ **με**, ἀπαγήγοχέμ **με**, ἀπόλωλέμ **μοι**, διδ[ου-σ]ίμ **μοι**, κατεγνώχασίμ **μοι**, προσδώσουσίμ **μοι**, ἐγράψαμές **σοι** [MAYSER, SCHMOLL 1970:204–205]. Чуть позднее подобное явление фиксируется в папирусах эпохи римского владычества: ὑπάρχουσάμ **μοι**, πέμψेम **μοι**, εὐδοχίμ **με**, ἔχμ **μαι** (= ἔχειν **με**), ἔδωσέμ **μοι** (= ἔδωσέν **μοι**) [GIGNAC 1976:166]. Интерпретируя подобные примеры, М. Йансе мимоходом использует термин 'lision' [JANSE 1993a: 85–86]; по-видимому, он имеет здесь в виду не просто «фонологическую» связь между словами, а употребляет 'lision' как термин, принятый во французском языке для описания отношения между клиткой и словоформой-хозяином, причем не только на уровне фонетики, но и морфологии, трактуя, таким образом, местоименные клитики в вышеприведенных примерах как аналог аффиксов; см. также [СОКОЛОВА 1980].

§81. Местоименные клитики хорошо укладываются в схему грамматикализации (/морфологизации),¹ предложенную в [HOPPER, TRAUOGOTT 1993:109]:

сильно автономная словоформа → слабо автономная словоформа → клитика → полуклитика → формант → аффикс

Существует немало примеров, когда морфологизации подвергаются языковые элементы, изначально обладающие большей семантической значимостью и автономностью, чем местоименные клитики. Е. С. Кубрякова, описывая семантику немецких существительных *Werk* 'дело, работа', *Zeug* 'ткань, материя, материал', *Wesen* 'существо, сущность', отмечает, что они часто употребляются как вторые компоненты сложных слов, где их следует считать аффиксами в связи с утратой изначальной семантики [КУБРЯКОВА 1974:138–139]. Можно наблюдать сильную дифференциацию значений и функций в свободном и связанном упо-

¹ Здесь даже неважно, что имеется в виду под грамматикализацией — совокупность процессов, приводящих к изменению статуса языкового элемента, утрате синтаксической свободы и семантической сложности [HOPPER, TRAUOGOTT 1993:2f], или только результат этих процессов, то есть образование грамматического показателя [JOSEPH 2001a; 2002; JOSEPH, PAPPAS 2001; 2002].

треблении,¹ и, следовательно, есть основания утверждать, что в первом случае выступают **свободные/неслужебные** словоформы/морфемы, а во втором — **связанные/служебные** морфемы/аффиксы.² Таким образом, сам факт превращения местоименных дополнений в аффиксы представляется правдоподобным.

§82. В ряде языков, в частности, в семитских, местоименные дополнения признанно являются глагольными аффиксами:

(3.2) *lā-mâ ʿāzavtā-nî?*

‘Почему [ты] оставил **меня?**’ (*Ps.* XXII. 2)³

(3.3) *lā-mâ ʿarʿē-nî?*

‘Почему [ты] показал **мне** [мои страдания]’ (*Hbc.* I. 3)

§83. Также стоит отметить, что в современных балканских и ряде романских языков позиция местоименной клитики относительно глагола-хозяина определяется исключительно формой глагола, то есть зависит только от морфологических факторов.

§84. Казалось бы, вышеприведенные данные должны служить убедительным доказательством того, что местоименные глагольные клитики действительно следует рассматривать в качестве аффиксов управляющих ими глаголов. Однако в большинстве современных работ, посвященных местоименным клитикам, авторы склоняются в сторону так называемого **синтаксического** подхода к местоименным клитикам, то есть считают местоименные клитики синтаксическими элементами, а не просто морфемами [HALPERN 1998]. Многие исследователи, не полностью отказываясь от морфологической интерпретации клитик, тем не менее, придерживаются того мнения, что расположение местоименных клитик удобнее рассматривать как синтаксический процесс,

¹ Е. С. Кубрякова, в частности, приводит следующие примеры: со вторым компонентом *-werk*: *Mauegwerk* ‘каменная (кирпичная) кладка’, *Backwerk* ‘печенье’, *Buschwerk* ‘кустарник’, *Schuhwerk* ‘обувь’; со вторым компонентом *-zeug*: *Schreibzeug* ‘письменные принадлежности’, *Fahrzeug* ‘судно, экипаж’, *Flugzeug* ‘аэроплан, самолет’ и проч. [Кубрякова 1974:138–39].

² Е. С. Кубрякова замечает, что можно также говорить о противопоставлении двух омонимичных морфем, одной — неслужебной, а другой — выступающей в роли аффикса [Кубрякова 1974:139]. Однако даже при использовании понятия омонимии, необходимо помнить о «родстве» между этими двумя группами морфем.

³ В примерах 3.2 и 3.3 древнееврейский текст цит. по [JANSE 2000:238].

а не морфологический или просодический [BORER 1992:270–271; HALPERN 1995:19]. Впрочем, вопрос ставится не об удобстве или целесообразности, а о том, что есть все основания (и здесь трудно не согласиться с [JANDA, JOSEPH 1992; GRIZENHOUT, KRÄMER 2000, JOSEPH 2002]) не считать, по крайней мере в греческом языке, местоименные клитики аффиксами, и эти основания, в сущности, представляют собой контраргументы против пяти доводов, представленных в § 79–83.

§85. Факт ограниченности линейно-синтагматической свободы, отмеченный в § 79, еще не может служить признаком аффикса. Просодическая природа клитик (особенно энклитик) накладывает свои ограничения (см. § 66 и сл.) на возможные позиции всех типов клитик в предложении, в том числе и частиц, наподобие *ἄρ* и *δέ*, которые никак нельзя считать аффиксами.

§86. Слитное написание местоименных энклитик с глагольной формой в примере 3.1 является очень серьезным доводом в пользу их рассмотрения как аффиксов, однако ср. со следующим примером, тоже являющимся, кстати, надписью мастера Экзекия на сосуде:

(3.4) Εχζεκιασῆγραψεκατοεσεμε
(Ἐχσέχιας ἔγραψε καὶ ἐποίησε ἐμέ)¹

‘Экзекий расписал | и сделал меня |’ (Берлин 1720; 540–530 гг. до н. э.; см. [REBILLARD 1991; ср.: КАЗАНСКИЙ 2001:246–247])

В примере 3.4 в единую словоформу с глаголом графически объединяется не местоименная энклитика, а сильная форма местоимения (Op*), имеющая собственное ударение: *κατοεσεμε* (= *καἰ*_{CNV} *ἐποίησεν* *ἐμέ*_{Op*}). Казалось бы, можно предположить, что ударное местоименное дополнение не является таким же полноправным членом предложения как, например, дополнение, выраженное именем существительным, или что древние греки не всегда хорошо различали ударную и безударную местоименные формы (см. § 105), однако в этой надписи также наблюдается слитное написание и других, полноударных синтаксических элементов, которые никак не могут считаться клитиками:

¹ Точки под буквами обозначают словораздел. В переводе им соответствуют знаки |.

Ἐχθικισσευραφθε (= Ἐχθέχιας_S ἔγραψε_V).¹ Кроме того, М. Йансе, трактуя примеры из [MAYSER, SCHMOLL 1970:204–205; GIGNAC 1976:166] с ассимиляцией между начальным и конечным согласным раздельно написанных глагольных форм и местоименных энклитик (§ 80) как свидетельство в пользу того, что местоименные клитики следует считать аффиксами, вынужден привести также и следующий пример из [MAYSER, SCHMOLL 1970:204]:

(3.5) τῆμ πάτροιμ πολιτείαμ πᾶσιγ χάτασ τήσασ

‘... отцов законы всем установив...’ (*Amorgos*, ок. 280 г. до н. э.)

Обсуждая пример 3.5, М. Йансе отмечает, что фонетические процессы такого рода чаще происходят при участии клитических форм [JANSE 1993a: 86], однако никто и не спорит с тем, что клитики фонетически более тесно связаны с соседними элементами, образуя с ними единую тактовую группу, нежели обычные полноударные словоформы, поэтому именно в сочетаниях с клитиками, в первую очередь, стоит ожидать взаимных фонетических влияний. Таким образом, случаи слитного написания глагольных форм и местоименных клитик так же, как и факт ассимилятивных процессов, иногда происходящих между ними, еще не позволяют считать местоименные клитики аффиксами.

§87. В отличие от грамматикализации $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega > \theta\alpha$ (показатель будущего времени; см. § 48), $\acute{\iota}\nu\alpha > \nu\alpha$ (показатель сослагательности и инфинитива) и примеров Е. С. Кубряковой (см. сн. I на с. 127), греческие местоименные клитики не полностью соответствуют схеме, показанной в [HOPPER, TRAUOGOTT 1993:109] и приведенной в § 81: во-первых, они не демонстрируют (на греческом материале) свое происхождение из автономных словоформ, а во-вторых, они не стали менее автономными в новогреческом, перейдя в разряд глагольных клитик (см. сн. I на с. 106). Поэтому, как представляется, нет серьезных оснований рассматривать VOP с точки зрения грамматикализации(/морфологизации)

¹ В древнегреческом языке сохранились лишь два следа праиндоевропейского состояния, когда, по-видимому, все глаголы были энклитиками и располагались в предложении соответственно закону Ваккернагеля — это глаголы εἶμι ‘быть’ и φημι ‘говорить’, которые могут оказываться безударными (т. е. энклитиками); подробнее см. § 112.

и предполагать, что, закрепившись за глаголом, местоименные клитики утратили свой собственно клитический статус.

§88. Попытку сопоставить греческую и семитскую ситуации (§82) следует, скорее всего, признать ошибочной. В семитских языках невозможна интерпозиция посторонних элементов между глагольной основой и местоименным аффиксом; напротив, это нередко встречается в греческом языке и трактуется как цепочка энклитик, где разделитель не является местоименной энклитикой¹ и не может рассматриваться как аффикс. Возникает вопрос: может ли аффикс быть отделен от основы элементом, не являющимся морфологическим компонентом словоформы? Подобные случаи, в принципе, встречаются — это, в частности, отделяемые глагольные приставки в немецком языке, морфологический статус которых, правда, до сих пор однозначно не определен. Кроме того, хорошо известны примеры того, как клитики «разрывают» достаточно тесные морфологические единства. В. А. Плунгян, рассматривая вопрос о границе словоформы, говорит о словах, состоящих из двух частей, традиционно имеющих раздельное написание, однако важно отметить, что хотя бы одна из этих частей не обладает автономностью: *кое-кто*, *Марь Иванна* (трудно представить себе слова *кое* и *Марь* в значении *Марья*). При этом примеры, вроде *кое у кого* или *Марь-то Иванна* воспринимаются вполне нормально (не говоря уж о форме *ни у кого* от *никто*) [Плунгян 2000:23–24]. Тем не менее, едва ли уместно считать аффиксами компоненты морфологических единств (сложных слов?), указанных В. А. Плунгяном.

Другим доводом против сопоставления семитской и, в частности, греческой ситуаций может служить пример разночтений из Нового Завета, приведенный в [JANSE 2000:238]. Это два варианта греческого перевода древнееврейской цитаты (пример 3.2, в котором имеется местоименный аффикс), различающиеся только позицией местоименной клитики относительно глагольной формы:

(3.6) Εἰς τὴ ἐγχατέλιπές_V μὲ_{Op};

‘Почему [ты] оставил **меня**?’ (Мс. XV. 34; A C Θ f^{1.13} 157 M)

¹ Ср. с примером в сн.1 на с.110 (Πιστεύσατε_V {γάρ_{CL} μοι_{Op}}) и примерами — 2.53 (πέμπευ_{Vinf} {τέ_{CL} μιν_{Op}}) и 2.66 (λέγω {γάρ_{CL} σοι_{Op}}).

(3.7) Εἰς τί **με**_{Op} ἐγκατέλιπες_V;

‘Почему [ты] **меня** оставил?’ (Мс. XV. 34; № В Ψ 059 рс)

Представляется, что подобные примеры свидетельствуют о невозможности сопоставления семитской и греческой ситуаций.

§89. Зависимость выбора между порядками VOp и OpV от формы управляющего глагола в современных балканских и ряде романских языков (§83) еще не свидетельствует о том, что позиция местоименной клитики относительно глагола-хозяйина определяется исключительно на морфологическом уровне. При этом показательно, что форма повелительного наклонения, в отличие от личных форм глагола, требует постпозиции местоименного дополнения. Данная ситуация, скорее всего, объясняется не столько морфологическими, сколько функционально-семантическими характеристиками императивной формы, которая практически всегда оказывается ядром высказывания, являясь наиболее логически выделенным элементом, подверженным акцентному выделению; следовательно, по закону Ваккернагеля, у местоименной (эн)клитики просто нет иного места, как после данной глагольной формы. Постановка местоименного дополнения перед личными формами может быть объяснена влиянием каких-то иных факторов, которые могли проявляться в тех ситуациях, когда закон Ваккернагеля не требовал обязательного VOp, а со временем, в результате грамматикализации/морфологизации, порядок слов переставал быть обусловленным прагматически. Подтверждение этому предположению обнаруживается в разных языках, в которых, во-первых, выделяются несколько различных этапов развития принципов, определяющих позицию местоименных клитик, и в которых хотя бы на одном из таких этапов можно выявить контекстно-зависимые правила (= КЗ-правила) расстановки местоименных клитик.

§90. Ярким примером такого языка является греческий. В нем, с одной стороны, прослеживается изменение принципов постановки местоименных клитик, и это наиболее ярко проявляется при сопоставлении клитик в древнегреческом, раннем новогреческом и новогреческом языках [Норрокс 1990; 1991], а с другой стороны, на определенном этапе развиваются КЗ-правила.

Наиболее четко эти правила удалось сформулировать выдающемуся британскому неоэллинисту П. Макриджу¹ на материале Эскуриальской версии «Поэмы о Дигенисе Акрите»² (XVI в.) [MACKRIDGE 1993; 1994]. Эти КЗ-правила приводятся в §91–93.

§91. Порядок VOp. Порядок VOp более или менее **обязателен**, если (а) VP находится в самом начале предложения или следует сразу за сочинительным или противительным союзом;³ (б) VP непосредственно следует за союзами ὅτι, οὐ (вводящими дополнительные придаточные предложения), εἰ (условие) и διότι (причина);⁴ (с) перед VP стоит дополнение с тем же референтом, что и у местоименной клитики (имеются в виду случаи местоименного повтора дополнения).

§92. Порядок OpV. Порядок OpV более или менее **обязателен**, если

(а) перед VP находится целевой союз ἵνα;⁵

¹ Справедливости ради надо сказать, что А. Ролло [ROLLO 1989] первым попробовал сформулировать КЗ-правила для раннего новогреческого языка, рассмотрев греческие местоименные клитики с точки зрения принципов, которые для романских языков сформулировали А. Тоблер и А. Муссафия (и известные как закон Тоблера-Муссафии). П. Макридж узнал о работе А. Ролло уже после того, как ему самому удалось сформулировать более четкие КЗ-правила.

² «Поэма о Дигенисе Акрите» — это одно из наиболее важных произведений ранней новогреческой литературы (т. н. **народной поэзии**). Оно возникло ок. X в. и бытовало в виде героических (**акритских**) песен. Также дошло несколько рукописей, содержащих литературно обработанные версии текста. Наиболее близкой к разговорному языку традиционно считается Эскуриальская версия; подробнее о тексте и его версиях см. [BEATON, RICKS 1993; JEFFREYS 1998].

³ Иными словами, порядок VOp представляет собой нейтральный порядок в независимом предложении.

⁴ Союзы ὅτι и διότι не являются членами того предложения, которое они вводят, то есть, по словам П. Макриджа, «... они не **подчиняют** предложение» («they do not **subordinate** the clause») [MACKRIDGE 1993:327]. Следовательно, безударные местоимения будут занимать ту же позицию, что и в независимых предложениях. Что касается οὐ и εἰ, они являются сами клитиками, и, возможно, соседство двух безударных элементов оказывается нежелательным.

⁵ Как показывают примеры П. Макриджа, если после ἵνα в придаточном оказываются однородные синтагмы, соединенные союзом καί, во второй синтагме (следующей после сочинительного союза) восстанавливается порядок VOp (как в §91, п. а) [MACKRIDGE 1993:329]. Однако если в одном предложении оказываются οὐ и ἵνα, местоимение ставится перед глаголом. Эти факты, вероятно, позволяют говорить о том, что закон Ваккернагеля продолжает оставаться одним из принципов исчисления порядка слов.

- (b) перед VP стоят частицы $\nu\acute{\alpha}$, $\acute{\alpha}\zeta$, $\theta\acute{\alpha}$;
- (c) VP предшествуют отрицательные частицы и наречия $\mu\acute{\eta}$, $\mu\eta\delta\acute{\epsilon}\nu$, $\sigma\upsilon\delta\delta\acute{\epsilon}\nu$, $\delta\acute{\epsilon}\nu$;
- (d) перед VP находится любое вопросительное местоимение или наречие;
- (e) перед VP находится неопределённое наречие $\pi\acute{\omega}\zeta$ (часто как энклитика);
- (f) перед VP находится любой союз, вводящий сравнительный оборот или придаточное времени;
- (g) перед VP находится союзы $\acute{\alpha}\nu$, $\epsilon\acute{\alpha}\nu$, вводящие придаточные условия;
- (h) перед VP находится любое относительное местоимение.
- (i) OpV **почти всегда обязателен**, если перед VP находится семантически выделенное слово или сочетание слов (нетемпоральное наречие, дополнение или субъект).¹
- (j) OpV **обычно** встречается, когда VP непосредственно следует за субъектом.

§93. VOp и OpV одинаково возможны, если перед VP стоит наречие времени.

§94. КЗ-правила, сформулированные П. Макриджем, неоднократно обсуждались. П. Паппас, например, в своей диссертации критикует П. Макриджа за использование таких характеристик порядка слов, как «более или менее обязателен», «почти всегда обязателен» и «обычно» [PAPPAS 2001:17–18].² Действительно, не вполне ясно, какие количественные показатели стоят за каждой из этих характеристик, однако, в общем, понятно, что П. Макридж имеет в виду, и, высказывая замечания к его выводам, следует говорить лишь о необходимости внесения

¹ Данное КЗ-правило совершенно не зависит от формы глагола и затрагивает даже примеры с императивом. Такая ситуация представляется стандартной для литературных памятников XII–XV вв. и встречается в стихотворениях Птохопродрома и «Хронике Мореи» [MACKRIDGE 1993:330]. П. Макридж связывает это правило с действием эмфазы.

² Правда, в более поздней работе [PAPPAS 2004: xiii f] намного более положительно оценивает значение статей П. Макриджа.

определенных уточнений. Замечания П. Паппаса связаны, прежде всего, со стремлением получить строгую схему или, вернее, набор правил, имея которые можно было бы порождать только правильные конструкции и не порождать неправильные. Однако сам П. Макридж, формулируя КЗ-правила, ставил перед собой другую (совершенно практическую) задачу — получить набор простых правил расположения местоименных клитик, на которые можно ориентироваться при издании ранних новогреческих текстов. Поэтому замечания П. Паппаса оказываются в некотором отношении «мимо цели». Намного более серьезным минусом описанных КЗ-правил, кстати, прекрасно сознаваемым самим П. Макриджем, является тот факт, что они сформулированы на поэтическом тексте (пятнадцатисложнике), поэтому на синтаксические факторы неизбежно накладывались и метрические. Отмеченная особенность позволяет рассматривать КЗ-правила П. Макриджа как одну из черт языка ранней греческой поэтической традиции, формульный характер которого не ограничивался использованием устойчивых выражений [BEATON ET AL. 1995], а обуславливал употребление определенных морфологических форм и вариантов порядка слов [КИСИЛИЕР 2010] и, в частности, позиции местоименной клитики в рамках VP. Это утверждение подтверждается также и тем, что КЗ-правила П. Макриджа (с небольшими уточнениями) справедливы для большинства поэтических текстов вплоть до XVII в. [MACKRIDGE 2000], в том числе для стихотворений Птохопродрома [АБДРАХМАНОВА 2000], поэмы «Эротокрит» и мистерии «Жертвоприношение Авраама» [JANSSEN 1998; BORISOVA 2006]. Интересно, что КЗ-правила П. Макриджа в некоторой степени представляют собой «развитие» закона Ваккернагеля с учетом того, что местоименные клитики уже перешли в разряд глагольных клитик (так называемая W*-система; см. сн. 1 на с. 120): согласно П. Макриджу, местоименное дополнение даже в случае препозиции не может находиться ближе второй позиции, поскольку перед ним всегда оказывается какой-то синтаксический элемент, приводящий к препозиции (см. § 92); при постпозиции местоименная клитика иногда оказывается дальше второй позиции (см. § 91), но тогда сдвигается VP целиком, и можно говорить о наличии ритмико-синтаксического барьера (см. § 73).

§95. Пришло время решить, насколько релевантно рассматривать греческие местоименные клитики как аффиксы. Подводя итог краткому обзору, проведенному в § 78–94, можно высказать два следующих соображения:

1. Если и существуют какие-то причины для отнесения местоименных клитик к аффиксам в новогреческом языке, из этого еще не следует, что данное утверждение верно и для предыдущих периодов развития языка, и, скорее всего, нет оснований подходить к местоименным (эн)клитикам на более ранних этапах развития греческого языка как к аффиксам, хотя бы в связи с тем, что подобный подход не только не приносит новых возможностей для их исследования, но, наоборот, приводит к возникновению превратной картины развития системы местоименных клитик в греческом языке.¹

2. Вопрос о морфологическом статусе местоименных клитик в новогреческом языке также остается открытым: часто причины, приводящие к выбору определенного варианта порядка слов (VOr или OrV), выходят за рамки собственно морфологии. Было бы ошибкой усматривать в фиксированности взаимной позиции глагольной формы и глагольной местоименной клитики ту же спаянность, что наблюдается между морфемами в составе единой словоформы. Однако вопрос о местоименных клитиках в новогреческом требует специального рассмотрения.²

¹ Здесь намеренно так настойчиво подчеркивается, что местоименные энклитики в тексте «Луга Духовного» не являются аффиксами, так как для аффиксов нельзя выработать КЗ-правила их постановки, и, что намного более существенно, позицию аффиксов нельзя трактовать в терминах эмфазы, как это делается в § 104 и сл.

² Один из наиболее перспективных вариантов исследования связан со сравнительным изучением фонологического статуса новогреческих местоименных энклитик и проклитик во фразах типа ο γείτονας μας το πούλησε [PHILLIPAKI-WARBURTON 1970:112f], где, по мнению И. Филипаки-Варбуртон, возможны два варианта членения:

(i) {ο γείτονας μας}_{NP} {το πούλησε}_{VP} ‘Сосед **наш** {это продал}’

(ii) {ο γείτονας}_{NP} {μας το πούλησε}_{VP} ‘Сосед {**нам** это продал}’

Примеры, приводимые И. Филипаки-Варбуртон, представляются не вполне удачными (едва ли возможно членение, представленное в примере ii), однако, не будучи сам носителем новогреческого языка, автор этой книги не может быть до конца уверен, что предложенные им ниже примеры более адекватны:

(iii) {ο Αγίος Πατέρας}_{NP} {μου είπε}_{VP} ‘Святой Отец {**мне** сказал. . . }’

Таким образом, есть все основания рассматривать местоименные (эн)клитики в позднем койне вообще, а в патерике Иоанна Мосха в частности, как синтаксические элементы, а не в качестве морфем (аффиксов).

§96. Местоименные энклитики в «Луге Духовном».

Предваряя собственно рассмотрение местоименных энклитик в «Луге Духовном», следует напомнить, что система личных местоимений у Мосха является древнегреческой и слабые (безударные) формы возможны (по крайней мере, если ориентироваться на графику) только для местоимений первого и второго лица единственного числа в косвенных падежах: μου, μοι, με (1SG) и σου, σοι, σε (2SG).

Необходимо также отметить, что в «Луге Духовном» местоименная энклитика может как стоять после управляющей глагольной формы (пример 3.8), так и предшествовать ей (3.9):

(3.8) Καὶ ἐν μιᾷ ἔρχεται_V μοι_{OP} φωνὴ ἀοράτως λέγουσα

‘И однажды **послышался** (букв. **приходит**) **мне** голос невидимый, говорящий...’ (PG 2928D7–2929A1)

(3.9) Πίστευσόν μοι, οὐ μὴ σε_{OP} ἐάσω_V

‘Поверь мне, ни за что **тебя** [**не**] **отпущу**...’ (PG 2888B8)

Постопозиция местоименной клитики практически всегда контактна,¹ а препозиция может быть как контактной (3.10), так и дистантной (3.11):

(iv) {ο πατέρας μου}_{NP} εἶπε_V ‘{отец **мой**} сказал...’

Интересно было бы сравнить отрезок πατέρας μου εἶπε в этих контекстах и проверить, действительно ли он окажется омонимичным в обоих случаях, то есть и когда μου — энклитика (iii), и когда μου — проклитика (iv). Однако этот вопрос требует специального исследования и не может быть рассмотрен в настоящей книге.

¹ Единственным более или менее регулярным разделителем между местоименной клитикой и стоящей перед ней глагольной формой может оказываться только частица: Λέγω_V γάρ_{CL} σοι_{OP} ‘Говорю **ибо** тебе’ (PG 2873A13); ср. с примером в сн. 1 на с. 110 и табл. 2.5. Факт интерпозиции клитик между глаголом-референтом и местоименной клитикой служит дополнительным доводом против того, чтобы рассматривать местоименные дополнения в «Луге Духовном» в качестве местоименных аффиксов; см. подробнее § 88.

(3.10) Ἐγὼ παραλυτικὸς ἦμην ἔτη δώδεκα, καὶ δι' αὐτοῦ **με**_{Op}
ἐθεράπευσεν_{Vfin} ὁ Κύριος

‘Я был разбит параличом в течение двенадцати лет, и через него
(авву Косму — МК) **меня излечил** Господь’ (PG 2893A9–11)

(3.11) Τί **σοι**_{Op} κακὸν_{Od} **ἐποίησα**_V, ὅτι ἐπὶ τοσοῦτου δήμου
διασύρεις με καὶ βλάσφημείς;

‘Что [я] **тебе** плохого **сделала**, что при стольких людях
поносишь меня и злословишь [на меня]?’ (PG 2901C9–11).

Из (3.11) видно, что при препозиции слабая форма местоимения оформляется как энклитика к стоящему перед ней слову; ср. с (3.12):

(3.12) Ἐγὼ εἶμι Ἰωάννης ὁ Βαπτιστής· καὶ διὰ **τοῦτό σοι**_{Op}
λέγω_V, μηδαμοῦ ἀπέλθης·

‘Я — Иоанн Креститель; и **поэтому тебе** приказываю: никуда не
уйди’ (PG 2853A15-B2)

Позиция местоименной энклитики относительно управляющего её глагола не зависит от формы глагола, как это отчасти происходит в новогреческом языке:

(3.13) λέγει μοι (3IND PRAES, PG 2917A6)

(3.14) εἶπέν μοι (3IND AOR, PG 2905B15)

(3.15) εἶπέ μοι (2Vimp AOR, PG 2905B4)

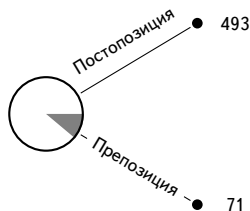
(3.16) λέγειν μοι (Vinf PRAES, PG 2905C7)

Можно утверждать, что КЗ-правила, сформулированные П. Макриджем (см. § 91–93), не вполне релевантны для «Луга Духовного»: с одной стороны, порядок OpV встречается в пояснительном предложении после διὰ τοῦτο: **διὰ τοῦτό σοι**_{Op} λέγω_V (3.12), тогда как по КЗ-правилам П. Макриджа после соответствующего союза διότι ожидается порядок VO_{Op} (см. § 91); с другой стороны, КЗ-правила Макриджа требуют после союза ἵνα порядок OpV (см. § 92), а у Мосха в этом случае возможен VO_{Op}.¹

¹ В «Луге Духовном» после ἵνα возможен OpV: ἵνα ἔργω **με**_{Op} πληροφορήσῃ_V (2.55), однако это, скорее, может говорить о том, что союз ἵνα вообще не влияет на выбор порядка, нежели подтверждает релевантность КЗ-правил П. Макриджа для «Луга Духовного».

Таблица 3.1. Позиция местоименных клитик в «Луге Духовном».

Местоимение	Препозиция	Постпозиция
μου	–	9
μοι	17	258
με	23	128
σου	1	6
σοι	19	61
σε	11	31
	<hr/>	<hr/>
	71	493

(3.17) θέλεις **ἵνα**_{CNJ} ἀποθεραπεύσω_V σε_{OP}

‘... хочешь, **чтобы** [я] вылечил тебя...’ (PG 2885A8)

Порядок VOp (постпозицию) следует, по-видимому, считать базовым, на что, в частности, указывают проведенные подсчеты (см. табл. 3.1).

Табл. 3.1 требует пояснений: во-первых, при подсчетах не учитывалось сочетание слабой формы местоимения с наречием: **πλησίον** μου ‘**вблизи** от меня’ (PG 2909A3; см. также § 105) и с восклицательным словом: **ὄντως** σοι ‘**воистину** тебе’ (PG 2932A8) и **οὐαί** σοι ‘**горе** тебе’ (PG 3036B7); во-вторых, к случаям препозиции местоименной клитики (OpV) был также отнесен и пример 3.18:

(3.18) τίς σου_{OP} ἐστίν_V ἡ ἐργασία

‘какое у тебя занятие’ (PG 2957A4–5),

несмотря на то, что формально местоимение σου можно понимать как притяжательное, то есть определение к существительному ἐργασία, правда, почему-то стоящее перед ним, причем дистантно (... DET V N). Тогда (3.18) можно переводить буквально так: ‘какое твое есть занятие’. Тем не менее, по мнению автора этой книги, в (3.18) предпочтительнее видеть не просто отклонение от нормативного порядка слов (τίς ἐστίν ἡ ἐργασία σου — ... V N DET),¹ а считать, что в изменении порядка слов уже проявляются черты новогреческого синтаксиса, и тогда трактовать μου как местоименное дополнение; ср. с примером 1.1 и сн. 1 на с. 41.

¹ Пример дается без звездочки, т. к. является типичным для койне предложением.

Возникает вопрос: чем, кроме частотности употребления, отличаются VOp и OpV? Ответу на него посвящены § 97–106.

§97. Постпозиция местоименных энклитик (VOp). Если сопоставить количественные данные по употреблению местоименных энклитик из табл. 3.1 с приведенным выше утверждением о том, что положение слабой формы местоимения не зависит от морфологических факторов (см. примеры 3.13–3.16), может показаться, что имеет место некое противоречие: количественное соотношение V_{Op}/OpV для форм в дательном падеже ($\mu\omicron\iota$ и $\sigma\omicron\iota$) превосходит аналогичное соотношение для форм в винительном ($\mu\epsilon$ и $\sigma\epsilon$), в то время как формы в родительном падеже ($\mu\omicron\upsilon$ и $\sigma\omicron\upsilon$) фактически не бывают в препозиции (единственный обнаруженный пример (3.18), где встречается препозиция $\sigma\omicron\upsilon$, представляется спорным: $\sigma\omicron\upsilon_{Op} \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu_V \acute{\eta} \acute{\epsilon}\rho\gamma\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha$). Это кажущееся на первый взгляд противоречие объясняется особенностями глагольного управления. Местоименные формы в родительном падеже зависят от глагола $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\omega$ ‘слышать’, который в древнегреческом языке и в койне требует именно родительного падежа; ср.: $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu_{GEN}$ ‘**послушай меня**’ (PG 2853A13), $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\omega \sigma\omicron\upsilon_{GEN}$ ‘**слушаю тебя**’ (PG 2892B10) и проч. Интересно, что во всех примерах сочетания местоименной энклитики с глаголом $\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\omega$ встречается постпозиция. Это наблюдение можно расширить, проследив за сочетанием местоименных клитик с другими глаголами зрительного и чувственного восприятия (= Vvid), в частности, $\acute{\omicron}\rho\acute{\alpha}\omega$ ‘видеть’:

(3.19) $\acute{\Omega}\varsigma \omicron\upsilon\acute{\nu} \acute{\epsilon}\iota\delta\acute{\epsilon}\nu_{Vvid} \mu\epsilon_{Op} \acute{\omicron} \pi\tau\omega\chi\acute{\omicron}\varsigma \dots$

‘Как только **увидел** меня нищий. . .’ (PG 2893A5)

(3.20) $\acute{\Omega}\varsigma \delta\acute{\epsilon} \acute{\epsilon}\iota\delta\acute{\epsilon}\nu_{Vvid} \mu\epsilon_{Op}$

‘Когда же [она] **увидела** меня. . .’ (PG 2901A9)

Во всех обнаруженных примерах сочетаний глагола $\acute{\omicron}\rho\acute{\alpha}\omega$ с местоименной энклитикой наблюдается порядок VOp. Таким образом, вероятным кажется предположение, что в «Луге Духовном» глаголы зрительного и чувственного восприятия требуют постпозицию слабой формы местоимения.

Большинство местоименных форм в дательном падеже встречаются при глаголах речевой деятельности (= Vdic) и, сочетаясь с этими глаголами, чаще всего оказываются в постпозиции к ним:

(3.21) **Διηγήσατό**_{Vdic} μοί_{Op} τις τῶν Πατέρων, ὅτι δρακονάρις τις **διηγήσατό**_{Vdic} μοί_{Op} λέγων

‘**Рассказал** мне кто-то из отцов, что «драконарий один **рассказал** мне, говоря. . . »’ (PG 2868A4–5)

(3.22) **ἀπεκρίθη**_{Vdic} μοί_{Op} λέγουσα

‘. . . [она] **ответила** мне, говоря. . . ’ (PG 2901A10)¹

Примеры 3.19–3.22 свидетельствуют о том, что позиция местоименного дополнения связана не с морфологическими особенностями, а с семантикой управляющих глаголов. В подтверждение можно привести еще примеры 3.23 и 3.24, где местоименная энклитика оказывается в постпозиции к глаголам с модальным значением (= Vmod):

(3.23) οὐκ **ἔῤ**_{Vmod} με_{Op} ἡ ἀσθενείά μου ἀνελθεῖν καὶ ἀπάσασθαι ὑμᾶς

‘. . . не **позвляет** мне болезнь моя подняться и поприветствовать вас’ (PG 2896C9–10)

(3.24) Ἐὰν **θέλῃ**_{Vmod} με_{Op} ὁ Θεὸς εἶναι ἐν ταύτῃ τῇ ζωῇ

‘Если **желает** Бог, чтобы я был (букв. **желает** меня Бог быть)² в этой жизни. . . ’ (PG 2896C12)

Пример 3.24 демонстрирует, что у Мосха позиция местоименного дополнения скорее определяется семантическими особенностями глагола, а не синтаксическим окружением, в частности союзом *ἐάν*, как это происходит в ранненовогреческих поэтических текстах (см. § 92).

¹ См. также примеры 3.13–3.16; о препозиции местоименной энклитики, зависящей от глагола речевой деятельности, см. в § 103 (о примере 2.57), а также примеры 3.12 и 3.67 и комментарии к ним в § 106.

² Accusativus cum infinitivo.

§98. Все три выделенные семантические группы (глаголы зрительного и чувственного восприятия, речевой деятельности и модальные) обладают во многих языках рядом особенностей, проявляющихся при сочетании с другими синтаксическими элементами. Например, в английском и немецком языках модальные глаголы и глаголы зрительного и чувственного восприятия управляют инфинитивом, у которого отсутствует формальный показатель инфинитивности (англ. to и нем. zu). Это, вероятно, указывает на более тесную связь форм инфинитива с модальными глаголами/глаголами зрительного и чувственного восприятия, чем с глаголами других классов, где такой показатель употребляется, то есть можно предположить, что в сочетаниях VmodVinf, VvidVinf и т.п. управляющий глагол, если не оказывается центром высказывания, несет не меньше информации, чем инфинитивная форма. Подобное наблюдение справедливо и для глаголов речевой деятельности, которые почти всегда попадают в информационный центр высказывания (или его части), выступая в функции показателя изменения речевой ситуации: **сейчас начнется/закончится косвенная/прямая речь**, а иногда даже в перформативной функции. Проиллюстрировать семантические особенности глаголов речевой деятельности можно на примере английского глагола to tell ‘говорить, рассказывать’, который не может быть использован без местоименного дополнения (he tells **me** that. . . , но не *he tells that. . .) независимо от необходимости данной информации. Следовательно, ядром высказывания в подавляющем большинстве случаев оказывается именно глагол to tell, а добавление местоименного дополнения представляет собой сугубо морфологическое требование.

Эти семантические особенности указанных выше глагольных классов находят свое отражение в синтаксисе местоимений в «Луге Духовном». В многочисленных коммуникативных актах, имеющих в данном тексте, присутствуют только два коммуниканта,¹ поэтому, когда один коммуникант говорит другому: ἀκούω σου ‘слушаю тебя’, добавление указания адресата σου не является информативным, ведь читатель не знает другого участника

¹ Даже если коммуникантов больше, они делятся на две группы: **говорящий/говорящие** и **слушающий/слушающие**, из которых в процессе коммуникации обычно никто не выделяется лично.

коммуникации, которого говорящий мог бы слушать.¹ Аналогичным образом описывается ситуация с участием глагола речевой деятельности, где количество коммуникантов известно заранее (их двое), и употребление местоимения оказывается плеонастичным:

(3.25) Καὶ κρατήσας_{Vprt} με_{Op}, φησὶ, τῆς χειρὸς, λέγει_{Vdic} μοι_{Op}
 ‘И схватив меня, рассказывает [авва Феодосий], за руку [юноша] **говорит** мне. . .’ (PG 2917A5–6)

До этого предложения в истории не было никаких других персонажей, кроме аввы Феодосия и юноши, поэтому опускание второго местоимения μοι не затруднило бы понимание:

(3.26) ^(*)καὶ κρατήσας με, φησὶ, τῆς χειρὸς, λέγει²

Неинформативность местоименной клитики, находящейся в постпозиции к глаголу-референту, проявляется не только в сочетании с модальными глаголами или глаголами речевой деятельности и восприятия, но и в большинстве случаев постпозиции:

(3.27) Τότε λέγει_{Vdic} μοι_{Op} ὁ φανείς_{Vprt} μοι_{Op} νεανίας
 ‘Тогда говорит мне явившийся **мне** юноша. . .’ (PG 2917A13–14; см. также сн. 1 на с. 111)

Второе μοι, несомненно, является плеонастичным, заполняя пустующую валентность субстантивированного причастия.³

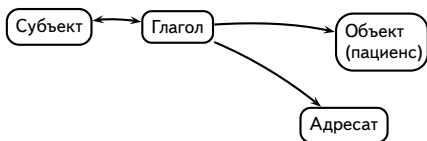
¹ Естественно, возможна ситуация, когда один коммуникант указывает другому, что в данный момент слушает не его, а кого-то другого, и при этом должны измениться акценты высказывания. В «Луге Духовном» удалось обнаружить подобную ситуацию (см. пример 3.60), и, забегая вперед, можно отметить, что это приводит к изменению порядка слов, а именно — препозиции местоименной формы, причем в (3.60) местоименное дополнение графически оформляется как ударное.

² Звездочка дается в скобках: хотя такой пример не встречается в тексте, он представляется теоретически возможным.

³ А. В. Циммерлинг, приводя пример 3.27, предполагает, что факт удвоения указывает на приоритет правой позиции из тех двух позиций, на которых энклитика может оказаться при данном составе предложения, и отмечает, что сам факт удвоения, с одной стороны, свидетельствует о наличии ритмико-синтаксического барьера, сдвигающего энклитику вправо, а с другой, — о том, что на этой стадии развития просодической системы барьер еще не стал обязательным [ЦИММЕРЛИНГ 2002:91–92]. Следует также указать на устойчивый характер выражения ὁ φανείς μοι ‘явившийся мне. . .’ (ср. с PG 2865D5).

§99. Итак, рассмотрение примеров 3.21–3.27 позволяет высказать следующее соображение: местоименная энклитика, стоящая в постпозиции к управляющей ей глагольной форме не несет на себе информационной нагрузки.¹ Подобное соображение помогает отыскать причину многих случаев постпозиции местоименной энклитики, в частности VimpOp, где практически вся смысловая нагрузка ложится на глагол в повелительном наклонении: *πίστευσόν*_{Vimp} μοι ‘**поверь** мне’ (пример 3.9), *ῥημόσόν*_{Vimp} μοι ‘**поклонись** мне’ (PG 2900B8), *δόσ*_{Vimp} μοι_{Op} ὀλίγον ὕδωρ ‘**дай** мне немного воды’ (PG 2865B13–14). Можно предложить два объяснения, почему в этих примерах местоименное дополнение не опускается.

Рис. 3.3. Валентности глагола.

Во-первых, возможно, здесь проявляется стилистическая или синтаксическая особенность языка Иоанна Мосха, заключающаяся в тенденции к заполнению определенных семантических валентностей глагола (см. рис. 3.3; ср. с аналогичным утверждением, высказанным Е. М. Вольф относительно иберо-романских языков [Вольф 1974:34]).

Факультативной валентностью в «Луге Духовном» является наличие субъекта, причем не только в императиве, как в большинстве индоевропейских языков, но и в личных формах, что является нормой для греческого языка на всем протяжении его развития (так называемый Pro-Drop). Одна из двух оставшихся валентностей в большинстве случаев оказывается заполненной (если это, естественно, позволяет значение глагола). При отсутствии дополнения, выраженного именем существительным, заполнение происходит с помощью местоименной клитики.

¹ Данное утверждение не противоречит выдвинутому в §95 предложению не рассматривать местоименные энклитики в позднем койне как аналоги аффиксов; ср.: *εἰπόν*_{Vimp} μοι_{Op} ῥήμα_{Od} ‘скажи мне что-нибудь (букв. слово)’ (PG 2861A14), где прямое дополнение ῥήμα не добавляет никакой существенной информации (что еще можно сказать, кроме слова?); это позволяет предположить, что данное словосочетание является устойчивым выражением, однако едва ли есть основания считать существительное ῥήμα аффиксом.

Во-вторых, употребление местоименных клитик при глаголе можно сопоставить с использованием определенного артикля при имени существительном. Фивос Панайотидис, выдвигая предположение о фактической тождественности испанских местоименных клитик *las* и *la* и определенного артикля, приводит следующий греческий пример:

(3.28) Η Νένα πουλούσε_V {φτηνά εισιτήρια}_O κι ο Άρης
αγόραζε_V ∅
‘Нена продавала **дешевые билеты**, а Арис покупал’ [PANAGIOTIDIS 2002:70]

Хорошо видно, что в первом простом предложении объект (O) присутствует, а во втором он опущен, то есть имеется **пустой объект** (∅). Возникает вопрос, почему во втором простом предложении не употреблена местоименная клитика вместо пустого объекта. Если ее подставить

(3.29) Η Νένα πουλούσε_V {φτηνά εισιτήρια}_O κι ο Άρης τα_{Op}
αγόραζε_V
‘Нена продавала дешевые билеты, а Арис **их** покупал’,

оказывается, что добавление местоименной клитики (Op) полностью меняет смысл предложения: в примере 3.28 единственной общей чертой у билетов, проданных Неной и купленных Арисом, была их низкая цена (дешевизна), а в (3.29) однозначно говорится о том, что Арис купил **именно те самые** билеты, которые Нена продала.¹ Сопоставление примеров 3.28 и 3.29 свидетельствует о том, что присутствие слабой формы местоимения не сводится просто к морфологическим или стилистическим требованиям.

Хотя в «Луге Духовном» примеры, подобные 3.28 и 3.29, обнаружены не были, нельзя с полной уверенностью утверждать, что для языка Иоанна Мосха справедливо следующее тождество: VO_p = V∅. Можно предположить, что добавление местоименной энклитики привносит оттенок личностного участия говорящего,² с одной стороны, оживляя происходящее, а с другой — придавая ему бóльшую достоверность.

¹ В примере 3.28 также не исключена возможность того, что речь идет об одних и тех же билетах.

² Ср.: *δός οὖν λόγον ‘дай же слово’ и δός μοι_{Op} οὖν λόγον ‘дай **мне** же слово’ (пример 2.68).

§100. Препозиция местоименных энклитик (OpV).¹ В тексте «Луга Духовного» можно выделить две группы факторов, под влиянием которых местоименное дополнение может предшествовать управляющей им глагольной форме: **формальные** и **прагматически обусловленные**.

§101. Под **формальными факторами**, (потенциально) оказывающими влияние на постановку местоименного дополнения перед глагольной формой, понимаются тенденции к сохранению целостности единств как просодических, так и синтаксических (см. также §102), а также желание избежать контактной позиции двух глагольных форм (§103). Стремление к сохранению просодических единств следует усматривать в таких примерах, как (3.9): {οὐ μή σε_{Op}} ἔάσω_V, (i) в сн. 1 на с. 112: ἔδει_{Vmod} {σέ με_{Op}} γυμνῶσαι_{Vinf},² ср. также с (3.30):

(3.30) καὶ {οὐκ ἔτι σε_{Op}} πολεμῶ_V

‘и не буду более на тебя покушаться’ (PG 2900B9–10)

Во всех трех примерах местоименное дополнение является компонентом цепочки клитик (границы которой отмечены знаками { . . . }), где рядом могут оказаться как две местоименные клитики (пример i в сн. 1 на с. 112), так и неместоименные клитики: отрицательные частицы (3.9) или отрицательная частица и наречие ἔτι (3.30).³ Очевидно, нежелание разорвать цепочку клитик, приводящее к усложнению порядка слов, следует рассматривать и как пережиток того просодического этапа развития греческого языка, когда принципы расстановки местоименных клитик в предложении еще не отличались от принципов расстановки частиц, и как показатель того, что в сознании носителя греческого

¹ Следует напомнить, что в «Луге Духовном» слабые формы местоимения **всегда** оформляются как энклитики независимо от позиции по отношению к управляющему глаголу; см. также сн. 3 на с. 125.

² Оборот Accusativus cum infinitivo: σε_{ACC} . . . γυμνῶσαι_{Vinf}; местоимение σε, выступающее в роли подлежащего в обороте, оформлено как энклитика к безличному глаголу δεῖ ‘следует, должно’.

³ Доводом в пользу клитической природы наречия ἔτι могут служить регулярные случаи слияния этого наречия с отрицанием οὐκ: οὐκ + ἔτι = οὐκέτι ‘более не, уже не’; ср. с примерами слияния энклитик, приводимыми в [DENNISTON 1954:264–268, 489, 553–555 и т. д.]: δῆθεν (δῆ + θεν), δῆπου (δῆ + που), εἶπερ (εἶ + περ), ἤτοι (ἤ + τοι) и др.

языка VI–VII в. еще не закрепился новый статус местоименных клитик.

§102. Некоторые случаи препозиции можно объяснить **запретом на разрыв составляющих**:

(3.31) ἄρα οὐδὲ ὡς {νεκράν_{DET} με_{Op}} ὄφειλες_{Vfin} οἰκτεῖρα_{Vinf};
‘... неужели ко **мне**, даже **мертвой** (букв. как **к мертвой ко мне**) [ты] не должен был почувствовать жалость?’ (PG 2933D4–5)

Вероятно, «отрыв» местоимения με от прилагательного νεκρός, служащего определением к нему, мог затруднить понимание — тем более, при дистантной препозиции, как это происходит в (3.31): {DET Op} Vmod Vinf (местоименная клитика зависит от инфинитивной формы). Похожая картина наблюдается в примере 3.32, где от личной формы глагола зависит оборот Accusativus cum infinitivo, подлежащее которого (местоименная клитика με) и глагольная форма (инфинитив παραστήναι) оказываются разделенными личной формой глагола ἔχρινας, от которой и зависит инфинитивный оборот:

(3.32) οὕτως {γυμνήν_{DET} με¹} ἔχρινας_{Vfin} παραστήναι_{Vinf} τῷ
Χριστῷ
‘... так вот **нагой мне**, [ты] решил, и предстать перед Христом...’ (PG 2933D6–7)

Несмотря на отсутствие обычного местоименного дополнения, в (3.32), в отличие от примера 3.31, постановка местоименного дополнения перед личной глагольной формой, хотя и приводит к разрыву инфинитивного оборота, находит формальное обоснование: запрет на разрыв местоименной формы и согласованного определения к ней. Читатель или слушатель текста, встречая глагол κρίνω ‘судить, решать’, уже ожидает увидеть инфинитивный оборот, поэтому связь между местоимением в винительном падеже и инфинитивом предсказуема, несмотря на синтаксическую дистанцию. Наличие же определения у местоименной формы, по крайней мере для «Луга Духовного», является

¹ При местоименной энклитике με не ставится индекс Op, так как, строго говоря, она не является местоименным дополнением, а выступает в роли подлежащего в обороте Accusativus cum infinitivo.

большой редкостью, и при дистантной позиции (DET W Op) читатель/слушатель испытывает, вероятно, затруднение, не сразу догадавшись связать друг с другом прилагательное и местоимение. В подтверждение можно привести пример 3.33:

- (3.33) Ἄρα οὐ τὴν ἰδίαν_{DET} ὑβρισας_V μητέρα_{Od} σὺν ἐμοί;
 ‘Разве не собственную [ты] посрамил мать вместе со мной?’
 (PG 2933D8–9)

Прямое дополнение, выраженное существительным, и согласованное определение (местоимение) расположены здесь дистантно: их разделяет глагольная форма. Дистантная позиция в этом случае не только возможна, поскольку связь между согласованным определением и существительным очевидна, но даже обязательна, указывая на присутствие маркированности: *даже собственную мать*.

Отдельный интерес вызывает случай, где в роли согласованного определения выступает причастная форма:

- (3.34) {Ἐλθόντα_{DET(Vprt)} με_{Op}} οὖν εὐθὺς ὁ γέρων εὐζάμενος
 ἐθεράπευσεν_{Vfin}
 ‘Когда **я пришел** (букв. **пришедшего меня**), тотчас же (букв. же тотчас) старец, помолившись, [меня] исцелил’ (PG 2876A6–7)

Порядок слов в примере 3.34 можно также интерпретировать и следующим образом: местоименная энклитика *με* не является дополнением при глаголе *ἐθεράπευσεν*, а составляет вместе с причастной формой в винительном падеже *ἐλθόντα* независимый причастный оборот (так называемый *Accusativus absolutus*). В пользу такого понимания можно привести два аргумента: во-первых, местоименная энклитика сильно удалена от личной формы глагола, а во-вторых, особенности сочетания *ἐλθόντα με* очень похожи на *Genitivus absolutus*: и в том, и в другом случае оборот расположен в начале предложения, его компоненты находятся в непосредственном контакте, и, в соответствии с законом Ваккер-нагеля, местоименная энклитика оказывается на втором месте; ср. с примерами 3.35 и 3.36, где встречается *Genitivus absolutus*, подлежащее которого выражено местоименной энклитикой:¹

¹ В (3.35) клитика *μου* (GEN) оформлена как ударная, потому что входит в цепочку клитик, и после нее находится энклитика *ποτε*; ср. с (2.70).

(3.35) {Καθημένου μου} ποτε ἐν τῇ λαύρῳ τῶν πυργίων
 ‘Когда я находился однажды в лавре «Башен»...’
 (PG 2856D4–5)

(3.36) {Μέλλοντός μου} λοιπὸν τοῦ τάφου ἐξελεύειν
 ‘Когда я намеревался наконец из гробницы выйти...’
 (PG 2933C13–14)

Следует отметить важный момент, коренным образом отличающий (3.34) от примеров 3.31 и 3.32: если в (3.34) не удастся обнаружить какие-либо прагматические факторы, вызывающие препозицию местоимения (маркированность), то в (3.31) и (3.32) четко прослеживаются следы действия эмфазы: препозиция местоименной энклитики, конечно, вызвана нежеланием оторвать ее от определения, однако позиция самого определения перед глагольной формой, как и контекст высказывания, явственно указывают на маркированность определения, что и приводит к препозиции местоименного дополнения.

§ 103. Препозицию, обусловленную формальными факторами, можно также усматривать в тех случаях, когда местоименная энклитика используется в качестве разделителя между глагольными формами:

(3.37) οὐ θέλει_{Vmod} με_{Op} λαβεῖν_{Vinf} διὰ τὰ παῖδια
 ‘... [воин] не хочет меня взять [в жены] из-за детей...’
 (PG 2929B11)

Препозиция местоименного дополнения, зависящего от инфинитива λαβεῖν, не является показателем маркированности; таким образом «разбавляется» скопление глагольных форм. Аналогичная ситуация встречается в примере 2.57: μέλλω_{Vmod} σοι_{Op} λέγειν_{Vinf(dic)}, где стремление избежать контакта глагольных форм оказывается сильнее тенденции ставить местоименную энклитику после глагола речевой деятельности λέγειν.¹ Местоименная

¹ Пример 2.57 оказывается одним из трех, обнаруженных в тексте «Луга Духовного, нарушений указанной тенденции; о сочетании VdicOp см. § 97 и сл.; два прочих нарушения зафиксированы в примерах 3.12 и 3.67. Пример 3.59 (ἐμοι_{Op} καὶ τῷ ἀδελφῷ Σωφρονίῳ τῷ σοφιστῇ λέγων_{Vprt}) не следует относить к нарушениям, так как в нем в препозиции оказывается сильная форма местоимения.

энклитика может оказываться в качестве разделителя, располагаясь между личной формой и причастием, причем ее позиция может быть истолкована двояко — и как препозиция, и как постпозиция:

(3.38) ἐπειδὴ οὐχ εὐλόγησάς_{Vfin} **με**_{Op} ἀποστέλλων_{Vprt}
 ‘... потому что [ты] не благословил **меня** отпуская...’
 (PG 2909D3–4)¹

Впрочем, как будет указано немного ниже, в примерах типа 3.38 предпочтительнее усматривать постпозицию.

Использование местоименной энклитики в качестве разделителя глагольных форм можно даже отнести к общим стилистическим особенностям рассматриваемого литературного памятника и с помощью этой стилистической особенности объяснять порядок следования компонентов оборота Accusativus cum infinitivo в тех случаях, когда местоименная форма в винительном падеже предшествует инфинитиву:

(3.39) οὐχ ἐᾷς_{Vmod} {**με** ἐξελεῖν_{Vinf}}²
 ‘... не позволяешь **мне** выйти...’ (PG 2913A12)

Наконец, как интерпозицию местоименной клитики между глаголом речевой деятельности и причастием можно рассматривать пример 3.27: λέγει_{Vfin(dic)} **μοι**_{Op} ὁ φανείς_{Vprt}. В то же время приходится говорить о факультативном характере данной тенденции: как свидетельствуют примеры 3.31 (νεκράν **με**_{Op} ὄφειλες_{Vfin} οἰκτεῖραι_{Vinf}) и 3.32 (γυμνήν **με** ἔχρας_{Vfin} παραστήναι_{Vinf}), она может нарушаться под действием запрета на разрыв составляющих, а также под влиянием закона Ваккернагеля:

(3.40) Καὶ ἀποκριθεῖσα_{Vprt} λέγει_{Vfin} **μοι**_{Op}
 ‘И отвечая, [женщина] говорит **мне**...’ (PG 2865B8)

¹ Поскольку не ясно, стоит ли **με** в постпозиции к личной форме εὐλόγησας или в препозиции к причастию ἀποστέλλων, в переводе не ставятся запятые, влияющие на интерпретацию примера: ‘благословил меня, отпуская’ (VfinOp...) или ‘благословил, меня отпуская’ (...OpVprt).

² Знаки {...} отмечают границы оборота; местоименная клитика **με** не приобретает индекс Op, потому что, в первую очередь, она является не дополнением, а подлежащим в обороте.

В примере 3.40 местоименная энклитика $\mu\omicron\iota$ стоит на втором месте в колонне; если бы она стояла после причастия, то оказалась бы на третьем месте, и ее позицию пришлось бы объяснять с помощью правила барьера (см. § 73). Можно предложить и другое, вероятно, даже более правдоподобное объяснение: заполнение пустующей валентности у личной формы глагола обладает бóльшим приоритетом, чем у причастной; ср. с примерами 3.21 ($\delta\iota\eta\gamma\acute{\eta}\sigma\alpha\tau\acute{o}_{Vdic} \mu\omicron\iota_{Op} \lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega\nu_{Vprt}$), 3.22 ($\acute{\alpha}\pi\epsilon\kappa\rho\acute{\iota}\theta\eta_{Vfin} \mu\omicron\iota_{Op} \lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\upsilon\sigma\alpha_{Vprt}$) и 3.38 ($\epsilon\upsilon\lambda\acute{o}\gamma\eta\sigma\acute{\alpha}\varsigma_{Vfin} \mu\epsilon_{Op}$) $\acute{\alpha}\pi\omicron\sigma\tau\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega\nu_{Vprt}$, где, по видимому, предпочтительнее говорить о порядке VOp .¹

Подводя итог рассмотрению формальных факторов, влияющих на препозицию местоименных клитик, следует отметить, что, с одной стороны, формальные факторы **не носят обязательного характера**, а с другой стороны, во многих примерах препозиции, помимо влияния формальных факторов, наблюдается также и влияние прагматически обусловленных факторов, описываемых в § 104–106.

§104. Под **прагматически обусловленными факторами**, влияющими на препозицию местоименного дополнения, подразумевается маркированность, точнее одна из процедур эмфазы, связанная с перемещением синтаксических элементов в рамках структуры предложения (§ 64), передвигающая местоименную энклитику на позицию перед глаголом-референтом. Влияние процедур эмфазы на появление препозиции было уже отмечено в § 102 при разборе примера 3.31 ($\nu\epsilon\kappa\rho\acute{\alpha}\nu \mu\epsilon_{Op} \acute{\omega}\phi\epsilon\iota\lambda\epsilon\varsigma_{Vfin} \omicron\iota\chi\tau\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha_{Vinf}$), где действие эмфазы, вызывая общее изменение порядка слов, не обуславливает напрямую препозицию местоименной формы. Ниже прежде всего будут рассмотрены такие примеры, где процедуры эмфазы представляются, если не единственным, то основным фактором, приводящим к OpV :

(3.41) $T\acute{\iota} \gamma\acute{\alpha}\rho \epsilon\acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}\varsigma \mu\omicron\upsilon \kappa\alpha\lambda\acute{o}\nu, \acute{\omicron}\tau\iota \omicron\upsilon\tau\omega\varsigma \mu\epsilon_{Op} \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\acute{\alpha}\varsigma_{V};$

‘Что же [ты] увидел во мне хорошего, что так **меня** любишь?’

(PG 2913A15–B1)

В (3.41) интерпретация препозиции местоименной энклитики в терминах эмфазы выглядит следующим образом: *почему же*

¹ Именно как VOp трактовались вышеуказанные примеры при количественных подсчетах в табл. 3.1.

ты полюбил именно меня, а не кого-то другого? При подобном понимании в центре действия эмфазы оказывается именно местоименная форма, маркированность которой выражается в ее перемещении на позицию перед глаголом: VOr → OpV. Похожим образом можно трактовать и порядок слов в примере (ii) в сн. 1 на с. 112: διὰ τί οὕτως **με**_{Op} θλίβεις_V ‘... за что [ты] так (*именно*) **меня** мучаешь...’, то есть говорящая интересуется, почему из всего множества людей, которых можно было бы мучить, объектом мучения оказалась **именно** она. Стоит повторить, что при подобной интерпретации маркированности порядка слов элементом, меняющим свою позицию в предложении, является **сама** местоименная энклитика (см. также сн. 1 на с. 158).

§105. Рассмотрение местоименной энклитики, находящейся в препозиции, как маркированного элемента связано, по крайней мере, с одной очень серьезной трудностью: во всех языках, где имеются сильные и слабые местоименные формы (например, романские и балканские языки), маркированными являются **только ударные формы**, но не клитики.¹ При рассмотрении сильных форм местоимений в «Луге Духовном» эта проблема кажется на первый взгляд легко преодолимой. Во-первых, ударные формы, как показывают подсчеты, употребляются в функции дополнения гораздо реже, чем клитические (57 случаев с ударными формами против 564 с клитическими), и (практически?) не бываю-т в постпозиции (см. табл. 3.2).

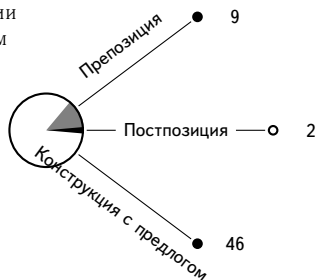
При подсчетах к случаям препозиции был отнесен пример 3.62 (**καὶ με**_{Op*} εἰς Βαβυλῶνα), где, в сущности, имеет место не препозиция, а эллиптическая конструкция; как сочетание сильной формы местоимения с предлогом трактуется пример 3.42.

¹ Ср. с замечанием П. Макриджа о том, что в эллиптических предложениях употребляются только ударные формы личных местоимений [MACKRIDGE 1985:226]. Интересно, что в приводимом им примере встречается не местоименное дополнение, а подлежащее: Ποῖός ἐσπασε το τζάμι; — Εγώ 'Кто разбил стекло? — Я'.

			Данный пример свидетельствует не только о маркированности сильных форм местоимений, но и о вхождении местоименных подлежащих в общую систему противопоставлений сильных и слабых форм, что можно продемонстрировать на примере местоимения 'я'.
Падеж	Сильная форма	Слабая форма	
NOM	εγώ	∅	
GEN	σ'εμένα	μου	
ACC	εμένα	με	

Таблица 3.2. Употребление сильных форм личных местоимений.

Местоимение	Пре-позиция	Пост-позиция	Конструкции с предлогом
ἐμοῦ	–	–	24
ἐμοί	3	–	–
ἐμέ	4	2	9
σοῦ	2	–	9
σοί	–	–	1
σέ	–	–	3
	9	2	46

(3.42) διὰ_{PREP} σέ ἐίμι ὧδε

‘из-за тебя я (букв. [я] есть) здесь’ (PG 3104B9)

Наличие безударной формы глагола ἐίμι после местоимения не позволяет наверняка понять, имеет ли σέ собственное ударение или на нем появляется ударение как на первом компоненте цепочки клитик. По трем причинам предпочтительным кажется предположение о том, что в (3.42) представлена именно ударная форма: во-первых, с предлогами должны сочетаться ударные формы местоимений (ср. с примерами 3.43–3.55); во-вторых, в «Луге Духовном» многократно встречается сочетание δι’ ἐμέ ‘из-за меня’ (PG 3104B14 и пример 3.44), полностью аналогичное сочетанию διὰ σέ — только с местоимением первого лица; в-третьих, возможно, ἐίμι пишется без ударения по ошибке, потому что в (3.42) глагол является не связкой, а имеет пространственное значение (‘находиться’).

Как видно из табл. 3.2, основной сферой употребления сильных форм местоимения в «Луге Духовном» являются сочетания с предлогами:

(3.43) ἀπ’_{PREP} ἐμοῦ (PG 2948D9)

(3.44) δι’_{PREP} ἐμέ (PG 2929A11)

(3.45) εἰς_{PREP} ἐμέ (PG 3049D1)

(3.46) ἐν_{PREP} σοί (PG 2981D12)

(3.47) ἐπ’_{PREP} ἐμέ (PG 2932C5–6)

- (3.48) κατ'PREP ἐμοῦ (PG 3085B7)
 (3.49) μετ'PREP ἐμοῦ (PG 2948A13)
 (3.50) παρ'PREP ἐμοῦ (PG 3104D3)
 (3.51) πρὸPREP ἐμοῦ (PG 2936C13)
 (3.52) πρὸςPREP σέ (PG 3080C7)
 (3.53) σὺνPREP ἐμοί (PG 2933D9)
 (3.54) ὑπὲρPREP ἐμοῦ (PG 2933D10)
 (3.55) ὑπὸPREP σοῦ (PG 3053D5)

Сочетание сильных форм местоимения с предлогами вполне объяснимо: последние, как все члены предложения, не имеющие собственного ударения, стремятся занять место рядом с ударными (а к тому же еще по определению маркированными) словоформами. Местоименные энклитики, напротив, сочетаются с наречиями, то есть словоформами, имеющими собственное ударение. В примерах 3.56 и 3.57 приводятся два наиболее частых случая:

- (3.56) ἔμπροσθένADV μουCL (PG 2932C4–5)
 (3.57) ὀπίσωADV μουCL (PG 3061D8)

Казалось бы, сопоставление примеров 3.43–3.55, с одной стороны, и 3.56–3.57 — с другой, должно, несомненно, указывать на различия между сильными формами местоимений и клитиками. Однако пример 3.58 заставляет в этом усомниться:

- (3.58) πρὸςPREP μεCL (PG 3104B2)

Необычным в (3.58) является не сочетание предлога с местоименной энклитикой вместо ожидаемой сильной формы местоимения, а то, что в «Луге Духовном» есть похожий пример 3.52 с местоимением не первого, а второго лица, где с тем же предлогом употреблена ударная форма (πρὸςPREP σέ). Очевидно, что предложные сочетания πρὸς με и πρὸς σέ на просодическом

уровне ничем не отличаются друг от друга; следовательно, можно высказать очень важное предположение: **различия между сильными и слабыми формами местоимений** в «Луге Духовном» **не всегда отражаются на графике**. Это предположение объясняет, во-первых, малое число местоименных форм, **графически оформленных** как ударные, а во-вторых, позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой при прагматически обусловленном OpV в препозиции оказывается не клитическая, а ударная форма, и в результате устанавливается следующая оппозиция: VOp↔Op*V. Данная гипотеза подтверждается некоторыми примерами, где имеется сильная местоименная форма, предшествующая глаголу-референту:

(3.59) Διηγῆσατο ἡμῖν ὁ ὄσιος Πατὴρ ἡμῶν ὁ ἀββᾶς Γεώργιος ὁ ἀρχιμανδρίτης τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Πατρὸς ἡμῶν Θεοδοσίου τῆς διακεκμημένης κατὰ τὴν ἔρημον τῆς ἁγίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν πόλεως, **ἐμοὶ**_{Op*} καὶ τῷ ἀδελφῷ Σωφρονίῳ τῷ σοφιστῇ **λέγων**_{Vprt}, ὅτι

‘Рассказал нам блаженный отец наш авва Георгий, архимандрит обители святого отца нашего Феодосия, находящейся в пустыне святого града Христа, Бога нашего, **мне** и брату Софронию, софисту, **говоря**, что...’ (PG 2949B1–6)

Употребление сильной формы местоимения¹ может объясняться следующим: в самом начале предложения было вскользь сказано, кому авва Георгий рассказывает свою историю, однако за обилием деталей читатель/слушатель мог позабыть, кому все это говорится, поэтому выделение адресатов, с одной стороны, возвращает после перечисления деталей к мысли о том, что самая важная часть будет именно сейчас, а с другой стороны, придает дополнительную достоверность рассказу (*рассказал именно Мосху и Софронию, а не неизвестному человеку*). Местоименное дополнение находится в препозиции к глаголу речевой дея-

¹ О том, что ἐμοὶ действительно сильная форма, свидетельствует, во-первых, начальная позиция в колонне, а во-вторых, морфологический показатель ἐ-:

Падеж	Сильная форма	Слабая форма
GEN	ἐ-μοῦ	μου
DAT	ἐ-μοί	μοι
ACC	ἐ-μέ	με

тельности, поэтому показательно, что здесь употреблена именно сильная форма.

Особенно ярко маркированность местоименного дополнения проявляется при антитезе:

(3.60) Ὅτι μὲν ὤμοσα, καὶ ὅτι ἐπίορκησα, οἶδα, πλὴν τὸν ἐμὸν
Δεσπότην καὶ ποιητὴν ἐπίορκησα, σοῦ_{Op}* δὲ_{CL} οὐ μὴ ἀκούσω_V
‘То, что [я] поклялся и нарушил клятву, знаю, однако нарушил
клятву перед моим Господом и Создателем, **тебя** же не буду
слушать’ (PG 2900D1–3)

В примере 3.60 присутствует ярко выраженное противопоставление между двумя частями предложения, на что, в частности, указывает использование сентенциальной энклитики *δέ*. Основная мысль этого противопоставления напрямую связана с адресатом высказывания: *я клялся не тебе, и уж кому-кому, но никак не тебе уличать меня в этом*. На уровне просодии, синтаксиса и морфологии маркирование адресата находит выражение в употреблении ударной формы местоимения (а не клитической),¹ поставленной на первую (сильную) позицию в предложении, и в факте препозиции местоименного дополнения.

В то же время при антитезе может фигурировать не ударная, а клитическая форма:

(3.61) Δός_{Vimp} μοι_{Op} οὖν_{CL} λόγον_{Od} ὅτι ὧδε κατοικεῖς, χάγώ
σοι_{Op} τὴν ὑγείαν παρέχω_{Vfin}
‘Дай же **мне** (букв. **мне** же) слово, что останешься на этом
месте, и я **тебя** здоровьем наделю’ (PG 2853B5–6)

В центре первой части высказывания оказывается повеление Иоанна Крестителя, то есть VP (вернее, VimpOd), на что указывает наличие энклитики *οὖν*; местоименная энклитика здесь не несет информационной нагрузки и просто заполняет пустующую валентность глагола *δίδωμι* (*дам*_(кому?)). Порядок слов во второй части, очевидно, является маркированным: местоименная

¹ Об ударности *σοῦ* следует, прежде всего, судить не по ударению, а по тому, что этот элемент занимает начальную (сильную) позицию в (придаточном) предложении, и к нему примыкает энклитика *δέ*.

энклитика находится в дистантной препозиции. Можно предположить, что именно она и оказывается в центре действия эмфазы, то есть сама является маркированным элементом. Тогда пример 3.61 следует интерпретировать следующим образом: *Τὴ δαί слово, и тогда именно ты и получишь здоровье*. Возникает вопрос о том, чем различаются примеры 3.61 и 3.60 и почему в одном случае используется ударная, а в другом — безударная форма местоимения. Можно пытаться рассматривать оба примера как аналогичные и объяснять, почему, несмотря на «одинаковость» примеров, употребляются разные формы местоимений, так: во-первых, *Μοσχ* графически почти не разделяет ударные и неударные формы; во-вторых, *Μοσχ* оформляет σοι как энклитику «по привычке» в связи со второй позицией данного синтаксического элемента.

§106. Тем не менее, некоторые факты заставляют отказаться от гипотезы о том, что клитические и ударные формы, находясь в препозиции к глаголу, тождественны друг другу (OpV = Op*V).

Во-первых, предположение о графическом неразличении сильных и слабых форм, если и подходит для местоимений второго лица единственного числа, то никак не годится для местоимений первого лица.¹

Во-вторых, в эллиптическом предложении употребляется именно ударная форма (см. также сн. 1 на с. 151):

(3.62) ὁ μαχαριώτατος Ἀπολινάριος, ἐποίησεν {τοὺς τρεῖς ἐπίσκοπους}_{Οδ} τὸν μὲν εἰς Ἡλιούπολιν, τὸν δὲ εἰς Λεοντόπολιν, **καὶ μὲ**_{Op*} εἰς Βαβυλῶνα
 ‘... блаженнейший Аполлиний назначил [нас] тремя епископами: одного — в Илиополь, другого — в Леонтополь, а **меня** — в Вавилон’ (PG 2988A9–12)

Примеры, где бы в подобной позиции использовалась слабая форма местоимения, не обнаружены.

В-третьих, сравнение случаев постпозиции местоименной энклитики и ударной формы (VOp и VOp*, последние при пост-

¹ См. сн. 1 на с. 154. Автор благодарит П. Макриджа, указавшего ему на этот фактор.

позиции встречаются, по крайней мере, дважды) свидетельствует о существовании семантических различий между ними:

(3.63) Λάβετε_{Vimp} **καὶ ἐμὲ**_{Op*}, καὶ {τὰ ὀκτὼ νομίματα}_{Od}, καὶ ἀπολύσατε τούτους, ὅτι ἀσθενοῦσιν, καὶ οὐχ ὑπουργοῦσιν ὑμῖν
'Возьмите и **меня** и восемь номисм, и отпустите их, ибо [они] ослабели и не могут работать на вас' (PG 2977B1–3)

(3.64) Καὶ ἐλθόντων ἡμῶν εἰς τὸ Σινὰ, μετ' ὀλίγας ἡμέρας ὁ ἀββᾶς τοῦ Σινὰ ἔπεμψεν_{Vfin} **ἐμὲ**_{Op*} καὶ {ἄλλους δύο}_{Od} εἰς Ἄλεξάνδρειαν
'Когда мы пришли на Синай,¹ через несколько дней авва синайского монастыря отправил **меня** и еще двоих (букв. других двоих) в Александрию' (PG 2988A6–8)

В обоих приведенных выше примерах прямое дополнение является маркированным: в (3.63) наблюдается антитеза (*возьмите меня и деньги, а тех отпустите*), в центре которой оказываются прямые дополнения (одно из них местоименное); пример 3.64 представляет собой классический пример маркирования, когда из некоторого множества выбирается что-то одно, и для его выражения использована сильная местоименная форма. Слабые формы местоимения, находящиеся в постпозиции, как уже было отмечено в § 99, никогда не являются маркированными, хотя, вероятно, могут выступать в роли показателя маркирования для глагола-хозяина (см. комментарий к примерам 3.28 и 3.29). Тем не менее, примеры с порядком VOp* следует считать нетипичными, о чем, в частности, свидетельствует единичность таких примеров и наличие формальных причин постпозиции ударной формы: зависимость от глагола в повелительном наклонении и/или наличие однородного неместоименного дополнения (примеры 3.63 и 3.64), разрыв с которым (то есть порядок Op* V Od) может усложнить понимание, а препозиция обоих дополнений (Op* Od V или Od Op* V) представляется стилистически неудачным вариантом.

В-четвертых, препозиция местоименной энклитики обусловлена процедурой эмфазы, однако само безударное местоимение при этом не является маркированным. Здесь можно говорить о

¹ Genitivus absolutus.

так называемой **косвенной** эмфазе, то есть процедуре, при которой маркированность синтаксического элемента обозначается не (только) его собственным перемещением в структуре предложения, но и путем сдвига близко стоящих и обычно синтаксически/просодически связанных с ним элементов. Уже несколько подобных случаев было отмечено в § 102 (см. пример 3.31: νεχράν $\mu\epsilon_{Op}$... οἰχτεῖρα_{Vinf}, где маркировано прилагательное, а сдвиг местоименной энклитики можно считать случайным); еще более показательны примеры 3.9 (οὐ μή $\sigma\epsilon_{Op}$ ἐάσω_V) и 3.30 (οὐκ ἔτι $\sigma\epsilon_{Op}$ πολεμῶ_V), в которых маркированной оказывается глагольная форма, на что указывает «усиление» отрицания (οὐ μή и οὐκ ἔτι; см. также сн. 1). Предположение о том, что препозиция местоименной энклитики свидетельствует о маркированности какого-то синтаксического элемента (чаще всего глагола-хозяина), позволяет отметить следующую закономерность: если предложение или колон начинается с синтаксического элемента, который может свидетельствовать о маркированности глагольной формы, то за ним непосредственно находится местоименная энклитика, оказывающаяся в препозиции к глаголу-хозяину ($W_{Mark} Op V$).¹ Развивая это наблюдение, можно утверждать, что порядок $W_{Mark} Op V$ ($V \neq Vimpr$) и $Vimpr Op$ представляют собой, в сущности, одно и то же явление: если в первом случае показатель маркированности не входит в состав глагольной формы, то во втором — семантика императива сама указывает на маркированность глагольной формы. При этом, по-видимому, следует говорить не о передвижении местоименной энклитики, а об изменении позиции глагольной формы. Данное утверждение подкрепляется рядом примеров, где отсутствуют формальные показатели маркированности, а о процедурах эмфазы свидетельствует только перемещение глагола-хозяина:

(3.65) Οὐ θέλεις ἰδεῖν τινα σωζόμενον· ἀλλὰ Χριστὸς ὁ Ἰδιὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, αὐτὸς $\sigma\epsilon_{Op}$ συντρίψει_V

¹ Ср. с примерами ii в сн.1 на с.112 (διὰ τί οὕτως_{Mark} $\mu\epsilon_{Op}$ θλίβεις_V), 3.9 (οὐ μή_{Mark} $\sigma\epsilon_{Op}$ ἐάσω_V), 3.30 (οὐκ ἔτι_{Mark} $\sigma\epsilon_{Op}$ πολεμῶ_V) и 3.41 (ὅτι οὕτως_{Mark} $\mu\epsilon_{Op}$ ἀγαπᾷς_V). Признание того, что маркированным является само действие, а не объект/адресат/пациент, позволяет отказаться от таких неубедительных интерпретаций, как предложенные в § 104: *ты мучаешь именно меня, а не кого-то другого или так любишь именно меня, а не другую*.

‘Не хочешь видеть, как кто-то спасается (букв. кого-то спасающегося), но Христос, Сын Бога Живого, сам **тебя сокрушит**’ (PG 2916A2–4)

(3.66) Τοὔτο γὰρ ἵνα οἶδας, ὁρῶσθ **σε**_{Op} **πεῖθω**_V· μὰ τὸν εἰπόντα
«Μὴ ψεύδου. . . »

‘Ибо, чтобы [ты] это знал (букв. Это ибо чтобы [ты] знал), клятвенно (букв. клятвой) **тебя заверяю**, клянусь тем, кто сказал (букв. сказавшим): «Не лги. . . »’ (PG 2892C1–3; см. также VL 95)

В примерах 3.65 и 3.66 местоименная энклитика оказывается на ваккернагелевской позиции — на втором месте в колонне между двумя полноударными синтаксическими элементами. Сохранение порядка VOp не позволило бы усматривать здесь маркированность, поэтому элемент, находящийся в центре действия эмфазы, «уходит» за местоименное дополнение, которое оказывается в роли своеобразного барьера. Интересно, что подобное имеет место (по крайней мере, дважды) и с глаголами речевой деятельности — в примере 3.12 (‘Εγὼ εἶμι Ἰωάννης ὁ Βαπτιστής· καὶ διὰ τοὔτο **σοι**_{Op} **λέγω**_{Vdic}), где появление порядка OpV должно подчеркивать важность ситуации, описываемой глаголом (косвенно на это указывает также факт представления говорящего в самом начале высказывания с целью заставить слушающего подчиниться); и в примере 3.67:

(3.67) Οὐ μόνον ὅσα_{Od} **μοι**_{Op} **εἶπης**_{Vdic} ποιήσω, ἀλλ’ ὅτι καὶ ἀπὸ
τῆς σήμερον ἡμέρας οὐκ εἰσέλθω εἰς τὸν οἶκόν μου, ἀλλ’ εἰς
μοναστήριον ἐντεῦθεν ἀπέρχομαι

‘Не только то, что [ты] **мне сказал**, сделаю, но с сегодняшнего дня более не войду в дом свой, а в монастырь немедленно отправлюсь’ (PG 2936B10–13)

В (3.67) глагол речевой деятельности оказывается одним из основных элементов (если даже не центральным) логического «нарастания», своеобразной отправной точкой, от которой говорящий отталкивается, давая обещание: *То, что ты говоришь, я сделаю само собой, но я сделаю даже больше. . .*

В завершение имеет смысл вернуться к рассмотрению примера 3.61 (Δὸς_{Vimp} **μοι**_{Op} οὖν λόγον_{Od} ὅτι ὧδε κατοικεῖς, καὶ γὰρ **σοι**_{Op}

τὴν ὑγείαν_{Od} παρέχω_{Vfin}), где постпозиция местоименной энклитики в первой части предложения объясняется употреблением глагольной формы в повелительном наклонении, а препозиция во второй части обусловлена процедурой эмфазы, однако передвигаемым и маркированным элементом оказывается не местоименное дополнение, как было указано в § 105 (*именно ты получишь здоровье*), а глагол, который «уходит» за оба своих дополнения. Выше уже говорилось о присутствии противопоставления в примере 3.61, однако предложенная только что интерпретация позволяет увидеть, что это протипоставление практически зеркальное: фраза начинается с глагольной формы и ей же заканчивается (Vimp Op Od ↔ Op Od Vfin), причем именно глагол является центром антитезы.

§107. Настало время подвести **предварительные итоги** рассмотрения местоименных энклитик в «Луге Духовном». Количественные данные позволяют утверждать, что нейтральным порядком является VOp, который встречается в подавляющем большинстве случаев. Препозицию местоименной энклитики следует считать маркированной, за исключением тех случаев, когда она обусловлена формальными причинами. При процедурах эмфазы слабая форма местоимения обычно оказывается в препозиции, но не в результате собственного перемещения, а вследствие сдвига маркированного «глагола-хозяина» по направлению к концу предложения. Обобщенно факторы, влияющие на позицию местоименных энклитик, можно представить в виде нескольких, более или менее формальных, правил, которые приводятся в § 108 и 109.

§108. Постпозиция местоименной энклитики (VOp). Порядок VOp **всегда** встречается в «Луге Духовном» (а) когда глагольная форма, от которой зависит местоименное дополнение, (то есть VP) стоит в начале предложения; (b) если местоименная энклитика зависит от глагола в повелительном наклонении (VimpOp).

VOp встречается (c) **почти всегда** при глаголах речевой деятельности (VdicOp, обнаружено только три исключения; см. сн. 1 на с. 148); (d) **регулярно** при глаголах зрительного и чувственного восприятия (VvidOp); (e) **обычно** в случае нейтрального порядка слов в предложении.

§109. Препозиция местоименной энклитики (OpV). Препозиция местоименной энклитики **всегда** встречается в тексте Мосха (а) если глагольная форма, управляющая местоименным дополнением маркирована, а перед ней стоит либо усиленное отрицание (οὐ μή, οὐκ ἔτι), либо наречие οὕτως (οὐ μή/οὐκ ἔτι/οὕτως Op V_{Mark});¹ (б) когда неглагольный элемент, синтаксически или просодически тесно связанный с местоименной энклитикой, маркирован и в результате действия эмфазы сдвигается в начало предложения/колона (W_{Mark} Op V, случаи единичны).

Порядок OpV **регулярно** встречается (с) если местоименная энклитика управляется инфинитивом, который, в свою очередь, зависит от личной формы глагола, находящейся перед ним на минимальной дистанции (Vfin Op Vinf).

§110. Описанные в § 108 и 109 правила не охватывают все случаи, встречающиеся в тексте Иоанна Мосха, однако являются достаточно общими и подходят для подавляющего большинства ситуаций. Они даже, в целом, сопоставимы с КЗ-правилами П. Макриджа (§ 91–93) с поправкой на то, что в раннем новогреческом языке появилась местоименная проклизис.

Вопрос о происхождении новогреческой местоименной проклизис крайне непрост. Как свидетельствует материал «Луга Духовного», местоименные клитики, оказывающиеся в препозиции относительно глагола-хозяина, все равно остаются энклитиками, хотя бы потому, что, во-первых, не могут занимать первую позицию в предложении (то есть имеют тот же просодический статус, что местоименные формы, оказывающиеся энклитиками при управляющем ими глаголе); во-вторых, при препозиции они часто расположены дистантно относительно управляющего глагола; и, наконец, в-третьих, препозиция местоименных клитик вызвана не сдвигом самих клитик, а перемещением глагольной формы под влиянием процедуры эмфазы. В результате, возникает вопрос о том, к какому типу клитик относятся местоименные клитики «Луга Духовного». Заманчивым кажется предположение о том, что местоименные клитики, оказывающиеся в постпозиции, являются глагольными, поскольку постпозиция всегда контактна и может быть обусловлена формой глагола (императив), а место-

¹ Данное правило справедливо даже для глаголов речевой деятельности; ср. с правилом (с) в § 108.

именные клитики, стоящие в препозиции, — неглагольные. Однако убежденность в том, что в большинстве случаев препозиция обусловлена перемещением именно глагольной формы, а не местоименного дополнения, не позволяет согласиться с подобным предположением, заставляя признать, что, скорее всего, местоименные клитики, независимо от позиции, имеют одинаковый статус — либо все являются глагольными, либо все являются неглагольными. Склониться в сторону одного или другого предположения очень трудно, и, пожалуй, наиболее перспективным в данной ситуации будет говорить о тенденции к превращению местоименных клитик в глагольные. Эта тенденция проявляется, например, в том, что постопозиция всегда контактна и превосходит по частотности дистантную препозицию. Тем не менее, глагольных клитик в полном смысле в «Луге Духовном» пока еще нет, а следовательно, нет и местоименной проклизы. В то же время можно предположить, что одним из оснований для ее развития стали случаи контактной препозиции, которая, как указывают данные П. Макриджа, постепенно стала возникать не столько под действием эмфазы, сколько под влиянием синтаксического контекста (формальных факторов). По-видимому, усиление влияния формальных факторов приводило к тому, что местоименная клитика все «неохотнее» отрывалась от управляющего глагола и постепенно превращалась в проклитику.

Таким образом, в тексте Иоанна Мосха наблюдается только первый этап эволюции параметров, влияющих на взаимную позицию местоименного дополнения и глагольной формы. В отличие от древнегреческого языка, позиция местоименной клитики в «Луге Духовном» уже не обусловлена собственно просодическими характеристиками, а начинает определяться как прагматическими, так и некоторыми формальными факторами.

Двусложные местоименные дополнения

§ 111—112. Общие замечания (163) • § 113. Закон Ваккернагеля (165) • § 114. Двусложные местоимения и притяжательные местоимения (167) • § 115—118. Позиция двусложных местоимений (168) • § 119. Двусложные местоимения и местоименные энклитики (176)

§111. Помимо местоименных дополнений первого и второго лица единственного числа, в греческом языке существуют местоименные дополнения третьего лица единственного числа и всех лиц множественного числа. Однако при изучении местоименных дополнений в древнегреческих текстах и на материале позднего койне эти формы практически не рассматриваются.¹ Вызвано это, скорее всего, следующими обстоятельствами. Как известно, одной из черт новогреческого языка (как и прочих балканских языков) является существование противопоставления между сильными и слабыми местоименными формами в косвенных падежах во всех лицах. В древнегреческом языке подобное противопоставление существовало только для местоимений первого и второго лица единственного числа. У местоимений первого и второго лица множественного числа и местоимений, используемых для третьего лица (изначально указательных ‘этот’, ‘тот’ или определительных ‘сам’), не было безударных дуплетов. В тех диалектах, где для третьего лица использовалось другое (не указательное или определительное) местоимение, противопоставление сильных и слабых форм сохранялось (см. табл. 4.1).

¹ Одним из редких исключений можно считать [FRAENKEL 1966], где местоимения 1 и 2PL рассматриваются с точки зрения закона Ваккернагеля.

Таблица 4.1. Личные местоимения третьего лица (ионийский диалект).

	SG		PL	
	Сильная форма	Слабая форма	Сильная форма	Слабая форма
GEN	οὔ	οὐ	σφῶν	—
DAT	οἷ	οἰ	σφίσι	σφισι
ACC	ἔ	ἐ	σφᾶς (σφέας)	σφεας

Не совсем понятно, почему вне системы противопоставлений **сильная** ↔ **слабая форма** оказываются местоимения первого и второго лица множественного числа, тем более, что, по-видимому, для этого нет фонетических преград: согласно утверждению Г. Данна (со ссылкой на [GRAMMONT 1948:405f]), длина энклитик может доходить до четырех мор [DUNN 1989:3]. Можно предположить, что в действительности за графически ударными формами скрываются как ударные, так и безударные. Однако у подобного предположения есть, по крайней мере, две слабые стороны: во-первых, известно, что древние греки очень четко отражали фонетические и просодические особенности своего языка, а во-вторых, непонятно, почему местоимения в третьем лице множественного числа в ряде диалектов графически различаются на сильные и слабые, а в первом и втором лицах — нет.

§112. Свое объяснение данного явления предлагает Сидни Аллен, который считает, что изначально эти местоименные формы, возможно, и были настоящими энклитиками, подобно личным формам глаголов, что видно в Ведах, где личные формы глаголов никогда не встречаются в начале строки или предложения [ALLEN 1973:243]:

(4.1) Agnīm_{Od} ἦε_V
 ‘Агни **восхваляю**. . .’

Следы этого явления С. Аллен отмечает и в древнегреческом языке, где глаголы εἶναι ‘быть’ и φωναι ‘говорить’ иногда сохраняют свою клитическую природу. Предположение С. Аллена о том,

что местоимения третьего лица единственного числа и всех лиц множественного числа изначально могли быть клитиками, кажется не очень убедительным. Единственным доводом в пользу этого предположения может служить существование безударных глагольных форм. Однако сам факт сначала исчезновения, а затем «возрождения» безударных местоимений вызывает сомнения. Очевидно, наличие противопоставления сильных и слабых форм местоимения связано не только с просодической природой языка, но и с определенными прагматическими принципами. Следовательно, отсутствие данного противопоставления для некоторых личных местоимений объясняется прежде всего особым статусом этих местоименных форм, их положением на шкале конкретно-референтности. Поэтому показательно, что рассматриваемая проблема затрагивает только местоимения множественного числа и частично третьего лица. В то же время в ранних новогреческих текстах у всех ударных местоименных форм уже есть неударные дуплеты, причем у местоимений третьего лица они сформировались из местоимения αὐτός (-ή, -όν) 'сам' по следующей схеме: αὐτόν → *ἄτόν → *ἄτόν → τον.¹ Признаки появления неударных дуплетов у местоимений третьего лица единственного числа и всех лиц множественного числа² предположительно можно наблюдать в «Луге Духовном»; это предположение подкрепляется двумя доводами: во-первых, двусложные местоименные дополнения часто ставятся в соответствии с законом Ваккернагеля (§ 113); во-вторых, положение двусложных местоименных дополнений относительно глагола-референта в целом регулируется теми же принципами, что и у слабых форм местоимения (§ 115–118).

§113. Двусложные местоименные дополнения и закон Ваккернагеля. Позиция двусложных местоименных дополнений часто объяснима с точки зрения закона Ваккернагеля. Эти местоимения нередко оказываются на втором месте в предложении:

(4.2) Λέγει₁ αὐτῶ₂ ὁ πτωχός

¹ Факт монофтонгизации ai → ā подтверждается метрически во многих памятниках греческой средневековой поэзии. Переход ā → ä восстанавливается исходя из того, что синкопе мог подвергаться только краткий гласный.

² Далее для удобства эти местоимения будут называться **двусложными**, поскольку они состоят из двух слогов; см. также сн. 1 на с. 123.

‘Говорит **ему** нищий’ (PG 2860A6–7)

(4.3) Διηγῆσατο **ἡμῖν**₂ πάλιν ὁ ἀββᾶς Πολυχρόνιος

‘Рассказал **нам** опять авва Полихроний. . .’

(PG 2865A5; см. также VL 17)

Если двусложные местоимения находятся не на втором месте в предложении, то чаще всего они располагаются на второй позиции в колонне:¹

(4.4) καὶ ἐξενέγκας / δέδοκεν **αὐτὸν**₂ τῷ πτωχῷ

‘. . . и вынеся, отдал **его** (хлеб — МК) нищему’ (PG 2860A5–6)

(4.5) Θέλων δὲ ὁ γέρων / ἀποθεραπεῦσαι **αὐτὸν**₂. . .

‘Старец же, желая (букв. Желая же старец) услужить **ему**. . .’

(PG 2860A7–8)

Сдвиг двусложных местоимений нередко объясним с помощью правила барьера (см. § 73):

(4.6) καὶ ἐπηνέγκαμεν εἰς τὰ Πυργία, / **ἵνα**_{барьер} θάψωμεν **αὐτὸν**
ἐκεῖ

‘. . . и [мы] отнесли (тело умершего монаха — МК) в лавру «Башен», **чтобы** похоронить (букв. [мы] похоронили) **его** там’

(PG 2857B1–2)²

(4.7) **Καὶ**_{барьер} ἐποίησεν **αὐτοῖς** ὁ γέρων εὐχήν

‘**И** сотворил **им** старец молитву. . .’ (PG 2861D8–9)

(4.8) καὶ ἐξεληθὼν ἐθεασάμην γυναίκα / **καὶ**_{барьер} λέγω **αὐτῇ**

¹ В примерах 4.4–4.8 знак / указывает на начало колоны.

² Теоретически в примере 4.6 можно говорить не о барьере, а о сложной составляющей: ἵνα + глагол в CONJ — конструкции, превратившейся в новогреческом языке в να + глагол в CONJ (υποτακτική), то есть форму, заменившую инфинитив. В то же время в ряде случаев, например, **ἵνα**_{барьер} κἀγὼ Χριστιανὸς ὑπεξέλθωγ τοῦ βίου τούτου ‘**чтобы** и я христианином **ушел** из этой жизни’ (PG 3044D5–6) и (2.55): **ἵνα**_{барьер} ἔργω με **πληροφορήσῃ**γ — ἵνα и глагольная форма расположены дистантно, что заставляет все-таки говорить о барьере, а не о сложной составляющей.

‘... и выйдя, [я] увидел женщину **и** говорю **ей**. . .’
(PG 2865B6–7)¹

Двусложные местоименные дополнения могут сочетаться с частицами и формировать последовательности, аналогичные цепочкам энклитик (см. § 71):

(4.9) Κρατήσας_{Vprt} {οὖν_{CL} αὐτόν}

‘Схватив **же** **его**. . .’ (PG 2856A8–9)

(4.10) Καὶ τοῦτο {δέ_{CL} ἡμῖν} ὁ αὐτὸς ἀββᾶς Παλλάδιος
διηγήσατο_V, λέγων, ὅτι

‘И это **же** **нам** авва Палладий рассказал, говоря, что. . .’
(PG 2928C9–10)

(4.11) Ἔλεγον {δέ_{CL} ἡμῖν} οἱ τοῦ ἁγίου τόπου Πατέρες καὶ τοῦτο

‘Рассказывали **же** **нам** жившие в этом святом месте (монастыре аввы Феодосия в Скопеле — МК) Отцы и следующее. . .’

(PG 2940C1–2)

Показательно, что двусложные местоименные дополнения группируются с неместоименными энклитиками, как и требует закон Ваккернагеля (ср. с примерами цепочек в сн. 1 на с. 130).

§ 114. Большой интерес представляют примеры 4.12–4.14:

(4.12) τὸ τέχνον αὐτῆς

‘дитя **ее**’ (PG 2928C8)

(4.13) ποῦς αὐτοῦ

‘нога **его**’ (PG 2860B6)

(4.14) ἡ Δέσποινα ἡμῶν

‘Владычица **наша**’ (PG 2904A8)

¹ В отличие от примера 4.7, где καὶ выступает, скорее, в роли частицы, а не союза, в (4.8) καὶ обеспечивает связь между двумя глагольными формами (ἔθεασάμην и λέγω). Изменение порядка слов (*ἔθεασάμην γυναίκα / καὶ αὐτῇ λέγω), хотя и ставит двусложное местоименное дополнение на второе место в колонне, вероятно, усложняет понимание: может создаться впечатление, что однородным членом является не глагол, а местоименное дополнение.

Они аналогичны примерам 4.15 и 4.16, где на той же позиции, что и двусложные местоимения, находятся безударные притяжательные местоимения:

(4.15) ἐν τῷ κελύφῳ μου_{CL}

‘в келью **мою**’ (PG 2856C2)

(4.16) μοναστήριόν σου_{CL}

‘монастырь **твой**’ (PG 2856A5)¹

Рискованно было бы однозначно утверждать, что за ударными на графике двусложными местоимениями скрываются клитики, однако текст «Луга Духовного» позволяет выдвинуть предположение о возможности выделения двух функциональных групп двусложных местоимений:

1. двусложные местоименные дополнения, **функционально** соответствующие слабым местоименным формам (из них, по-видимому, развились новогреческие слабые формы местоимений третьего лица обеих чисел и первого и второго лиц множественного числа);
2. двусложные местоименные дополнения, **функционально** соответствующие сильным местоименным формам.

§115. Позиция двусложных местоимений относительно глагола-референта. В «Луге Духовном» встречается как постпозиция двусложных местоимений, так и препозиция (см. табл. 4.2 и 4.3).

В табл. 4.2 не включены формы αὐτῆς, αὐτῶν, потому что они не были обнаружены в функции дополнения, как и формы ἡμῶν, ὑμῶν (см. табл. 4.3).

При подсчетах примеры с аналитическими формами, типа εἶχον ἡμᾶς φοβεῖσθαι ‘[звери] бы боялись нас’ (PG 2865A13–14), рассматриваются как VO.

¹ Можно также сопоставить сочетания с восклицательными словами, напр.: οὐαὶ ἡμῖν ‘горе **нам**’ (PG 2905C7) и οὐαὶ σοὶ ‘горе **тебе**’ (PG 2909B14); и сочетания с наречиями, указывающими на местоположение объекта, напр.: ἐμπρόσθεν αὐτοῦ (PG 2965C2) и ἐμπρόσθεν μου (3.56).

Таблица 4.2. Позиция местоименных дополнений 3SG и PL.

Местоимение	VO	OV
αὐτοῦ	1	0
αὐτῶ	437	12
αὐτόν	286	17
αὐτό	39	8
αὐτῇ	54	2
αὐτήν	51	5
αὐτοῖς	55	3
αὐτούς	32	2
αὐτά	18	1
αὐταῖς	1	0
αὐτάς	6	0

Количественные данные, представленные в табл. 4.2 и 4.3, демонстрируют, что порядок VO значительно преобладает над OV (итого 1181 к 81). В единственном зафиксированном примере с двусложным местоименным дополнением в родительном падеже имеет место постпозиция, которую можно объяснить тем, что оно зависит от глагола со значением ‘слышать’ (ср. § 97 и § 108):

(4.17) ἀκούω αὐτοῦ_{GEN}
 ‘... слышаю **ego**...’ (PG 2893A14)

Аналогичным образом объясняется порядок VO в тех примерах, где двусложное местоименное дополнение оказывается после глагола зрительного восприятия:

(4.18) εἶδεν_{Vvid} αὐτόν ἀναγκάζομενον

‘... [старец] увидел, что **ego** заставляют... (букв. **ego** заставляемого)’ (PG 2857C6–7)

(4.19) εἶδεν_{Vvid} αὐτόν θορυβοῦμενον

‘... [девушка] увидела, что **он** взволнован... (букв. **ego** взволнованного)’ (PG 2892A10–11)

Таблица 4.3. Позиция местоименных дополнений 1 и 2PL.

Местоимение	VO	OV
ἡμῖν	161	22
ἡμᾶς	22	7
ὑμῖν	16	1
ὑμᾶς	2	1

Необходимо отметить, что двусложное местоимение выступает в примерах 4.18 и 4.19 не как одиночное дополнение, а как компонент (подлежащее) синтаксической конструкции Accusativus cum participio; это, несомненно, оказывает влияние на позицию местоименной формы. Будучи в составе оборота, двусложное местоимение может расположиться дистантно к управляющему глаголу:

(4.20) εἶδον_{Vdic} ἀπελθόντας **αὐτούς**

‘... [я] увидел, что уходят **они** (букв. уходящих **их**)...’

(PG 2932B12–13)

Табл. 4.2 и 4.3 показывают, что двусложные местоименные дополнения в дательном падеже чаще всего оказываются в постпозиции и крайне редко стоят перед управляющим глаголом, поскольку часто зависят от глаголов речевой деятельности, требующих постпозицию местоименного дополнения (см. также § 97 и § 108):

(4.21) ἀπεκρίθησαν_{Vdic} **αὐτῶ**_{DAT}, λέγουσαι μετὰ δακρύων

‘... [наложницы] ответили **ему**, говоря со слезами’

(PG 2881A5–6)

(4.22) καὶ λέγω_{Vdic} **αὐτῇ**_{DAT}

‘... и говорю **ей**. . .’ (PG 2865B7)

(4.23) Τότε ὁ γέρων λέγει_{Vdic} **αὐτοῖς**_{DAT}

‘Тогда старец говорит **им**’ (PG 3024D4)

(4.24) ᾠλεγεν_{Vdic} δὲ **ἡμῖν**_{DAT} καὶ τοῦτο ὁ γέρων

‘Рассказал же **нам** и следующее старец’ (PG 2924A5)

(4.25) ᾠοντως ἐγὼ λέγω_{Vdic} **ὑμῖν**_{DAT}

‘Истинно я говорю **вам**’ (см. сн. 2 на с. 50; ср. также с примерами 4.2, 4.8 и 4.11)

§116. Постпозиция двусложного местоименного дополнения (VO). В §99 была отмечена «низкая» информативность местоименных энклитик, находящихся в постпозиции. Аналогичное наблюдение можно сделать и относительно двусложных местоименных дополнений:

(4.26) Οὐαὶ ἡμῖν, ἀδελφε, ὅτι οὐδεμίαν ἔχομεν κατάνυξιν, ἀλλ’ ἐν ἀμελείᾳ ἐσμέν, καὶ φοβοῦμαι, ὅτι ἐπὶ θύρας ἐσμέν· καὶ ἡ ὀργὴ τοῦ Θεοῦ κατέλαβεν **ἡμᾶς**

‘Горе нам, брат, ибо никакого не имеем сокрушения, но в нерадении пребываем, и боюсь, что у дверей стоим, и гнев Божий настиг **нас**’ (PG 2905C7–10)

Местоимение ἡμᾶς после глагола κατέλαβεν почти ничего не добавляет для понимания описываемой ситуации. Из контекста и так понятно, кто стал объектом гнева: на это, во-первых, указывает местоимение ἡμῖν в самом начале высказывания в словосочетании οὐαὶ ἡμῖν, объяснению которого служит оставшаяся часть предложения, а во-вторых, дважды повторяющаяся глагольная форма в первом лице множественного числа (ἔσμἐν). В то же время фраза *ἡ ὀργή τοῦ Θεοῦ κατέλαβεν_{Vfin} ∅ выглядела бы странной и незаконченной. По-видимому, использование местоименных дополнений в подобных ситуациях следует рассматривать как особую стратегию, позволяющую избежать ненужной эллиптичности и незаконченности и одновременно не перегрузить фразу лишней информацией. Иными словами, данная стратегия содействует реализации принципов коммуникации, известных как постулаты Грайса [Грайс 1985:222–224].

Интересен случай, когда в «Луге Духовном», в греческом тексте *PG*, местоименное дополнение присутствует, а в латинском (сделанном, как уже отмечалось в § 10 и 20, не с тех рукописей, что стали основой греческого текста *PG*) оно опущено:

(4.27) Τοῦτο θεοσάμενοι καὶ οἱ λοιποὶ βάρβαροι, καὶ θαυμάσαντες, ἐδέοντο τοῦ γέροντος προσπίπτοντες αὐτῷ. Καὶ ποιήσας εὐχὴν ὁ γέρων ἴασατο αὐτὸν, καὶ οὕτω ἀπέλυσεν_V αὐτοὺς ἐν εἰρήνῃ

‘Это увидев, и остальные варвары, пораженные удивлением (букв. и удивленные), стали умолять старца, упав перед ним на колени. И, свершив молитву, старец освободил его и так **отпустил их** с миром’ (*PG* 2924B3–7)

(4.28) Senex igitur, facta oratione, curavit eum, et ita **dimisit**_V ∅ in pace

‘Старец, итак, после того, как молитва была сотворена,¹ исцелил его и так **отпустил** с миром’ (*PG* 2923B4–5)

Сопоставление примеров 4.27 и 4.28 подтверждает высказанное в § 99 предположение о том, что местоименное дополнение, заполняя, с одной стороны, пустующие валентности глагола, имеет, с другой стороны, также собственную семантическую

¹ Ablativus absolutus.

функцию; опускание местоименного дополнения заставляет предлагать следующую реконструкцию **curavit eum, et ita dimisit eum* ‘[старец] исцелил его и так отпустил **его**’, но никак не **dimisit eos* ‘отпустил **их**’, как это, собственно, и наблюдается в примере 4.27. Следовательно, несмотря на низкую информативность двусложных местоименных дополнений при постпозиции, неверно утверждать, что они важны лишь для стилистики, и их можно опустить, совсем не изменив смысл высказывания. Примеров с местоименными энклитиками, подобных (4.27) и (4.28), обнаружить не удалось,¹ однако представляется, что ситуация, обнаруженная в этих примерах, не должна восприниматься как отличительная черта двусложных местоименных дополнений.

§117. Препозиция двусложного местоименного дополнения (OV). Препозиция двусложных местоимений может быть вызвана, как и в случае с местоименными энклитиками, двумя типами факторов: **формальными** и **прагматически обусловленными** (см. также § 101–103 и § 104–106 соответственно).

Формальные причины препозиции двусложных местоименных дополнений прежде всего связаны с **запретом на разрыв составляющих** (см. § 102):

(4.29) καὶ {ἐλθόντι_{DET(Vprt)} αὐτῶ} διηγείται_{Vdic} πάντα
 ‘... и [затворник] **пришедшему ему** (авве Феодору — МК)
 рассказал все’ (PG 2900C4)

Оборот ἐλθόντι αὐτῶ представляет собой синтаксическое единство с очень крепкими связями, своими функциями напоминающее независимый причастный оборот (см. также комментарий к примеру 3.34). Поэтому можно утверждать, что связи внутри оборота оказываются сильнее, чем связи между одним из его компонентов и синтаксическими единицами окружающего контекста. Изменение порядка

(4.30) *καὶ διηγείται_{Vdic} {ἐλθόντι_{DET(Vprt)} αὐτῶ} πάντα

¹ То есть в тексте «Луга Духовного» нет двух почти одинаковых примеров, отличающихся друг от друга лишь тем, что в одном дополнении выражено местоименной клитикой (VP = VO_p), а в другом — пустым объектом (VP = V + ∅), что привело бы к смысловому различию между ними; ср. с примерами 3.28 и 3.29.

в значительной степени изменило бы синтаксическую структуру высказывания, «оторвав» двусложное местоимение от управляющего глагола, и, вероятно, затруднило бы его понимание. Пример 4.31, скорее всего, следует считать исключением:

- (4.31) Μόλις οὖν ἐλθόντι_{DET(Vprt)} λέγει_{Vfin} αὐτῷ ὁ γέρων
 ‘Едва только [брат Конон] **пришел** (букв. едва же **пришедшему**),
 говорит **ему** старец (PG 2876B3)

Вероятно, глагол λέγω требует постпозицию с большей обязательностью, чем прочие глаголы речевой деятельности; переносу причастной формы ἐλθόντι на другую позицию в предложении, по-видимому, препятствует наречие μόλις. В большинстве случаев употребления двусложного местоименного дополнения с согласованным определением разрыва словосочетания не происходит, и, если согласованное определение оказывается перед глагольной формой, местоименное дополнение ставится препозитивно:

- (4.32) καὶ {πάντας_{DET} ὑμᾶς} φονεύω_V
 ‘... и **всех вас** убью...’ (PG 3005B2–3)

- (4.33) ἵνα {γυμνὸν_{DET} αὐτὸν} ἐάσω_V
 ‘... чтобы **голым его** оставить (букв. [я] оставил)...’
 (PG 2932C3–4)

Вторая формальная причина препозиции двусложных местоименных дополнений (обычно зависящих от инфинитива) обусловлена их использованием в функции разделителей между несколькими глагольными формами (см. § 103, а также пример 2.18):

- (4.34) Ὁ δέ γέρων ἤρξατο_{Vfin} ἡμῖν λέγειν_{Vinf}
 ‘Старец же (букв. ART же старец) начал **нам** говорить’
 (PG 2920A9)

- (4.35) ποῦ μέλλουσιν_{Vmod} αὐτὸν θάπτειν_{Vinf}
 ‘... где собираются **его** похоронить’ (PG 2932B10)¹

¹ Вероятно, с этой особенностью языка Мосха можно связать порядок слов в устойчивых сочетаниях, которыми часто начинаются истории:

Иногда, правда, двусложное местоименное дополнение оказывается не между двумя глагольными формами, а в постпозиции к инфинитиву:

(4.36) Ὁ δὲ ἀδελφὸς ἤρξατο_{Vfin} παρακαλεῖν_{Vinf} αὐτόν
 ‘Брат же (букв. ART же брат) начал просить **ego**. . .’
 (PG 2956B6–7)

(4.37) θέλων_{Vprt(mod)} φονεῦσα_{Vinf} αὐτόν
 ‘. . . желая убить **ego**’ (PG 2957C7–8)

§118. Прагматически обусловленные причины препозиции двусложных местоименных дополнений связаны с действием эмфазы. В большинстве случаев маркированной оказывается не местоименная форма, а другой синтаксический элемент (обычно глагол), который оставляет свою позицию и «уходит» за местоименное дополнение. При этом перед местоимением обычно оказывается слово, указывающее на присутствие маркированности (см. также о косвенной эмфазе § 106):

(4.38) Πάλιν αὐτόν_{Od} παρεκάλουν_V ἐγώ
 ‘Опять **ego** стал спрашивать я. . .’ (PG 2905B3–4)

На присутствие маркированности здесь указывает три фактора: употребление наречия πάλιν, использование личного местоимения первого лица ἐγώ (см. также сн. 1 на с. 151) и инверсия, придающая высказыванию несколько эпический характер, что позволяет читателю легче ориентироваться в тексте, выделяя начало новой мысли (см. также сн. 2 на с. 76 и § 59).¹

(i) διηγήσαντο_{Vdic} ἡμῖν λέγοντες_{Vprt}, ὅτι ‘. . . [отцы] рассказали **нам**, говоря, что. . .’ (PG 2941A1–2)

Однако, как и в случае с местоименными энклитиками (см. комментарий к примеру 3.40), приходится говорить только о тенденции в связи с большим количеством отклонений:

(ii) Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς_{Vprt} λέγει_{Vdic} αὐτῷ ‘Он же, отвечая, говорит **ему**’
 (PG 3048C12)

¹ Вероятно, так следует понимать порядок слов в следующем примере: Καὶ τοῦτο_{Od} ἡμῖν διηγήσατο_V {ὁ ἀββᾶς Παλλάδιος}_S ‘И это **нам** рассказал авва Палладий. . .’ (PG 2925C1).

В примере 4.39 маркированной, очевидно, является глагольная форма, чем и объясняется ее сдвиг за двусложное местоименное дополнение, а формальным показателем маркированности можно считать местоимение οὐδέν:

- (4.39) Οὐδέν_{Od} ἡμῖν ἀποκρίνην, Πάτερ δι' ὠφέλειαν ἤλθομεν πρὸς σέ
 ‘Ничего **нам** не ответишь, Отче? Ради душевной пользы [мы] пришли к тебе’ (PG 2916B8–9)

Нередко, впрочем, формальный показатель маркированности вообще отсутствует:

- (4.40) Τίμι ἡμᾶς ἐᾶς_V, κύριε;
 ‘На кого **нас** оставляешь, господин?’ (PG 2928A11)
- (4.41) ὡς καὶ ἐν τοῖς ὕπνοις αὐτὸν ἐθεασάμην_V
 ‘... как и во сне (букв. снах) **его** [я] увидел’ (PG 2952A6–7)

В примерах 4.40 и 4.41 подчеркивается факт совершения действия, то есть маркируется глагольная форма, которая перемещается в конец предложения.

Иногда в центре действия эмфазы оказывается само двусложное местоименное дополнение, которое в такой ситуации можно рассматривать как функционально сильную форму, являющуюся аналогом ударных местоимений второго и третьего лица множественного числа:

- (4.42) Συγχώρησόν μοι, Πάτερ· οὐ γάρ εἰμι ἐγὼ ὁ παρέχων, ἀλλ' ἡ Δέσποινά μου ἢ Θεοτόκος, ἢ καὶ ἐ_{Op*} καὶ αὐτούς
 τρέφουσα_{Vprt}
 ‘Прости меня, Отче, ибо это не я подаю (досл. не ибо есть я подающий), а Владычица моя Богородица, которая и **меня**, и **их** питает (букв. питающая)’ (PG 2913C8–11)

На маркированность прямых дополнений (при причастной форме) указывает изменение порядка слов (препозиция) в сочетании с употреблением сильной формы местоимения ἐμέ. Ударная форма ἐμέ и двусложное местоимение αὐτούς оказываются однородными членами, что и позволяет рассматривать последнее как

сильную форму. К сожалению, не удалось обнаружить других случаев совместного употребления двусложного местоименного дополнения и ударной местоименной формы, поэтому единственным критерием оказывается маркированность самого двусложного местоимения. Оценка этого критерия очень субъективна, и приходится признать, что нет возможности привести еще хоть один пример, где можно было бы с полной уверенностью говорить о наличии функционально сильной формы двусложного местоимения.

§119. Двусложные местоименные дополнения и местоименные энклитики. При рассмотрении двусложных местоименных дополнений, стоит упомянуть о таких случаях, когда в рамках одного предложения сталкиваются двусложные местоимения и местоименные энклитики:

(4.43) ἀποδοῦναι_{Vinf} μοι_{Op} αὐτό
 ‘...отдать **мне это** (букв. **ego**)’ (PG 3057A5)

(4.44) δεῖξόν_{Vimp} μοι_{Op} αὐτόν
 ‘...покажи **мне ego**...’ (PG 3060A13–14)

(4.45) φέρε_{Vimp} μοι_{Op} αὐτόν_{Od}
 ‘...принеси **мне ego**’ (PG 3073C1)

Во всех трех примерах местоименная энклитика следует непосредственно за глагольной формой, а двусложное местоименное дополнение расположено дистантно. Скорее всего, подобная иерархия объясняется тем, что в примерах 4.43–4.45 местоименная энклитика выполняет функцию косвенного дополнения, а двусложное местоимение — прямого. Выше в «Луге Духовном» удалось обнаружить тенденцию к следующему порядку слов: V Oi Od (см. табл. 2.2 и комментарии к ней).¹ В тексте

¹ В примере Ἐγώ σοι_{Op} αὐτόν_{Od} ὑποδείξω_V ‘Я тебе ego покажу’ (PG 3060A10–11) «нарушение» правила рангов вызвано маркированностью глагольной формы и, как результат, ее передвижением в самый конец предложения. Если восстановить базовый порядок слов *ὑποδείξω σοι_i αὐτόν_π, окажется, что иерархия дополнений полностью соответствует правилу рангов; см. табл. 2.2.

Таблица 4.4. Двусложные местоименные дополнения и местоименные клитики.

	Особенности употребления	Ор	Двусложные местоимения
1.	Имеется противопоставление сильных и слабых форм (по крайней мере, функциональное)	+	+
2.	Сильные и слабые формы четко разграничиваются	+	—
3.	Участвует в цепочке клитик (с местоименными клитиками)	+	+
4.	В цепочке ставится в соответствии с правилом рангов	+	+
5.	Сдвиг далее второй позиции объясним с помощью определенных правил	+	+
6.	Употребляется не только в объектной функции	+	+
7.	Базовый и наиболее частотный порядок — VOr	+	+
8.	Обязательная постпозиция при императиве	+	+
9.	Постпозиция при отсутствии возмущающих факторов при глаголах речевой деятельности	+	+
10.	Постпозиция при отсутствии возмущающих факторов при глаголах чувственного восприятия	+	+
11.	Опущение местоименного дополнения в постпозиции не приводит к изменению смысла	?	—
12.	Препозиция вызвана стремлением сохранить просодическое единство	+	+/- ¹
13.	Препозиция вызвана стремлением сохранить синтаксическое единство	+	+
14.	Препозиция вызвана употреблением местоименного дополнения как разделителя между глагольными формами	+	+
15.	Препозиция — результат косвенной эмфазы	+	+

¹ Спорно, много исключений.

нет примеров, где бы в рамках одного VP в функции косвенного дополнения выступало двусложное местоимение, а прямого — местоименная энклитика.

В завершение интересно сравнить параметры употребления местоименных энклитик и двусложных местоимений (см. табл. 4.4 на противоположной странице).

В целом, есть все основания говорить о сходствах в употреблении местоименных энклитик и двусложных местоименных дополнений. Имеющиеся незначительные расхождения можно, с одной стороны, отнести к особенностям текста, а с другой стороны, рассматривать как промежуточный этап в формировании новой системы личных местоимений, где у всех местоименных форм в косвенных падежах появляется противопоставление по ударности/неударности.

Заключение

Как отмечалось во Введении, главная особенность этой книги заключается в том, что она посвящена рассмотрению одного текста. Подобный подход позволил рассмотреть местоименные энклитики под разными углами: и с точки зрения общей проблематики порядка слов, и на уровне закона Ваккернагеля, и в контексте формальных и прагматически обусловленных факторов, определяющих позицию местоименной энклитики в рамках глагольной группы. В результате, можно с уверенностью сказать, что, во-первых, местоименные энклитики в «Луге Духовном» ставятся не хаотично, а их положение зависит от определенных условий, по большей части поддающихся описанию, отличающихся как от древнегреческой, так и от новогреческой ситуации; во-вторых, местоименные энклитики в тексте Иоанна Мосха уже перестали быть в полной мере сентенциальными, постепенно переходя в разряд глагольных. Более того, общая эволюция системы местоимений затронула также так называемые двусложные местоимения (3SG и PL, 1 и 2PL). Это можно считать **двумя основными выводами** настоящего исследования.

Несмотря на ограниченность материала, было бы неверным утверждать, что выводы, сделанные в этой книге, справедливы исключительно для рассмотренного здесь патерика Иоанна Мосха. Предпринятый опыт рассмотрения отдельных примеров из более раннего патерика «Лавсаик» Палладия (V в.) показал, что местоименные энклитики в этом тексте функционируют в целом по тем же принципам, что и в «Луге Духовном» [Кисилиер 2003].¹ Наблюдаемые различия связаны с тем, что местоименные энкли-

¹ По мнению Д. Хесселинга, язык «Лавсаика» не такой простой, как у Мосха, и более похож на риторическую прозу [HESSELING 1931:10]. Например, скорее всего, под влиянием Библии Палладий в отличие от Мосха иногда говорит о себе в третьем лице. В то же время убедительным кажется утверждение К. Морманна, который в начале предисловия к итальянскому изданию «Лавсаика» справедливо замечает, что патерики в то время были, пользуясь современной терминологией, бестселлерами [PALLADIO 1985: ix]. К ним читателей, скорее всего, привлекал не только сюжет, но и простота и доступность языка.

тики в «Лавсаике» менее охотно сдвигаются со второй позиции даже под влиянием барьера: ἵνα σε_{Op} μὴ βάρησω_V ‘чтобы [я] тебя не обременил’ (*Laus.* 10.59),¹ ὅπου με_{Op} εὔρεσεν ‘... где бы [ты] меня ни нашла’ (*Laus.* 21.46).

Хочется также высказать еще одно соображение, не имеющее прямого отношения к местоименным энклитикам, но представляющее интерес с точки зрения истории греческого языка и, возможно, истории византийской литературы. Комплексный анализ «Луга Духовного» заставляет усомниться в общепринятом утверждении, согласно которому ранневизантийская христианская проза (в частности, патерики) лишь частично отражает реальные процессы, происходившие в греческом (разговорном) языке, а, в основном, ориентирована на традицию. Не подвергая сомнению влияние традиции, можно, тем не менее, предположить, что язык патериков, по крайней мере «Луга Духовного», во многом демонстрирует речевые особенности образованных монахов своего времени. Иными словами, Мосх писал почти так, как говорили в его среде, где долгое время, наряду со значительными изменениями, затрагивающими практически все уровни языка, сохранялись, к примеру, дательный падеж и инфинитив, которые, правда, уже употреблялись не совсем так, как в классическом языке. Поэтому, если говорить о влиянии традиции, следует, в первую очередь, говорить не столько о непосредственном влиянии Библии и первых памятников христианской литературы, сколько об определенной культуре речи, сформировавшейся в среде духовенства **под влиянием** Библии и раннехристианской прозы. Этот вариант разговорного языка, естественно, развивался намного медленнее, чем практически неизвестный исследователям разговорный язык людей, далеких от книжной культуры, и постепенно становился плохо понятным. Как показывает история большинства языков с развитой письменной традицией, разговорный язык образованных людей не имеет будущего — он исчезает «под ударами» народного языка с новой литературной традицией, делая речь образованных людей более демократичной. Таким образом, язык «Луга Духовного» нельзя рассматривать как про-

¹ В «Лавсаике» в подобных примерах возможно колебание: ἵνα μὴ σε_{Op} βάρησω_V (*Laus.* 10.61), которое свидетельствует о начале формирования новой системы местоимений.

межуточное звено между древнегреческим и новогреческим, но признание того, что лингвистические особенности этого патерика отражают определенный стилистический уровень разговорного языка, объясняет, почему данное произведение может предоставить ценный материал для исторической грамматики новогреческого языка.

Внимательный читатель, несомненно, обратил внимание на замечательную фразу турецкого писателя Орхана Памука, взятую в качестве эпиграфа, и, скорее всего, задал себе вопрос о том, как эпиграф про утешительное слово связан с книгой про местоименные энклитики. Оказывается, связан, и тесно. Утешительным словом для византийцев стал патерик Иоанна Мосха, раскрывший им границы их мира и доступным языком описавший основные добродетели христианства. Утешительным словом для читателя этой книги можно считать результаты настоящего исследования, потому что они позволяют надеяться однажды узнать, как же все-таки говорили византийцы или, во всяком случае, та их часть, которая имела отношение к монашеской жизни. Наконец, утешительным словом для автора книги будет мысль о том, что проделанная им работа может оказаться полезной либо при подготовке критического издания «Луга Духовного» Иоанна Мосха, либо для новой исторической грамматики греческого языка.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Предисловие к книге Нового Сада, называемой «Луг»¹

Эта книга «Луг», вернее, составляющие ее деяния святых, добродетельных и богоугодных отцов, а также прочие душеспасительные истории и изречения благочестивых, праведных и христоролюбивых старцев и монахов были записаны Иоанном блаженной памяти пресвитером и монахом, прозванным «Мосх», который сначала отрекся от мира в обители отца нашего Феодосия,² настоятеля и архимандрита всех обителей и монастырей в Иерусалиме. Приняв монашество, а затем проведя немало времени в пустыне за святым Иорданом с жившими там старцами и познакомившись с их добродетелями, которые он впоследствии и описал в этом труде, он поселился в так называемой Новой лавре, основанной святым и великим отцом нашим Саввой³ и до сих пор управляемой его учениками. Услышав об установлении власти персов над ромеями⁴ под предлогом гибели императора Маврикия и его детей,⁵ Иоанн покинул Новую лавру и пришел

¹ Оригинал анонимного предисловия опубликован в [USENER 1907:91–93].

² Этот монастырь, отличавшийся особенно аскетическим бытом, основал в 476/479 г. в Иудейской пустыне св. Феодосий Киновиарх (424/30–529) [СНГТУ 1977: 108f, 211–213; SIMÓN PALMER 1993a: 160–161]. Монастырь неоднократно упоминается в «Луге Духовном» (см. гл. IV, XXII, XCII, XCV–XCVII, CIII–CV, CIX).

³ Св. Савва (439?–532) основал Новую лавру 507/8 г. (на месте монастыря, разрушенного в 484 г.) в Фекойской пустыне [СНГТУ 1977:112, 211–213; SIMÓN PALMER 1993a: 163–164]. У Иоанна Мосха о Новой лавре говорится в гл. III и V по *PG* и в гл. VIII по [Nissen 1938:361].

⁴ Ромей (Ῥωμαῖος) — гражданин римской империи. Ромеями или румеями до сих пор именуют себя многие грекоязычные группы, например, понтийские и приазовские греки [Кисилиер 2009:9 (сн. 4)].

⁵ Как известно, в 602 г. против Маврикия вспыхнуло восстание дунайской армии, в результате которого император и его сыновья были казнены. Поскольку

в область великой Антиохии. Опять видя, что персы побеждают, он отправляется отсюда в Александрию и, пройдя через всю пустыню (ибо в начале царствования Тиверия¹ он был послан по службе в Египет и дошел до Оазиса² и находящейся рядом пустыни) и увидев местных старцев, узнал о завоевании святых мест и о поражении ромеев³. Покинув Александрию, Иоанн со своим известнейшим учеником Софронием⁴ едет по морю в великий город ромеев⁵. По дороге они побывали на разных островах.⁶

Блаженный муж имел такую благодать от Господа, что стоило ему только услышать или увидеть что-либо, связанное с добродетельными людьми, он это записывал. Поэтому, оказавшись в Риме, он не оставил своего намерения. Предчувствуя приближение времени, когда придется предать свою душу в руки Бога, блаженный муж написал эту книгу, не соблюдая последовательность из услышанного и увиденного, но составил ее, соединив подобное друг другу из услышанного и лично увиденного.

Намереваясь оставить суетные страсти и перейти в безмятежную и спокойную жизнь, Иоанн призвал своего любимого ученика и, передав эту книгу богоугодных деяний святых отцов, поручил ему ни в коем случае не оставлять его останки в Риме, но, заперев в деревянном ящике, отвезти на гору Синай и приложить все усилия, чтобы положить рядом с местными святыми старцами. Если же вдруг ему помешают беспорядки, вызванные варварами, похоронить его в обители св. Феодосия, где он начал

ок. 591 г. Маврикий помог персидскому шаху Хосрову II Первезу вернуть себе трон, расправа над Маврикием и его сыновьями стала поводом для нападения.

¹ Имеется в виду Тиверий Константин (578–582).

² Оазис (иначе: Ливийский оазис [Хитров 1915:138]) — монастырь, находившийся в оазисе Харга, построен между серединой V и концом VI в. [SIMÓN PALMER 1993a: 180–181]. Моск., по крайней мере, дважды упоминает это место: в гл. СХII из *PG* (где, кстати, полностью подтверждается информация из анонимного предисловия: «Во времена царствования Тиверия, благоверного императора и кесаря, прибыли мы в Оазис») и в гл. I из [NISSEN 1938:354].

³ После поражения императора Ираклия (610–641) под Антиохией персы в 614 г. захватили Иерусалим в результате трехнедельной осады.

⁴ В 634 г. Софроний был избран патриархом иерусалимским и оставался им до захвата Иерусалима арабами в 638 г. [СНАДВИК 1974:49–50; VON SCHÖNBORN 1972].

⁵ Неясно, идет ли здесь речь о Риме или о Константинополе. Ниже дважды говорится о Риме, однако так могли называться и новый Рим, то есть Константинополь [ROZEMOND 1977].

⁶ Согласно гл. XXX и CVIII Москх и Софроний заезжали на Кипр и на Самос.

свою монашескую жизнь. Стремясь выполнить это поручение, ближайший ученик (Софроний — МК) вместе со своими товарищами (было их двенадцать) взял блаженного Иоанна и поступил подобно великому Иосифу, который, вместе с братьями забрав Израиля из Египта, похоронил его рядом с их отцами, как поручил ему родной отец. После того как он отплыл в Аскалон и узнал, что из-за злодейского возмущения так называемых агарян¹ невозможно попасть на священную гору Синай, Софроний с останками блаженного Иоанна пришел в Иерусалим в начале восьмого индикта. И, встретив в гостинице пресвитера Георгия, настоятеля величайшего монастыря во святых отца нашего Феодосия, рассказал ему о поручении, данном старцем. И вместе с находящейся в городе братией из монастыря и бывшими с ним монахами, они отвезли блаженного Иоанна, и, отвезя, как он завещал, Софроний положил его в опочивальню монастыря Феодосия рядом с покоящимися там святыми отцами, проведя остаток года² в этом монастыре. Место, где находится опочивальня, представляет собой пещеру, в которой волхвы, обманув Ирода, после того как они по предсказанию ангела отправились в путь, остановились по дороге домой. В этой пещере отец наш Феодосий после аскетической борьбы удостоился благодатной силы против демонов. Не только в течение этой кратковременной жизни, но и после кончины вплоть до сегодняшнего дня он изгоняет их во славу и хвалу Христу, истинному Богу и спасителю нашему, слава которому во веки веков. Аминь.

¹ По-видимому, подразумевается вторжение арабов в Сирию в 634 г. и последовавшее за ним завоевание Палестины.

² Выражение ὑπόλοιπον χρόνον можно понимать двояко 'остаток года' и 'остаток жизни' [СНАДВИСК 1974:53].

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Разночтения, указанные Ж.-П. Котельером (VL)

При перечислении разночтений используются следующие сокращения, встречающиеся в *PG*:

add.	см. al. add.
al.	alius (alii)
al. add.	alius addidit
al. infer.	alius infert
al. ins.	см. al. inser.
al. inser.	alius inseruit
al. praepon.	alius praeponit
del.	delevit
f.	fortasse
inf.	[et] infra
int.	intellege
l.	lege

При указании разночтений для большей наглядности иногда приводится контекст; слово, к которому относится *VL*, выделяется полужирным начертанием, например: τῶν ἐχεῖσε **ἀδελφῶν** (*VL* 1). В тексте это место выглядит следующим образом: τῶν ἐχεῖσε ἀδελφῶν¹ ἐβλεπον (*PG* 2856C7). В столбце «Место по *PG*» номер строки указывается только по тому слову, рядом с которым в *PG* стоит отсылка на разночтение (в данном примере таким словом является ἀδελφῶν).

№ <i>VL</i> Место по <i>PG</i>	Текст по <i>PG</i>	Разночтения
1. 2856C7	τῶν ἐχεῖσε ἀδελφῶν	al. inser. καθημένων
2. 2856D2	ἀνεπάη	al. ἀπέθανεν et ἐκοιμήθη
3.2856D7– 2857A1	ἀπενέγκωμεν	al. μετετέγκωμεν

№ VL	Μετο πο PG	Τεκστ πο PG	Разночтения
4.	2857A3	ὄντως σὺ	al. σοι
5.	2857A4	τοῦ ἀδελφοῦ	al. ins. μου
6.	2857A6	Τῇ γὰρ δευτέρᾳ ἀνεπάη	al. inser. ἡμέρᾳ
7.	2857C1	τοιούτος ὥστε φροντίσαι	al. ins. δύνασθαι
8.	2857C2-3	τῶν μεγάλων ἐστὶ Πατέρων	al. add. καὶ θεοφόρων
9.	2857C3	τὸν ἀββᾶν Ἀντώνιον	al. Παχώμιον καὶ Θεόδωρον τὸν ἡγιασμένον
10.	2860A8	πιάσας	al. κρατήσας
11.	2860A9	εἰς τὸ πυργίον	al. ἐν τῷ κελλίῳ
12.	2860A12	τὸ ἴδιον	al. τόν
13.	2864A4	εἰς τὴν Ῥαῖθοῦ	al. Ῥαῖθου
14.	2864B11	ὠδεύσαμεν	al. διωδεύσαμεν
15.	2864C1	καὶ τοῦτο εἶπεν ὁ αὐτὸς γέρων, περὶ	al. ἔλεγον περὶ
16.	2864C2	ἐν τῇ αὐτῇ λαύρᾳ καθημένου	al. inser. τοῦ Ἀββᾶ Πέτρου
17.	2865A5	ὁ ἀββᾶς Πολυχρόνιος	al. add. ὁ πρεσβύτερος
18.	2865A11	παλίον	al. παλλίον
19.	2868A6-7	Μαυριτιάνων	al. Μαυριτιανῶν
20.	2868B9	διηγῆσάτο μοι	al. inser. καὶ τῷ σοφιστῇ Σωφρονίῳ
21.	2868C7	καὶ ἀρπάσαν ἀνέφερεν	al. inser. αὐτόν
22.	2869A6	μὴ ἀπολιμπανόμενος	al. ἀφιστάμενος et ἐξερχόμενος
23.	2869A9	ἐπὶ πλευρὸν κοιμηθέντα	al. add. μηδὲ ὑπόδημα φορέσαντα
24.	2869B1	Χωζιβᾶ	al. Χουζιβᾶ
25.	2869B8	ἔσπειρεν	al. ἔσπερεν
26.	2869B10	Χωζιβᾶ	al. Χουζιβᾶ
27.	2869B11	Ἀπήρχετο	al. ἀνήρχετο
28.	2869B14	τὸ γομάριον	al. γομάριον
29.	2869C3	τὸ γομάριον	al. γομάριον
30.	2872B9	Κῦρι	al. praepon. ὄντως
31.	2873A4	Νεστόριον καὶ Θεόδωρον	abest ab al.
32.	2873A5	Εὐτυχέα καὶ Ἀπολινάριον, Εὐάγριον καὶ	desunt in al.
33.	2873A8	τοῖς ἀρετικοῖς, καὶ τοῖς βλασφημοῦσιν τὴν ἁγίαν	non sunt in al.
34.	2873A18	ἔτη ἱκανὰ	al. δ'
35.	2873C11	πανίον	al. πανν[ίον]

№VL Место по PG	Текст по PG	Разночтения
36. 2873C12	τρεις ἄνθρακας πυρός	al. πεπυρακτωμένους
37. 2873C15	ἀντέπεμψεν τῷ ἄββᾶ Ἰουλιανῷ εις τὸ αὐτὸ πανίον	abest ab al.
38. 2876A1	Κύριλλος	al. Κυριακός
39. 2876A6	ιατρῶν	al. ἀνθρώπων
40. 2876A10	Ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν	deest in al.
41. 2876A12	γέρων	al. add. ἐκ τοῦ κίονος
42. 2876A13	ἄλεσον	al. ἄλησον σήμερον
43. 2876B1	ἦρει γὰρ ὅτι οὐδὲν εἶασεν ἐν τῷ σιτοβολῶνι	al. non habet
44. 2876B2	δηλοῖ αὐτόν	al. αὐτῷ
45. 2876B4–5	ποίησον λόγῳ τῶν ἀδελφῶν	al. εις λόγον
46. 2876B7	κλειδίον	al. κλειδίωμα
47. 2876B10	δοξάζων τὸν Θεόν	absunt ab al.
48. 2876C1	τριακόντα μιλίων	al. σταδίων
49. 2876C2	εἰσιν	al. ἦσαν
50. 2876C3	ἕξ μιλίων	al. σημείων
51. 2877A1	ἐπιθέμενος	al. ἐπαγόμενος
52. 2877A5	ἐδήλωσεν αὐτόν	al. αὐτῷ
53. 2877A9	Σευήρου	al. Σευηριανοῦ
54. 2877A11	καὶ διελύθη	al. inser. εὐθέως
55. 2877A13	ἀπεψύγη	al. ἐψυχράνθη
56. 2877B1	τάδαι	al. Δάδαι et Δαδαί
57. 2877B2	ἐστιν πλησίον τοῦ λεγομένου	al. ἐστι του
58. Ibid.	τοῦ λεγομένου Φιλοζένου	al. λεγομένου τοῦ
59. 2877B13	οὐκ	abest ab al.
60. 2877C8	Ἐδραμον δὲ εὐθέως κωλύσαι	al. inser. θέλων
61. 2877D1	θεωρῶ ἄνδρα Αἰθίοπα	al. ins. ὡς
62. 2880A2	Σὺ τίς εἶ	al. ins. γάρ
63. 2880B14	ἀπὸ τῆς σήμερον	al. add. ἡμέρας
64. 2880C4	παρ' αὐτῆς ἀκήκοα ταῦτα	al. add. ἦν δὲ αὐτῆ ὄνομα Μαρία
65. 2880C7	ὄνομα τῇ μιᾷ Κομητῷ	al. Κομητῷ
66. 2880C10–11	ἠνεγίνωσκετο	al. ἀνεγίνωσκεν
67. 2880C11	περιοχῇ	al. περικοπή
68. 2881A6	ἀμαρτίαν	al. ἀσωτίαν
69. 2881A12	ἕνα τῶν τειχῶν τοῦ πύργου	al. πύργων τοῦ τείχους
70. 2884C5–6	οἱ πατριάρχαι ἀλλήλοισι, ὅτι	al. inser. λέγοντες
71. 2884C10	τοῦ μακαρίου Ἐφραιμίου	al. Ἐφραίμ

№ VL	Μετο πο PG	Τεκστ πο PG	Разночтения
72.	Ibid.	Ἄντιοχείας	al. add. τῆς μεγάλης
73.	2884D2	Ἄκεφάλων	al. αἰρετικῶν; al. αἰρετικῶν Ἄκεφάλων
74.	2885A2	Ἐφραίμιος	al. Ἐφραίμ
75.	2885A12	ἐγὼ τε καὶ ὑμεῖς	al. σὺ
76.	2885B4	τὴν ἑμὴν ἀθλιότητα	al. ἀθλιοσύνην
77.	2885C1	ἀρχιεπίσκοπος	al. πατριάρχης
78.	2885C7	Τοῦ δὲ πυρὸς περὶ ὥρας τρεῖς διαμείναντος	al. inser. ὡς
79.	2885C8	καὶ τῶν ξύλων	al. infer. λοιπὸν
80.	2885C11	τῇ ἀγίᾳ Ἐκκλησίᾳ	al. inser. καθολικῆ
81.	2885D3	Ἐκεῖνον τὸν καιρὸν	al. inser. οὖν
82.	2885D5	Διὰ τοῦτο	al. δι' αὐτοῦ et διὰ τούτου
83.	2888A5	οὐχ ἄπαξ	al. inser. οὐδὲ δὶς
84.	2888A14	ἐργατείας	al. ἐγκρατείας
85.	2888A15	κόπου τοῦ πολλοῦ	al. ξύλου
86.	2888B3	ἐρωτᾶν αὐτὸν, πόθεν τέ ἐστιν, καὶ τὸ ὄνομα αὐτοῦ	al. add. καὶ ποῦ ὑπάρχει πόλεως
87.	2888B13	τοῦ ὀνόματός μου καὶ τῆς πόλεως	absunt ab al.
88.	2889A1	μετὰ τὸ καθελεῖν Εὐφρόμιον καὶ Μακεδόνην τοὺς πατριάρχας Κωνσταντινουπόλεως, ἐξώρισεν	al. καὶ ἐξορίσαι
89.	2889A2	Χαλκηδόνι	al. Χαλκηδόνι
90.	2892A4	ἵνα ἐπιβῆ	al. ἐπιβάλλη
91.	2892B2	Σὺ, κύριε ἀδελφε, πόσον χρόνον ἔχεις	al. Σοί
92.	2892B6	ἀπολέσαι σου τὸν κάματον	al. τοσοῦτων ἐτῶν
93.	2892B9	διὰ βραχεῖαν ἡδονὴν	al. inser. καὶ δυσώδη
94.	2892B10	πλήν ἰδοὺ ἀκούω σου	al. inser. καὶ ὡς θέλεις
95.	2892C3	Μὴ ψεύδου	al. μὴ με ψεύσῃ
96.	Ibid.	ἐάν ταπεινώσῃς με, ἀγχόνῃ	al. inser. εὐθέως
97.	2892C4	ὑποβάλλω	al. ἀπολῶ
98.	2892C5	ὡς φονεὺς κρινόμενος	al. κριθήσῃ
99.	2892C6	ἄπελθε εἰς τὸ μοναστήριόν σου	al. inser. ἐν εἰρήνῃ
100.	2892C7	πολλά	al. μεγάλα
101.	2892C8	μοναχὸς	al. ἀδελφὸς

№VL Место по PG	Текст по PG	Разночтения
102. 2892C8–9	ἀνανήψας, ἐξῆλθεν ¹	al. inser. εὐθέως
103. 2892C9	ἐξῆλθεν ἐκ τοῦ γεωργοῦ	absunt ab al.; al. ἐκ τοῦ οἴκου τοῦ
104. 2892C10	ἔβαλεν μετόνοιαν τῷ ἡγουμένῳ ἵνα	al. inser. ἐξειπῶν πάντα καὶ παρεκάλει
105. 2892C17 ²	τῆς λαύρας Φαρῶν	al. Φαρᾶ et Φαρῶν
106. Ibid.	ἀνὴρ αὐτῆ τῆ ἀληθείᾳ	αὐτῆ τῆ desunt in al.
107. 2892C21	ὡς τιμῶν τὸ λείψανον	al. τίμιον
108. Ibid.	τὸ λείψανον	al. inser. αὐτοῦ
109. 2892C22	εἰς τὸ κοιμητήριον	al. εἰς μοναστήριον
110. 2893A1	Μετὰ οὖν δύο ἡμέρας	al. Ἐν μᾶ οὖν
111. 2893A8	δύο ἡμερῶν	al. μηνῶν
112. 2893A14	Ἄφ' οὗ ἐθάψατε αὐτὸν	al. add. ἕως τῆς σήμερον
113. 2893A16	παρ' ἐκεῖ	al. ἔτι ἐκεῖ et παρεκεῖ
114. 2893B6	ὁ πατριάρχης	al. inser. ἀββᾶς Γρηγόριος ὁ
115. 2893C2	Φαρῶν	al. Φαρῶν
116. 2893C5	ἀγορασάτω	al. ἀράτω
117. Ibid.	Καὶ αὐτοὶ εἶπον	al. τῶν δὲ εἰπόντων
118. 2893C10	ἐπερωτῆσαι αὐτῷ	al. αὐτόν
119. 2893C14	αὐτὸν καμάραν ποιεῖν	al. καμάρας
120. 2896B1	Φαρῶν	al. Φαρῶν et Φαρῶ
121. 2896B4	δάκρυα πάμπολλα καθ' ἐκάστης ἐκχέοντα	al. καθ' ἐκάστην
122. Ibid.	ἐκχέοντα τῆς ἡμέρας	al. inser. δι' ὅλης
123. 2896B14	ἔστιν δὲ ὅτι	al. ὅτε
124. 2896D2	Φαρῶν	al. Φαρῶν
125. 2896D4	ὁ μακάριος Εὐστοχίου καὶ Γρηγορίου τῶν ἐν ἁγίοις σύγκελλοις	al. τοῦ
126. 2896D6	ἀπὸ Ἀγχύρων τῆς Γαλατίας	al. πόλεως

¹ В тексте сноски выглядит следующим образом:

C8 Ἐλθὼν οὖν εἰς ἑαυτὸν ὁ μοναχὸς, καὶ ἀνανήψας,

C9 ² ἐξῆλθεν ἐκ τοῦ γεωργοῦ, καὶ ἀπῆλθεν ἐν τῷ μο-

Котельер не очень четко ставит указатели для разночтений. Если в данном случае можно говорить только о типографической небрежности, то иногда просто не понятно, к чему относится VL. Поэтому часто приходится приводить достаточно широкий контекст, чтобы читатель мог сам решить этот вопрос.

² В колонке 2892 отсутствует D. Не исключено, что это типографическая опечатка (пропуск).

№ VL	Μεσο πο PG	Τεκστ πο PG	Разночтения
127.	2905D1	δευτέρας Κιλικίας	Κιλίκων ἐπαρχίας ¹
128.	2908A3	καυκάου	al. καυκαλίου
129.	2916A2	Οὐκ ἀκούω σέ	al. σοῦ
130.	2917C6	εἰ ἄρα τίποτ' οὖν εἴπει	al. ἦθελεν εἰπεῖν
131.	2920A7	εἰς τὸν <i>Λιθαζόμενον</i>	ed. τό
132.	2925C15	σακκομάχιον, καί	al. σακκομάχην, καί
133.	2928B6	μαγειρίον	pro μαγειρείον
134.	2944A12	Αἰγαῖων	al. Αἰγῶν
135.	2944B12	ἔθεκεν αὐτὸν	al. ἐαυτὸν
136.	2948A3	ἐπάνω ὄρους Σινᾶ	al. Ῥωσσοῦ
137.	2948A14	ὡς ἀπῆλθον εἰς τὸ ὄρος, ὑπέδειξε ὁ ἀναχωρήτης	al. ἀνῆλθεν
138.	2948B8	παρέδωκεν τὴν ψυχὴν	al. τὸ πνεῦμα
139.	2948C7	ἐργαλία	pro ἐργαλεῖα
140.	2948C9	εὔρεν πλοῖον ὀρμοῦντα	al. ὀρμῶν
141.	2948C15	Θαλαίλεος	al. Θαλέλαιος et inf. ²
142.	2949A14	Κοπρουθᾶ	al. Κοπραθᾶ
143.	2949B7	Φασιλαῖδα	al. Φασηλαῖδα
144.	2949B10	καῦσαι	al. ὑποκαῦσαι
145.	2949B11	σφογγίσαι	al. σπογγίσαι
146.	2949B12-3	ἐσπόγγισεν τὸν φοῦρνον	al. ἐσπόγγισε
147.	2952B4	λέγει μοι οὕτως	al. ὄντως
148.	2957D5	Ῥόσσου	al. Ῥωσσοῦ
149.	2957D9	Σινᾶ	al. Σινᾶ
150.	2960A1	ὅτι εὐχὴν ἔχω	al. inser. ἐκεῖσε
151.	2960A10	εἰς τὸν ἅγιον Μηνᾶν Ἄλεξανδρείας	al. εἰς Ἄλεξάνδρειαν
152.	2960D8	νεάνιδες χαρὸν ποιήσασαι ἐχόρευον λέγοντες	pro λέγουσαι
153.	2972D9	ποία ἀκτις ἠλιακῆ οὕτως τὴν γλώσσαν κατεφώτισεν	inf. γῆν
154.	2973B9-10	ἑαυτοὺς κρατοῦμεν	al. τὴν ταπεινώσω
155.	2988A9	ἄββᾶς	inf. πάπας
156.	2988B14-C1	οἰκοῦντες	inf. οἰκονομοῦντες
157.	2989D2	Διηγῆσατο δὲ ἡμῖν ἡ αὐτὴ ἀμμὰ Δαμιανὴ καὶ τοῦτο, λέγων	pro λέγουσα

¹ Пометы издателя отсутствуют. Вероятно, должно было быть al.

² Видимо, имеется в виду Θαλαίλεος в PG 2948D7.

№VL Место по PG	Текст по PG	Разночтения
158. 3001A7	ἔλεγεν ἡμῖν ὁ διακονητὴς αὐτοῦ τοῦ ἄββᾶ Σεργίου ὁ ἄββᾶς Σέρργιος, ὅτε	f. ὅτι
159. 3004B10	ἔχων τοσοῦτον καύσωνα, καὶ τοσοῦτους κνίφας	al. πάγετο
160. 3004B11	τοὺς σκνίφας	al. τὰς σκνίπας
161. 3012B6–7	πρωτοστάτου τῶν μαθητῶν	al. πρώτου
162. 3012B7	Ὅ τι	int. Eī
163. 3017B3	ὁ λογισμὸς ἐποίησέν με	al. λόγος
164. 3021A12	μίμησιν ἀγαθῶν	int. κτήσιν
165. 3036A7	φιλοχρηματία	al. πολυκτημοσύνη
166. 3036B1	ὡς Ὀλυμπικοὶ ἐσμεν τῶ σώματι	al. παγκρατισταὶ καὶ πύκται
167. 3048B12	ἀφελῆς	al. ἀμελής
168. 3048C8	Ἄπελθῶν σὺν ὁ γέροντα πρὸς ἄλλον	al. add. γέροντα διακριτικόν
169. 3048C15	ὀνομάζονται αἱ ἄγιοι	al. infer. οἰκουμενικαί
170. 3048D3	Καλχηρόνι	al. Χαλκηρόνι
171. 3049B1–2	θεωρήσασα	al. αἰσθυμένη
172. 3052B5	εἰς Εὐχάιταν	al. Εὐχάιτας
173. 3052B6	εἰς τὴν ἁγίαν Θέκλαν	al. ὀσιομάρτυρα
174. 3085B4	συνεφράξατο	f. συνεφρυάξατο
175. 3085B8–9	συμβουλή	f. συμβολή
176. 3092A10	τῶ ἀδελφῶ σου	int. τοῖς ἀδελφοῖς
177. 3100D2–3	ἤρωτησεν γέροντα λέγων	al. τὸν ἄββᾶν Νόνον
178. 3100D5	σωθῆναι γὰρ οὐκ ἔχεις	al. δύνῃ
179. 3104B2	ἀλλ' ἐλθῶν, φησὶν	f. ἤλθεν
180. 3104D1	ὁ ἦν ἐν τῶ κρεμάμενον	an ἐντὸς vel del. vel add. κελλίφ
181. 3108B10	ὀρισθὲν	al. ῥηθὲν
182. 3108C5	κάκεινος ἀντεῖπεν	al. add. καὶ ταῦτα ἀκούσας, διηλλάγη τῶ ἀδελφῶ
183. 3109B8	ἐμνήσθη τὸν λόγον τοῦτον	al. τοῦ λόγου
184. Ibid.	τὸν λόγον τοῦτον	int. τινά
185. 3109B9	ἐμνήσθη τὸν λόγον τοῦτον τοῦ ἄββᾶ Ποιμένους	al. add. τοῦ αἰτιᾶσθαι ἑαυτὸν ἕκαστος πάντοτε ἐν παντὶ πράγματι
186. 3109B10	καὶ τῆς ἀναπαύσεως τῆς ἐνεργείας αὐτῶν	int. inser. καὶ

№VL Место по PG	Текст по PG	Разночтения
187. 3109B11	ἔσχον τινὰ διδάσκαλον	l. διάκονον
188. 3109C4	μὴ συνειδῶς ἑμαυτῶ	al. ἑμαυτόν
189. 3109C6	Οὐ συνοίδα ἑμαυτῶ τοῦτο ποιήσαντα	al. ἑμαυτόν
190. 3109C11	ἐπιδιδόντα	al. μεταδιδόντα
191. 3109C12	οὐ συνοίδα ἑμαυτῶ τοῦτο ποιήσαντι	al. συνοίδα ἑμαυτόν τι τοιοῦτον ποιήσαντα
192. 3109C14	μνησθεὶς τούτων τῶν λόγων τῶν ἁγίων Πατέρων, καὶ πιστεύσας αὐτοῖς	al. add. λέγω δὲ τοῦ ἑαυτὸν αἰτιᾶσθαι

Библиография

- АБДРАХМАНОВА 2000: Абдрахманова Д. Р. Стихотворения Птохопродрома. Курсовая работа. СПб. (СПбГУ), 2000. На правах рукописи.
- АБДРАХМАНОВА 2002: Абдрахманова Д. Р. Оформление граммы будущего времени в новогреческом языке и его диалектах. Дипломная работа. СПб. (СПбГУ), 2002. На правах рукописи.
- АВЕРИНЦЕВ 1994: Аверинцев А. А. От берегов Босфора до берегов Евфрата. Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. М., 1994.
- ВАСИЛЬКОВ, КИСИЛИЕР 2010: Васильков Я. В., Кисилиер М. Л. (ред.). Поэтика традиции. СПб., 2010.
- ВОЛЬФ 1974: Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
- ГОЛЫШЕНКО, ДУБРОВИНА 1967: Голышенко В. С., Дубровина В. Ф. Синайский патерик. М., 1967.
- ГРАЙС 1985: Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. 1985. С. 217–237.
- ЕЛОВАЯ 2004: Елова Ф. А. Понтийский диалект в синхронии и диахронии. СПб., 2004.
- ЗАЛИЗНЯК 1993: Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин, Зализняк 1993:191–321.
- ЗАЛИЗНЯК 2004: Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., 2004.
- ЗАЛИЗНЯК 2008: Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- ИОСАД 2009: Иосад П. В. [рец.] А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с. // Вопросы языкознания. № 5. 2009. С. 132–136.
- КАЗАНСКИЙ 2001: Казанский Н. Н. Между письменным и устным текстом: древнегреческое «наивное» письмо // Недряков 2001:246–256.

- КАЗАНСКИЙ 2003: Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 7. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2003.
- КАЗАНСКИЙ 2008: Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 12. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2008.
- КАЗАНСКИЙ 2010: Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 14. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2010.
- КАСЕВИЧ 1977: Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- КАСЕВИЧ 1986: Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986.
- КАЦНЬЕЛЬСОН 2001: Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М., 2001.
- КИСИЛИЕР 2003: Кисилиер М. Л. Язык Иоанна Мосха. Проблемы интерпретации // КАЗАНСКИЙ 2003:36–42.
- КИСИЛИЕР 2008: Кисилиер М. Л. Читая Птохопродрома // КАЗАНСКИЙ 2008:240–245.
- КИСИЛИЕР 2009: Кисилиер М. Л. (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб., 2009.
- КИСИЛИЕР 2010: Кисилиер М. Л. Что это такое — язык поэтической традиции? В поисках подхода к языку поэтической традиции // Васильков, Кисилиер 2010:45–67.
- КИСИЛИЕР, ФЕДЧЕНКО 2010: Кисилиер М. Л., Федченко В. В. 'Евангелие Любви' (Иоанн 20:19–25): цаконский вариант //КАЗАНСКИЙ 2010:45–57.
- КОВТУНОВА 1976: Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- КРАСУХИН 1997: Красухин К. Г. Закон Ваккернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестник Московского Государственного Университета. Серия 9. Филология. Вып. 6. 1997. С. 70–90.

- Кубрякова 1974: Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). М., 1974.
- Ли, Томпсон 1982: Ли Ч.Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. 1982. С. 193–235.
- Ломтев, Камынина 1970: Ломтев Т.П., Камынина А. А. (ред.). Исследования по современному русскому языку. Сборник статей, посвященный памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1970.
- Мельчук 1997: Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том 1. М.; Вена, 1997.
- Недялков 2001: Недялков И.В. (отв. ред.). Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб., 2001.
- Николаева 1979: Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности — неопределенности // Николаева (ред.) 1979:119–174.
- Николаева (ред.) 1979: Николаева Т. М. (ред.). Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Николаева 1982: Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 1996: Николаева Т. М. Просодия Балкан. Слово — высказывание — текст. М., 1996
- Николаева 2004: Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 2004.
- Николаева 2008: Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Нуцубидзе 1960: Нуцубидзе Ш.И. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф» (Обзор критических замечаний) // Византийский Временник. Т. 17. 1960. С. 250–257.
- Падучева 1974: Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Пискунова 2008: Пискунова С. В. Настоящее историческое как предмет дискурсивного анализа // Плунгян 2008:194–212.

- Плунгян 2000: Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2001: Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Плунгян (ред.) 2001:50–88.
- Плунгян (ред.) 2001: Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М., 2001.
- Плунгян 2008: Плунгян В. А. (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.
- Полякова 1994: Полякова С. В. Византийские легенды. М., 1994.
- ПОСПЕЛОВ 1970: Поспелов Н. С. О синтаксическом выражении категории определенности — неопределенности в современном русском языке // Ломтев, Камынина 1970:182–189.
- РАХИЛИНА, ТЕСТЕЛЕЦ 1999: Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. (ред.). Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.
- СОКОЛОВА 1980: Соколова В. С. Дистрибуция индикаторов границы слов в различных функционально-стилевых текстах (на материале французского языка) // Вопросы фоностилистики. Сборник научных трудов. Вып. 152. 1980. С. 78–86.
- ТЕСТЕЛЕЦ 2001: Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- ТРОНСКИЙ 1962: Тронский И. М. Греческое ударение. М.; Л., 1962.
- ФРЕЙБЕРГ 1968: Фрейберг Л. А. (ред.). Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968.
- ХИТРОВ 1915: Хитров М. И. Луг Духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Перевод с греческого с подробными объяснительными примечаниями. Сергиев посад, 1915. Репринт 1991 г.
- ЦИММЕРЛИНГ 2002: Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- ЦИММЕРЛИНГ 2009: Циммерлинг А. В. Клитики в древнерусском пространстве: по поводу книги А. А. Зализняка «Древнерусские энклитики» (М.: Языки славянской культуры, 2008. 280 с.) // Русский язык в научном освещении. № 1 (17). 2009. С. 259–277.
- ЧЕРНИГОВСКИЙ 1848: Черниговский Ф. Луг Духовный блаженного Иоанна Мосха. М., 1848.

- ЯНИН, ЗАЛИЗНЯК 1993: Янин В. Л., Зализняк А. А. (ред.). Новгородские грамоты на бересте IX (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- ЯРЦЕВА 1990: Ярцева В. Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- ABULADZE 1960: Abuladze I. Jean Moschus, Pré spirituel. Tiflis, 1960.
- ADAMS 1994: Adams J. N. Wackernagel's Law and the Placement of the Copula *esse* in Classical Latin. Cambridge, 1994.
- AGEL ET AL. 2003: Agel V., Eichinger L., Eroms H.-W., Hellwig P., Herringer H. J., Lobin H. (eds.). Dependency and Valency. An International Handbook of Contemporary Research. Vol. 1. Berlin and New York, 2003.
- AGUILAR ET AL. 1994: Aguilar R. M., Lopez Salva M., Rodriguez Alfageme I. (eds.). Χάρης διδασκαλίας. Homenaje a Luis Gil. Madrid, 1994.
- AGUILAR 1983–1984: Aguilar R. M. El sistema de las negaciones en Juan Mosco // Cuadernos de Filología Clásica. T. 18. 1983–1984. P. 335–359.
- ALEXANDER 1994: Alexander R. The Balkanization of Wackernagel's Law // Indiana Slavic Studies. Vol. 7. 1994. P. 1–8.
- ALEXIADOU, ANAGNOSTOPOULOU 1995: Alexiadou A., Anagnostopoulou E. SVO and EPP in Null Subject Languages and Germanic // FAS Papers in Linguistics. Vol. 4. Potsdam, 1995. P. 1–21.
- ALLEN 1973: Allen W. S. Accent and Rhythm, Prosodic Features of Latin and Greek. A Study in Theory and Reconstruction. Cambridge, 1973.
- ANDERSON 1980: Anderson S. R. On the Development of Morphology from Syntax // FISIÁK 1980: 51–70.
- ANDERSON 1992: Anderson S. R. A-Morphous Morphology. Cambridge, 1992.
- ANDERSON 1993: Anderson S. R. Wackernagel's Revenge // Language. Vol. 69. 1993. P. 68–98.
- ANDERSON 1995: Anderson S. R. Towards an Optimal Account of Second Position Phenomena // DEKKERS ET AL 1995: 302–333.
- ANDERSON 1996: Anderson S. R. How to Put Clitics in Their Place or Why the Best Account of Second-Position Phenomena May Be a Nearly Optimal One // The Linguistic Review. Vol. 13. 1996. P. 165–191.

- ANDERSON 2005: Anderson S.R. *Aspects of Theory of Clitics*. Oxford and New York, 2005.
- ANDERSON, INTERNET Anderson S.R. *Second Position Clitics in Tagalog* // http://bloch.ling.yale.edu/Files/Tagalog_PKFestschrift.pdf
- ARRAS 1967: Arras V. *Patericon Aethiopice*. Louvain, 1967.
- BÁDENAS, EGEA 1993: Bádenas de la Peña P., Egea J. M. (eds.). *Oriente y Occidente en la Edad Media. Influjos bizantinos en la cultura occidental*. Vitoria y Gasteiz, 1993.
- BAHNER ET AL. 1987: Bahner W., Schildt J., Viehweger D. (eds.). *Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists, Berlin/GDR, August 10–15 1987*. Berlin, 1987.
- BAKER 1997: Baker M. *On Particles in Universal Grammar: a Review of Den Dikken (1995)* // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 15. 1997. P. 640–666.
- BĂNESCU 1915: Bănescu N. *Die Entwicklung des griechischen Futurums von der früh byzantinischen Zeit bis zur Gegenwart*. Bukarest, 1915.
- BAURAIN ET AL. 1991: Baurain Cl., Bonnet C., Krings V. (éds.). *Phoinikeia grammata. Lire et écrire en Méditerranée. Actes du colloque de Liège, 15–18 nov. 1989*. Namur, 1991.
- BEATON ET AL. 1995: Beaton R., Kelly J., Λεντάρη T. Πίνακας συμφραζόμενων του Διγενή Ακρίτη, Σύνταξη Ε. Ηράκλειο, 1995.
- BEATON, RICKS 1993: Beaton R., Ricks D. (eds.). *Digenes Akrites. New Approaches to Byzantine Heroic Poetry*. London, 1993.
- BECK 1959: Beck H.-G. *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, 1959.
- BERGAIGNE 1879: Bergaigne A. *Essai sur la construction grammaticale considérée dans son développement historique, en sanskrit, en grec, en latin, dans les langues romanes et dans les langues germaniques* // *Mémoires de la Société Linguistique de Paris*. T. 3. 1879. P. 1–51, 124–154, 169–196.
- BLOSS, DEBRUNNER 1971: Blass F., Debrunner A. *A Greek Grammar of the New Testament*. Chicago and London, 1971.
- BORER 1992: Borer H. *Pronominal Clitics* // BRIGHT 1992: 270–272.

- BORISOVA 2006: Borisova A. B. Η προληπτική και επαναληπτική αντωνυμία στη λογοτεχνία της Κρητικής Αναγέννησης. Доклад, прочитанный на 10-ой международной критологической конференции в г. Ханья (Крит), 1–8 октября 2006 г. Тезисы доклада: Literary Society „Chrisostomos“. 10th International Cretological Congress. 1–8 October 2006. Abstracts. Khania, 2006. Σ. 201.
- BRANDT 2001: Brandt P. Presenting and Predicating Lower Events // JAEGER ET AL. 2001: 43–68 (статья также доступна онлайн: <http://uk-online.uni-koeln.de/remarks/d4629/rm2145811.pdf>).
- BRIGHT 1992: Bright W. (ed.). International Encyclopedia of Linguistics. New York and Oxford, 1992.
- BRIXHE 1993: Brixhe C. (éd.). La koiné grecque antique. Nancy, 1993.
- BROWNING 1983: Browning R. Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1983.
- BRUNEL 1964: Brunel J. La construction de l'adjectif dans les groupes nominaux du grec. Paris, 1964.
- BUBENIK 1994: Bubenik V. On Wackernagel's Law in the History of Persian // Indogermanische Forschungen. Bd. 99. 1994. S. 105–122.
- BUBENIK 2001: Bubenik V. Diachronic and Typological Observations on the Role of Wackernagel's Law in Indo-European Languages // IGLA, STOLZ 2001:65–85.
- BYBEE 1985: Bybee J.L. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam and Philadelphia, 1985.
- CAMPBELL 2001: Campbell L. (ed.). Grammaticalization: A Critical Assessment. Language Sciences. Vol. 23. 2–3. 2001.
- CHADWICK 1974: Chadwick H. John Moschus and his Friend Sophronius the Sophist // Journal of Theological Studies. Vol. 25. 2. 1974. P. 41–74.
- CHITTY 1977: Chitty D.J. The Desert a City. An Introduction to the Study of Egyptian and Palestinian Monasticism under the Christian Empire. London, 1977.
- COLLINGE 1985: Collinge N.E. The Laws of Indo-European. Amsterdam, 1985.
- COMRIE 1980: Comrie B. Morphology and Word Order Reconstruction: Problems and Prospects // FISIÁK 1980:83–96.

- COSTA 1997: Costa J. Word Order Typology in Optimality Theory. Draft. October, 1997.
- CROCHETIÈRE ET AL. 1993: Crochetière A., Boulanger J.-C., Ouelon C. (éds.). Les langues menacées. Actes du XVe Congrès international des linguistes, Québec, Université Laval, 9–14 août. Vol. 4. Sainte-Foi, 1993.
- DALRYMPLE 1997: Dalrymple W. From the Holy Mountain: a Journey in the Shadow of Byzantium. London, 1997.
- DEKKERS ET AL 1995: Dekkers J., Drijkoningen F., van de Weijer J. (eds.). Optimality Theory: Syntax, Phonology and Acquisition. Oxford, 1995.
- DE LA VILLA 1989: de la Villa J. Caractérisation fonctionnelle du datif grec // Glotta. Vol. 67. 1989. P. 20–40.
- DELBRÜCK 1878: Delbrück B. Die altindische Wortfolge aus dem Śatapathabrāhmaṇa dargestellt. Halle und Saale, 1878.
- DENNISTON 1952: Denniston J. D. Greek Prose Style. Oxford, 1952.
- DENNISTON 1954: Denniston J. D. The Greek Particles. Oxford, 1954.
- DIK 1981: Dik S. C. Functional Grammar // Publications in Language Sciences. Vol. 7. Dordrecht, 1981.
- DIXON, AIKHENVALD 2002: Dixon R. M. W., Aikhenvald A. (eds.). Word: A Cross-Linguistic Typology. Cambridge, 2002.
- DOVER 1960: Dover K. J. Greek Word Order. Cambridge, 1960.
- DUFFY, VIKAN 1985: Duffy J., Vikan G. A Small Box in John Moschus // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 24. 1. 1985. P. 93–99.
- DUNN 1989: Dunn G. Enclitic Pronoun Movement and the Ancient Greek Sentence Accent // Glotta. Vol. 67. 1989. P. 1–19.
- EIDENEIER 1972: Eideneier H. Σκέψεις σχετικά με το μονοτονικό σύστημα // Μαντατοφόρος. Τ. 14. 1972. Σ. 16–19.
- EIDENEIER 2004: Eideneier H. Όψεις της ιστορίας της Ελληνικής γλώσσας από τον Όμηρο έως σήμερα (από τη Ραψωδία στο Ραπ). Αθήνα, 2004.
- EIDENEIER 2005a: Eideneier H. Ορθογραφική αναρχία — έλλειψη παιδείας; Ζητήματα ορθογραφίας σε μεταβυζαντινά χειρόγραφα // Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα. Τ. 25. 2005. Σ. 197–205.

- EIDENEIER 2005b: Eideneier H. *Ορθοφωνία vs. Ορθογραφία* // JEFFREYS, JEFFREYS 2005:3–16.
- FELDHORN 1967: Feldhohn S. *Blühende Wüste*. Düsseldorf, 1967.
- FISIAK 1980: Fisiak J. (ed.). *Historical Morphology. Trends in Linguistics, Studies and Monographs*. Vol. 17. The Hague, 1980.
- FOLLIERI 1988: Follieri E. *Dove e quando morì Giovanni Mosco?* // *Studi Bizantini e Neoellenici*. Vol. 25. 1988. P. 3–39.
- FRAENKEL 1933: Fraenkel E. *Kolon und Satz: Beobachtungen zur Gliederung des antiken Satzes II* // *Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse. Fachgruppe 1*. Nr. 19. 1933. S. 319–354.
- FRAENKEL 1966: Fraenkel E. *Zur 'Wackernagelschen' Stellung von ἡμῖν, ὑμῖν, nobis, vobis* // *Museum Helveticum*. Vol. 23. Fasc. 1. 1966. S. 65–68.
- FRÖSÉN 1974: Frösén J. *Prolegomena to a Study of the Greek Language in the First Centuries A. D.: The Problem of Koine and Atticism*. Helsinki, 1974.
- GARITTE 1964: Garitte G. *La version géorgienne du „Pré Spirituel“* // *Mélanges Eugène Tisserant*. Vol. 2. *Studi e testi*. Vol. 232. Vatican, 1964. P. 171–185.
- GARITTE 1966: Garitte G. *„Histoires édifiantes“ Géorgiennes* // *Byzantion*. Vol. 36. 1966. P. 396–423.
- GAZDAR ET AL. 1982: Gazdar G., Klein K., Pullum G.K. (eds.). *Order. Concord and Constituency*. Foris, Dordrecht, 1982.
- GENSBACHER, HARGREAVES 1992: Gernsbacher A.M., Hargreaves D. *The Privilege of Primacy. Experimental Data and Cognitive Explanations* // *PAYNE 1992:83–116*.
- GIGNAC 1976: Gignac F. T. *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods*. Vol. 1. *Phonology*. Milan, 1976.
- GIGNAC 1981: Gignac F. T. *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods*. Vol. 2. *Morphology*. Milan, 1981.
- GIVÓN 1971: Givón T. *Historical Syntax and Synchronic Morphology: An Archaeologist's Field Trip* // *Papers from the Seventh Regional Meeting, Chicago Linguistic Society, April 16–18, 1971*. Vol. 7. 1971. P. 394–415.

- GRAMMONT 1948: Grammont M. *Phonétique du grec ancien*. Lyon, 1948.
- GRIJZENHOUT, KRÄMER 2000: Grijzenhout J., Krämer M. Final Devoicing and Voicing Assimilation in Dutch Derivation and Cliticization // STIEBELS, WUNDERLICH 2000:55–82.
- GVARAMIA 1965: Gvaramia R. *Al-Bustan (Pré Spirituel de Jean Moschus d'après un manuscrit sinaitique du Xe siècle)*. Tiflis, 1965.
- HALPERN 1995: Halpern A. L. *On the Placement and Morphology of Clitics*. Stanford, 1995.
- HALPERN 1998: Halpern A. L. Clitics // SPENCER, ZWICKY 1998:101–122.
- HESELING 1916: Hesselting D.-S. *Bloemzeug uit het Pratum Spirituale van Johannes Moschus*. Utrecht, 1916.
- HESELING 1931: Hesselting D.-S. *Morceaux choisis du Pré Spirituel de Jean Moschos*. Paris, 1931.
- HOPPER, TRAUGOTT 1993: Hopper P. J., Traugott E. C. *Grammaticalization*. Cambridge, 1993.
- HORROCKS 1982: Horrocks G. C. The Order of Constituents in Modern Greek // GAZDAR ET AL. 1982:95–111.
- HORROCKS 1990: Horrocks G. C. Clitics in Greek: a Diachronic Review // ROUSSOU, PANTELI 1990:35–52.
- HORROCKS 1991: Horrocks G. C. Οι κλιτικές αντωνυμίες στην ιστορία της Ελληνικής γλώσσας // *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα*. Τ. 11. 1991. Σ. 39–51.
- HORROCKS 1994: Horrocks G. C. Subjects and Configurationality: Modern Greek Clause Structure // *Journal of Linguistics*. Vol. 30. 1. 1994. P. 81–109.
- HORROCKS 1995: Horrocks G. C. On Condition: Aspect and Modality in the History of Greek // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. Vol. 41. 1995. P. 153–173.
- HORROCKS 1997: Horrocks G. C. *Greek. A History of the Language and its Speakers*. London and New York, 1997.
- HRISTIDIS 2001: Χριστίδης Α.-Φ. (επιστ. επιμ.). *Ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Από της αρχές έως σήμερα*. Θεσσαλονίκη, 2001.
- HUBER 1913: Huber P. M. *Johannes Monachus, Liber de miraculis*. Heidelberg, 1913.

- IGLA, STOLZ 2001: Iгла B., Stolz Th. (eds.). „Was ich noch sagen wollte...“
A Multilingual Festschrift for Norbert Boretsky on Occasion of his
65th Birthday. *Studia Typologica*. Vol 2. Berlin, 2001.
- JACQUINOD ET AL. 2000: Jacquinod B., Lallot J., Mortier-Waldschmidt O.,
Wakker G. *Études sur l'aspect verbal chez Platon*. Saint-Etienne,
2000.
- JAEGER ET AL. 2001: Jaeger G., Strigin A., Wilder C., Zhang N. (eds.).
*Papers on Predicative Constructions. Proceedings of the Workshop
on Secondary Predication*, Berlin, October 2000. *ZAS Papers in
Linguistics*. Vol. 22. Berlin, 2001.
- JAKOBSON 1971: Jakobson R. *Selected Writings*. Vol II. The Hague and
Paris, 1971.
- JANDA, JOSEPH 1992: Janda R. D., Joseph B. D. Pseudo-Agglutinativity in
Modern Greek Verb Inflection and „Elsewhere“ // *Papers from
the 28th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Vol. I.
Chicago, 1992. P. 251–266.
- JANSE 1987: Janse M. Wackernagel's Law // *BAHNER ET AL. 1987:2645–
2649*.
- JANSE 1993a: Janse M. La position des pronoms personnels enclitiques en
grec néo-testamentaire à la lumière des dialectes néo-helléniques //
BRIXHE 1993:83–121.
- JANSE 1993b: Janse M. The Prosodic Basis of Wackernagel's Law //
CROCHETIÈRE ET AL. 1993:19–22.
- JANSE 1994a: Janse M. Clitics and Word Order since Wackernagel. One
Hundred Years of Research into Clitics and Related Phenomena //
Orbis. Vol. 37. Paris, 1994. P. 391–410.
- JANSE 1994b: Janse M. État présent de la bibliographie sur l'ordre
des mots // *Techniques et méthodologies modernes appliquées à
l'antiquité*. T. 1. Paris, 1994. P. 185–211.
- JANSE 1994c: Janse M. La loi de Wackernagel et ses extensions en Latin:
à propos de la collocation pronominale chez Pétrone // *Techniques et
méthodologies modernes appliquées à l'antiquité*. T. 1. Paris, 1994.
P. 107–146.
- JANSE 1997: Janse M. J. N. Adams, Wackernagel's Law and the Placement
of the Copula „esse“ // *Kratylos*. Vol. 42. 1997. P. 105–115.

- JANSE 2000: Janse M. Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns // SORNICOLA ET AL. 2000:231–258.
- JANSSEN 1998: Janssen M. C. Η πρόταξη και επίταξη του αδύνατου τύπου της προσωπικής αντωνυμίας την εποχή του Ερωτόκριτου και της Θυσίας του Αβραάμ // Cretan Studies. Vol. 6. 1998. P. 129–144.
- JEFFREYS 1998: Jeffreys E. M. Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial Versions. Cambridge, 1998.
- JEFFREYS, JEFFREYS 2005: Jeffreys E. M., Jeffreys M. J. (eds.). Approaches to Texts in Early Modern Greek. Neograeca Medii Aevi. Bd. 5. Αναδρομικά και Προδρομικά. Oxford, 2005.
- JOSEPH 1990: Joseph B. D. Morphology and Universals in Syntactic Change: Evidence from Medieval and Modern Greek. New York and London, 1990.
- JOSEPH 2000: Joseph B. D. Process of Spread for Syntactic Construction in the Balkans // TZITZIPIS, SYMEONIDIS 2000:139–150.
- JOSEPH 2001a: Joseph B. D. Is There Such a Thing as Grammaticalization? // CAMPBELL 2001:163–186.
- JOSEPH 2001b: Joseph B. D. Προς τα νέα ελληνικά // HRISTIDIS 2001:516–520.
- JOSEPH 2002: Joseph B. D. „Word“ in Modern Greek // DIXON, AIKHENVALD 2002:243–265.
- JOSEPH, PAPPAS 2001: Joseph B. D., Pappas P. A. The Development of the Greek Future System: Setting the Record Straight // Greek Linguistics '99. Proceedings of the 4th International Conference on Greek Linguistics. Nicosia. September 1999. Thessaloniki, 2001. P. 354–359.
- JOSEPH, PAPPAS 2002: Joseph B. D., Pappas P. A. On Some Recent Views Concerning the Development of the Greek Future System // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol 26. 2002. P. 247–273.
- JOSEPH, SMIRNIOTOPOULOS 1993: Joseph B. D., Smirniotopoulos J. C. The Morphosyntax of the Modern Greek Verb as Morphology and Not Syntax // Linguistic Inquiry. Vol. 24. 2. 1993. P. 388–398.
- KAPLANIS 2002: Καπλάνης Τ. Α. Εκδόσεις κειμένων της νεοελληνικής δημόδους γραμματείας και μονοτονικό σύστημα // Κοντυλοφόρος. Τ. 1. 2002. Σ. 205–235.

- KARI 2001: Kari E. E. On the Grammar of Clitics in Degema // *Journal of Asian and African Studies*. № 61. P. 179–192.
- KLAVANS 1985: Klavans J. L. The Independence of Syntax and Phonology in Cliticization // *Language*. Vol. 61. 1985. P. 95–120.
- KNAPP 1971: Knapp F. P. Ein Mirakelmotiv bei Johannes Moschus und Caesarius von Heisterbach // *Fabula*. Bd. 12. 1971. S. 86–89.
- KONTOSOPOULOS 2001: Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 2001.
- KOPRIS, INTERNET Koprís C. Endoclitics in Pashto: Can They Really Do That? // <http://www.mt-archive.info/MTS-2009-Koprís.pdf>
- KRUMBACHER 1897: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897.
- KURYŁOWICZ 1958: Kuryłowicz J. Remarks on Ivanov // *Proceedings of the International Congress of Linguists*. Vol. 8. 1958. P. 158.
- LACKNER 1982: Lackner W. Zwei membra disiecta aus dem Pratum Spirituale des Ioannes Moschos // *Analecta Bollandiana*. Vol. 100. 1982. S. 341–350.
- LEGENDRE 1996: Legendre G. Clitics, Verb (Non-) Movement, and Optimality in Bulgarian. Technical report JHU_CogSci_96_5, November, 1996.
- LEHMANN 1976: Lehmann W. P. From Topic to Subject in Indo-European // *LI* 1976:447–456.
- LEJEUNE 1972: Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris, 1972.
- LEVI DELLA VIDA 1939–1940: Levi della Vida G. Le „stratagème de la vierge“ et la traduction arabe du „Pratum spirituale“ de Jean Moschus // *Annuaire de l'Institut d'histoire et de philologie orientales*. T. 7. 1939–1940. P. 83–106.
- LEVI DELLA VIDA 1940–1941: Levi della Vida G. A Christian Legend in Moslem Garb // *Byzantion*. Vol. 15. 1940–1941. P. 144–157.
- LEVI DELLA VIDA 1946: Levi della Vida G. Sulla versione araba di Giovanni Mosco e di Pseudo-Anastasio Sinaita secondo alcuni codici vaticani // *Miscellanea G. Mercati*. T. 3. Studi e testi. Vol. 123. Vatican, 1946. P. 104–115.

- LI 1976: Li Ch. N. (ed.). *Subject and Topic*. New York, 1976.
- LÓPEZ, WINKLER 2000: López L., Winkler S. *Focus and Topic in VP-Anaphora Constructions // Linguistics*. Vol. 38. 4. 2000. P. 623–664.
- LOUTH 1998: Louth A. *Did John Moschos Really Die in Constantinople? // Journal of Theological Studies*. Vol. 49. 1. 1998. P. 149–154.
- MACKRIDGE 1985: Mackridge P.H. *The Modern Greek Language. A Descriptive Analysis of Standard Modern Greek*. Oxford, 1985.
- MACKRIDGE 1993: Mackridge P.H. *An Editorial Problem in Medieval Greek Texts: the Position of the Object Clitic Pronoun in the Escorial „Digenes Acrites“ // Αρχές της Νεοελληνικής λογοτεχνίας. Πρακτικά του δεύτερου διεθνούς συνεδρίου „Neograeca medii aevi“. Άνάτυπο από τόν Α΄ τόμο. Benetia, 1993. P. 325–342.*
- MACKRIDGE 1994: Mackridge P.H. *Η θέση του αδύνατου τύπου της προσωπικής αντωνυμίας στη μεσαιωνική δημόδη Ελληνική // Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα*. Τ. 15. 1994. Σ. 906–929.
- MACKRIDGE 2000: Mackridge P.H. *The Position of the Weak Object Pronoun in Medieval and Modern Greek // Язык и речевая деятельность*. Т. 3. 1. 2000. С. 133–151.
- MAISANO 1982a: Maisano R. *Il Prato // Storia e testi*. Vol. 1. Naples, 1982.
- MAISANO 1982b: Maisano R. *Sull'uso del termine ὄδελφος nel „Prato“ di Giovanni Mosco // Κοινωνία*. Vol. 6. 1982. P. 147–154.
- MAISANO 1984: Maisano R. *Tradizione orale e sviluppi narrativi nel „Prato“ di Giovanni Mosco // Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*. Vol. 38. 1984. P. 3–17.
- MARKOPOULOS 2005: Markopoulos T. *The Category ‘Future’ in Greek: A Diachronic Investigation of Three Future-Referring Periphrastic Forms*. Dissertation. Cambridge, 2005.
- MATINO 1977: Matino G. *Per lo studio del greco in epoca tardoantica // Κοινωνία*. Vol. 1. 1977. P. 139–177.
- MAYSER, SCHMOLL 1970: Mayser E., Schmoll H. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Bd. 1. 1. Berlin, 1970.
- MEILLET, VENDRYES 1948: Meillet A., Vendryes J. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris, 1948.

- MEL'ČUK 2003: Mel'čuk I. Levels of Dependency in Linguistic Description: Concepts and Problems // *AGEL ET AL.* 2003:188–229.
- MEL'ČUK, INTERNET Mel'čuk I. Dependency in Linguistic Description // <http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/Dependency.pdf>
- MIGNE 1857–1866 Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Vol. 87. 3. Paris, 1857–1866.
- MIHEVČ-GABROVEČ 1957: Mihevč-Gabroveč E. Contributions sémasiologiques aux études de la langue de Jean Moschos // *Živa Antika.* T. 7. 1957. P. 241–244.
- MIHEVČ-GABROVEČ 1960: Mihevč-Gabroveč E. *Études sur la syntaxe de Joannes Moschos.* Ljubljana, 1960.
- MILLER, SAG 1997: Miller P. H., Sag I. A. French Clitic Movement without Clitics or Movement // *Natural Language and Linguistic Theory.* Vol. 15. 1997. P. 573–639.
- MIONI 1950: Mioni E. *Le Vitae Patrum nella Traduzione di Ambrogio Traversari* // *Aevum.* Vol. 24. 1950. P. 319–331.
- MIONI 1971: Mioni E. *Il „Pratum Spirituale“ di Giovanni Mosco* // *Orientalia Christiana Periodica.* Vol. 17. 1971. P. 61–94.
- MIRAMBEL 1966: Mirambel A. *Essai sur l'évolution du verbe en grec byzantin* // *Bulletin de la Societé de Linguistique.* T. 61. 1966. P. 167–190.
- MITHUN 1992: Mithun M. *Is Basic Word Order Universal?* // *PAYNE* 1992:15–61.
- MOULTON 1908: Moulton J.H. *A Grammar of N. T. Greek.* Edinburg, 1908.
- MYDERRIZI 1944: Myderrizi O. *Gramatika e Re e shqipes për shkollat e meime.* Vëll. 1. Tiranë, 1944.
- NEVIS ET AL. 1993: Nevis J. A., Joseph B. D., Wanner D., Zwicky A. M. *Clitics. Comprehensive Bibliography 1892–1991.* Amsterdam and Philadelphia, 1993.
- NISSEN 1938: Nissen T. *Unbekannte Erzählungen aus dem Pratum Spirituale* // *Byzantinische Zeitschrift.* Bd. 38. 1938. S. 351–376.
- OPELT 1964: Opelt I. *Der Eidelstein in Bauch des Fisches. Ein orientalisches Novellenmotiv bei Johannes Moschos* // *Mullus. Festschrift Theodor*

- Klauser, *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Bd. 1. Münster, 1964. S. 268–272.
- ORTIZ GARCÍA 1976–1977: Ortiz García P. La expresión del futuro en el „Pratum spirituale“ de Juan Mosco. Memoria de licenciatura sin publicar. Madrid, 1976–1977.
- ORTIZ GARCÍA 1994: Ortiz García P. El uso del infinitivo con preposición en el „Pratum spirituale“ de Juan Mosco // AGUILAR ET AL. 1994:99–114.
- PALLADIO 1985: Palladio. *La storia Lausiaca*. Introduzione di Ch. Mohrmann. Testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink. Traduzione di M. Barchiesi. Milano, 1985.
- PALMER 1995: Palmer M. W. *Levels of Constituent Structure in New Testament Greek*. New York, 1995.
- PANAGIOTIDIS 2002: Panagiotidis P. Pronouns, Clitics and Empty Nouns. „Pronominality“ and Licensing in Syntax. Amsterdam and Philadelphia, 2002.
- PAPPAS 2001: Pappas P. A. *Weak Object Pronoun Placement in Later Medieval and Early Modern Greek*. Dissertation. Ohio, 2001.
- PAPPAS 2004: Pappas P. A. *Variation and Morphosyntactic Change in Greek. From Clitics to Affixes*. New York, 2004.
- PATTENDEN 1975: Pattenden P. The Text of the „Pratum Spirituale“ // *Journal of Theological Studies*. New Series. Vol. 26. 1. 1975. P. 38–74.
- PATTENDEN 1984: Pattenden P. The Editions of the „Pratum Spirituale“ // *Studia Patristica*. Vol. 15. No 1. 1984. P. 16–19.
- PATTENDEN 1988: Pattenden P. Johannes Moschus // *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. 17. 1988. S. 140–144.
- PATTENDEN 1989: Pattenden P. Some Remarks on the Newly Edited Text of the „Pratum“ of John Moschus // *Studia Patristica*. Vol. 18. 2. 1989. P. 45–51.
- PATTENDEN, IN PROGRESS Pattenden P. *The Spiritual Meadow, Translated Text for Historians*. In *Progress*.
- PAYNE 1992: Payne D. L. (ed.). *Pragmatics of Word Order Flexibility. Typological Studies in Language*. Vol. 22. Amsterdam and Philadelphia, 1992.

- PHILLIPAKI-WARBURTON 1970: Phillipaki-Warburton I. Rules of Accentuation in Classical and Modern Greek // *Glotta*. Vol. 48. 1970. P. 107–121.
- PHILLIPAKI-WARBURTON 1985: Phillipaki-Warburton I. Word Order in Modern Greek // *Transactions of the Philological Society*. Vol. 83. 1985. P. 113–143.
- PHILLIPAKI-WARBURTON 1992: Φιλίππáκη-Warburton Eι. Εισαγωγή στη θεωρητική γλωσσολογία. Αθήνα, 1992.
- PLUNGIAN, VAN DER AUWERA 2006: Plungian V. A., van der Auwera J. Towards a Typology of Discontinuous Past Marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Bd. 59. 4. 2006. S. 317–349.
- REBILLARD 1991: Rebillard L. Exékias apprend à écrire. Diffusion de l'écriture chez les artisans du céramique au VI siècle av. J.-C. // *BAURAIN ET AL.* 1991:549–564.
- ROBERTS 1996: Roberts T. The Optimal Second Position in Pashto. Paper № ROA–174–0297, Rutgers Optimality Archive, 1996.
- ROLLO 1989: Rollo A. L'uso dell'enclisi nel Greco Volgare dal XII al XVII secolo e la legge Tobler-Mussafia // *Italoellinika*. Vol. 2. 1989. P. 35–146.
- ROUËT DE JOURNAL 1946: Rouët de Journal M.-J. Le Pré Spirituel. Paris, 1946.
- ROUGÉ 1968: Rougé J. Miracles maritimes dans l'œuvre de Jean Moschos // *Cahiers d'Histoire*. Vol. 13. 1968. P. 231–236.
- ROUSSOU, PANTELI 1990: Roussou M., Panteli S. (eds.). Greek outside Greece. Vol. 2. Athens, 1990.
- ROZEMOND 1977: Rozemond K. Jean Mosch, patriarche de Jérusalem en exil (614–637) // *Vigiliae Christianae*. Vol. 31. 1977. P. 60–67.
- RUIJGH 1996: Ruijgh C. J. Scripta minora. Ad linguam Graecam pertinentia. Vol. 2. Amsterdam, 1996.
- RUSSELL 1999: Russell K. MOT: Sketch of an OT Approach to Morphology. Draft, July 24, 1999. Ms. University of Manitoba. ROA № 352–1099.
- SALVI, INTERNET Salvi G. Cola e clitics in latino // http://magyar-irodalom.elte.hu/palimpszeszt/08_szam/06.htm
- SIMÓN PALMER 1993a: Simón Palmer J. El monacato oriental en el „Pratum Spirituale“ de Juan Mosco. Madrid, 1993.

- SIMÓN PALMER 1993b: Simón Palmer J. Latinismos en el léxico del „Pratum spirituale“ de Juan Mosco // BÁDENAS, EGEA 1993:9–21.
- SIMÓN PALMER 1994: Simón Palmer J. Juan Mosco en ruso y en inglés // Erytheia. T. 15. 1994. P. 315–324.
- SIMÓN PALMER 1999: Simón Palmer J. El Prado. Madrid, 1999.
- SOPHRONIOU 1989: Sophroniou S. A. Structural Semantics of Byzantine Greek. Nicosia, 1989.
- SORNICOLA ET AL. 2000: Sornicola R., Poppe E., Shisha Ha-Levy A. (eds.). Stability and Change of Word-Order Patterns over Time. Amsterdam, 2000.
- SPENCER, ZWICKY 1998: Spencer A., Zwicky A. M. (eds.). The Handbook of Morphology. Oxford, 1998.
- SPERANTSAS 1960: Σπεράντσας Τ. Σ. Ἀποσπάσματα ἀπὸ τὸν Λειμῶνα τοῦ Ἰωάννου Μόσχου // Ἐφημέριος. Τ. 9. 1960. Σ. 14–18.
- STAURONIKITIANOS 1983: Σταυρονικητιανός Θ. Λειμωνάριον // Ἀνθη τῆς ἐρήμου. Τ. 17. Ἄγιον Ὄρος, 1983.
- STIEBELS, WUNDERLICH 2000: Stiebels B., Wunderlich D. (eds.). Lexicon in Focus. Berlin, 2000.
- TABACHOVITZ 1943: Tabachovitz D. Études sur le grec de la basse époque. Uppsala, 1943.
- TEODORSSON 1977: Teodorsson S.-T. The Phonology of Ptolemaic Koine. Göteborg, 1977.
- TEODORSSON 1978: Teodorsson S.-T. The Phonology of Attic in the Hellenistic Period. Göteborg, 1978.
- THAU-KNUDSEN 1998: Thau-Knudsen E. Ways to Express Future Tense in the Balkan Languages: Grammaticalization of ‘volo’ and ‘habeo’ with Special Regards to Eastern South Slavic // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 16–22 марта 1998 г. Балканские исследования. Вып. 11. СПб., 1998. С. 64–71.
- TONNET 1981: Tonnet H. Note sur les aspects en grec moderne // Cahiers balkaniques. T. 1. 1981. P. 29–36.
- TONNET 1982: Tonnet H. Note sur la constitution du futur grec moderne // Cahiers balkaniques. T. 3. 1982. P. 105–199.

- TONNET 1993: Tonnet H. Histoire du grec modern. Formation d'une langue. Les Langues à l'INALCO. Paris, 1993.
- TZITZIPIS, SYMEONIDIS 2000: Tzitzipis L., Symeonidis C. (eds.). Balkan Linguistik: Synchronie und Diachronie. Thessaloniki, 2000.
- USENER 1907: Usener H. Der heilige Tychon. Leipzig und Berlin, 1907.
- VAILHÉ 1902: Vailhé S. Jean Mosch // Échos d'Orient. T. 5. 1902. P. 106–116.
- VAN RIEMSDIJK 1999: Van Riemsdijk H. Clitics: a State of the Art Report // VAN RIEMSDIJK (ed.) 1999:1–31.
- VAN RIEMSDIJK (ed.) 1999: Van Riemsdijk H. (ed.). Clitics in the Languages of Europe. Berlin and New York, 1999.
- VAN VALIN JR. 1999: Van Valin Jr. R. D. A Typology of the Interaction of Focus Structure and Syntax // РАХИЛИНА, ТЕСТЕЛЕЦ 1999:511–524.
- VAN WIJK 1933a: van Wijk N. Das gegenseitige Verhältnis einiger Redaktionen der Andron hagion biblos und die Entwicklungsgeschichte des Mega Leimonarion. Amsterdam, 1933.
- VAN WIJK 1933b: van Wijk N. Einige Kapitel aus Johannes Moschos // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 10. 1933. S. 60–66.
- VON SCHÖNBORN 1972: von Schönborn Ch. Sophrone de Jérusalem. Paris, 1972.
- WACKERNAGEL 1892: Wackernagel J. Über ein Gesetz der Indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. Bd. 1. 1892. S. 333–435.
- WACKERNAGEL 1926: Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax. Basel, 1926.
- WEIL 1879: Weil H. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langages modernes: question de grammaire générale. Paris, 1879.
- WORTLEY 1992: Wortley J. The Spiritual Meadow. Michigan, 1992.
- ZWICKY 1977: Zwicky A. M. On Clitics. Bloomington, 1977.
- ZWICKY 1992: Zwicky A. M. Clitics: An Overview // BRIGHT 1992:269–270.

Оглавление

	Стр.
От АВТОРА	3
Список сокращений и условных обозначений	6
§	
ВВЕДЕНИЕ	
1—5. Общие положения	9
6. Иоанн Мосх	16
7. Общие сведения о «Луге Духовном»	19
8—9. Литературные и художественные особенности	20
10. Рукописи и первые издания	27
11—19. Текстологические разночтения	30
11. Информативные разночтения	30
12. Фонетические и графические разночтения	30
13. Стилистические разночтения	31
14. Лексические разночтения	32
15. Морфологические и словообразовательные разночтения	32
16. Синтаксические разночтения	33
17—19. Прочие замечания о разночтениях	34
20. Издания «Луга Духовного»	35
21. Правила нумерации строк	35
ГЛАВА 1.	
<i>Общие сведения о языке Иоанна Мосха</i>	
22—24. «Луг Духовный» и позднее койне	36
22. Лексика	36
23. Просодические изменения и морфология	37
24. «Луг Духовный» и языковые изменения	40
25—39. Имя существительное	41
25. Артикль	41
26. Другие показатели определенности	44
27. Род	44

28.	Число	47
29.	Множественное скромности	47
30.	Множественное вежливости	48
31.	Множественное величественности	48
32.	Падеж	49
33.	Функции дательного падежа	50
34.	Замена дательного родительным	51
35.	Замена дательного винительным	51
36.	Общие замечания о замене дательного падежа другими	53
37.	Употребление дательного вместо родительного	54
38.	Прочие случаи употребления дательного вместо других падежей	55
39.	Звательный падеж	55
40–48.	Глагол	56
40.	Общие замечания	56
41.	Прошедшие времена в «Луге Духовном»	57
42.	Аорист и имперфект	58
43.	Аорист и перфект	59
44–45.	Аналитические формы прошедшего времени: перфект, плюсквамперфект	59
46.	Средства выражения будущего времени	63
47.	Аналитические формы будущего времени	66
48.	Конструкции с $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$	69

ГЛАВА 2.

Порядок слов

49.	Общая проблематика и стратегии исчисления порядка слов	72
50.	Подсчеты частотности употреблений	76
51–57.	Рассмотрение порядка слов в рамках словосочетаний	78
51.	Предсказуемость	78
52.	Сочетание глагола с несколькими дополнениями	80
53.	Несколько глаголов в рамках VP	84
54–56.	Дистантная позиция дополнения	85
57.	Порядок компонентов в NP	87
58.	Факторы, определяющие порядок слов в предложении	88

59.	Порядок слов как один из элементов стратегии нарративности	91
60—65.	Маркированность и средства ее выражения	96
60.	Эмфаза, фразовое ударение, акцентное выделение	96
61—65.	Процедуры маркирования	99
66—77.	Закон Ваккернагеля в «Луге Духовном»	102
66.	Общие положения	102
67—77.	Проверка языка Иоанна Мосха на принадлежность к языкам ваккернагелевского типа	114

ГЛАВА 3.

Местоименные энклитики

78—95.	Статус местоименных энклитик в греческом языке	122
78.	Вопрос о морфологическом статусе	122
79—83.	Местоименные клитики — аффиксы: Pro	124
84—89.	Местоименные клитики — аффиксы: Contra	127
90—94.	КЗ-правила Питера Макриджа	131
95.	Вывод о морфологическом статусе местоименных энклитик	135
96.	Общие замечания о местоименных энклитиках в «Луге Духовном»	136
97—99.	Постпозиция местоименных энклитик	139
97.	Постпозиция и семантические особенности глаголов	139
98—99.	Постпозиция и информативность	141
100—106.	Препозиция местоименных энклитик	145
100.	Типы факторов, влияющих на препозицию	145
101.	Формальные факторы	145
102.	Препозиция и запрет на разрыв составляющих	146
103.	Местоименная энклитика как разделитель глагольных форм	148
104.	Прагматические обусловленные факторы	150
105—106.	Местоименные энклитики в препозиции и ударные местоименные формы	151
107—110.	Принципы и правила постановки местоименных энклитик	160
107.	Общие замечания	160

108.	Постпозиция	160
109.	Препозиция	161
110.	Выводы	161

ГЛАВА 4.

Двусложные местоименные дополнения

111—112.	Общие замечания	163
113.	Закон Вакернагеля	165
114.	Двусложные местоимения и притяжательные местоимения (энклитики)	167
115—118.	Позиция двусложного местоимения относительно глагола-референта	168
115.	Предварительные замечания	168
116.	Постпозиция	170
117.	Формальные причины препозиции	172
118.	Прагматически обусловленные причины препозиции	174
119.	Двусложные местоимения и местоименные энклитики	176

	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
--	------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Предисловие к книге Нового Сада, называемой «Луг»
182

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Разночтения, указанные Ж.-П. Котельером (VL)
185

Библиография	193
Список таблиц и иллюстраций	217

Список таблиц и иллюстраций

ГЛАВА 1.

Рис. 1.1.	Употребление падежей с предлогами в «Истории монахов в Египте»	49
Рис. 1.2.	Способы выражения будущего времени в «Луге Духовном»	66
Табл. 1.1.	Фонетические изменения и глагол	38
Табл. 1.2.	Фонетические изменения и глагол (продолжение)	39
Табл. 1.3.	Фонетические изменения и имя существительное	40
Табл. 1.4.	Употребление <i>Dativus</i> и <i>Accusativus relationis</i>	50
Табл. 1.5.	Личные формы <i>IND FUT</i> и <i>IND PRAES (futuralis)</i> в текстах VI–XV вв.	65
Табл. 1.6.	Влияние стили на выбор средств выражения будущего времени	67

ГЛАВА 2.

Рис. 2.1.	Варианты порядка слов в гл. CVII	77
Рис. 2.2.	Варианты порядка слов в гл. LXXVII	78
Рис. 2.3.	Варианты порядка слов в вводной главе	79
Рис. 2.4.	Порядок слов и интерпретация высказывания	79
Рис. 2.5.	Несколько глаголов в VP	84
Табл. 2.1.	Правило рангов дополнений	80
Табл. 2.2.	Правило рангов и позиция дополнений в «Луге Духовном»	83
Табл. 2.3.	Языковые средства выражения и их возможные употребления	89
Табл. 2.4.	Типы клитик, исходя из их ориентации на словоформу-хозяина	106
Табл. 2.5.	Правило рангов энклитик в «Луге Духовном»	117

ГЛАВА 3.

Рис. 3.1.	Место клитик на шкале линейно-синтагматической свободы	124
Рис. 3.2.	Место местоименных клитик на шкале линейно-синтагматической свободы	124
Рис. 3.3.	Валентности глагола	143
Табл. 3.1.	Позиция местоименных клитик в «Луге Духовном»	138
Табл. 3.2.	Употребление сильных форм личных местоимений	152

ГЛАВА 4.

Табл. 4.1.	Личные местоимения третьего лица (ионийский диалект)	164
Табл. 4.2.	Позиция местоименных дополнений 3SG и PL.	169
Табл. 4.3.	Позиция местоименных дополнений 1 и 2PL	169
Табл. 4.4.	Двусложные местоименные дополнения и местоименные клитики	177